МЫСЛИ,

ОТНОСЯЩІЯСЯ

КЪ

ФИЛОСОФИЧЕСКОЙ ИСТОРІИ
ЧЕЛОВѢЧЕСТВА,

ПО

РАЗУМѢНІЮ И НАЧЕРТАНІЮ

ГЕРДЕРА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,
ВЪ ТИПОГРАФІИ Н. ГРЕЧА.
1829.

Печатать позволяется,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи, представлены были въ Ценсурный Комитетъ три экземпляра. Санктпетербургъ, Декабря 28 дня 1828 года.

Ценсоръ К. Сербиновичъ.

Принося Россійской Словесности въ даръ преложеніе Гердеровыхъ мыслей къ Исторіи человѣчества, долженъ я предувѣдомить читателя о слѣдующемъ:

1. Кончивъ переводъ первыхъ пяти книгъ, и находя содержаніе ихъ утѣшительнымъ для человѣка, поспѣшаю издать оныя, не дожидаясь окончанія послѣдующихъ, тѣмъ болѣе, что сіи пять книгъ сами въ себѣ заключаютъ цѣлость.

2. Сличая переводъ съ подлинникомъ, читатель въ нѣкоторыхъ мѣстахъ найдетъ перемѣны, въ пятой же книгѣ значительныя отступленія, но вмѣстѣ съ тѣмъ узнаетъ и причины. Вольность сія не только не противна духу незабвеннаго Сочинителя, но и соотвѣтствуетъ волѣ его, изъявленной въ предисловіи къ сему творенію.

3. Въ томъ же предисловіи, между прочимъ, Гердеръ предваряетъ, что Природа, не будучи особымъ существомъ, употребляется единственно средствомъ къ выраженію дѣйствующей по законамъ Вседержителя силы; но часто ее олицетворяетъ для того, дабы избѣгать повторенія всуе имени Божія, Которое надлежитъ произносить только при важнѣйшихъ обстоятельствахъ, и то съ глубочайшимъ благоговѣніемъ.

Переводчикъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

Книга первая.

I. Наша Земля есть звѣзда между звѣздами . 1.

II. Наша Земля принадлежитъ къ среднимъ планетамъ . . . . 6.

III. Наша Земля испытала многоразличныя превращенія, пока учинилась тѣмъ, что она теперь . . . . . . 14.

IV. Земля наша есть шаръ, обращающійся около себя и противъ солнца въ косвенномъ направленіи . . . . . 20.

V. Наша Земля окружена парами и состоитъ въ связи со многими небесными звѣздами. 28.

VI. Обитаемая нами планета есть хребетъ горъ, возвышающихся надъ поверхностію водъ . . . . 33.

VII. Отъ протяженія горныхъ кряжей оба полушарія наши учинились зрѣлищемъ чудесныхъ разностей и измѣненій . . 49.

Книга вторая.

I. Земный шаръ нашъ есть большой заводъ разнородныхъ Творческихъ произведеній . 56.

II. Объ отношеніи прозябаемаго царства къ Исторіи человѣчества . . . . 63.

III. Царство животныхъ въ отношеніи съ Исторіи человѣчества . . . . 76.

Стран.

IV. Человѣкъ есть среднее твореміе между одушевленными земнородными . . . 85.

Книга третія.

I. Сравненіе состава растеній и животныхъ въ отношеніи къ организаціи человѣка . 94.

II. Сравненіе разныхъ органическихъ силъ, дѣйствующихъ въ животныхъ . . 109.

III. Примѣры физіологическаго строенія нѣкоторыхъ животныхъ . . . . 127.

IV. О побужденіяхъ животныхъ . . . 135.

V. Продолженіе устроенія твореній къ связи разныхъ понятій и къ особенному свободному употребленію чувственныхъ орудій и членовъ . . . . 145.

VI. Органическая разность между безсловесными животными и человѣкомъ . . 153.

Книга четвертая.

I. Человѣкъ устроенъ къ способности ума . 157.

II. Возвратный взглядъ отъ организма человѣческой головы на низшія творенія, приближающіяся къ его организаціи . . 184.

III. Человѣкъ устроенъ къ тончайшимъ чувствамъ, къ искуству и слову. . . 192.

IV. Человѣкъ устроенъ къ благороднѣйшимъ побужденіямъ, при свободной волѣ управлять оными . . . . . . 202.

V. Человѣкъ созданъ къ нѣжнѣйшему здоровью, вмѣстѣ однако къ сильнѣйшей прочности, а за тѣмъ къ распространенію по всей землѣ. . . . . 215.

Стран.

VI. Родъ нашъ созданъ къ достоинству человѣчества и къ Богопочитанію . . 223.

VII. Человѣкъ устроенъ къ упованію на безсмертіе . . . . . . 239.

Книга пятая.

I. Въ твореніяхъ земли нашей господствуетъ рядъ возносящихся другъ надъ другомъ формъ и силъ . . . . . 244.

II. Мы въ Природѣ не видимъ силы безъ органа: но органъ не есть сила, которая посредствомъ его дѣйствуетъ . . 253.

III. Всякая связь силъ и формъ есть движеніе, которое не стоитъ на одномъ мѣстѣ, не обращается назадъ, но подвигается впередъ . . . . . 260.

IV. Царство человѣческаго организма есть составъ духовныхъ силъ . . . 264.

V. Человѣческое достоинство наше есть только предуготовительное, почка къ будущему цвѣтку. . . . . 281.

VI. Человѣкъ въ нынѣшнемъ состояніи, вѣроятно, есть соединительнымъ членомъ двухъ міровъ . . . . . 290.

МЫСЛИ
къ
ИСТОРІИ ЧЕЛОВѢЧЕСТВА.

КНИГА ПЕРВАЯ.

I.

Наша Земля есть звѣзда между звѣздами.

Желая истинно любомудрствовать объ Исторіи рода человѣческаго, мы должны начать свои наблюденія съ Неба. Обитель наша, Земля, существуетъ не сама собою: она въ безпрерывной связи съ дѣйствующими по всему мірозданію небесными силами, отъ коихъ получаетъ свойство, видъ; получаетъ силу производить, содержать, сохранять созданія. За тѣмъ и должно разсматривать ее не отдѣльно и уединенно, но въ сонмѣ міровъ, между которыми она поставлена. Невидимыми, предвѣчными узами прикрѣплена она къ Солнцу, своему средоточію, надѣляющему ее свѣтомъ, теплотою, жизнію, крѣпостію. Безъ того наша планетная система, столь же неудобовообразима, сколь неумѣстенъ кругъ безъ средоточія.

Предвѣчный надѣлилъ то Солнце, равно какъ и всѣ вещества, благотворными силами притяженія. Подъ ихъ-то вліяніемъ, по простымъ, изящнымъ законамъ, образуются въ царствѣ его планеты, кои бодро и безостановочно вращаются около своей оси и около общаго средоточія въ пространствахъ, соразмѣрныхъ ихъ величинѣ и плотности. Видимъ даже около нѣкоторыхъ планетъ по симъ же законамъ образующіяся Луны, ими же держимыя. Нѣтъ чувствованія возвышеннѣе того, которое производится воображеніемъ о величіи мірозданія; и человѣческій умъ, никогда не совершалъ, можетъ быть, столь отважнаго полета, какъ въ Коперникѣ, Кеплерѣ, Невтонѣ, Гугенѣ и Кантѣ, изобрѣтеніемъ и опредѣленіемъ простыхъ, предвѣчныхъ и самыхъ совершенныхъ законовъ образованія и движенія планетъ.

Мнѣ кажется, что это былъ Эмстерунсъ, который сѣтовалъ на то, что сія величественная Наука не получила Математической точности во времена Греческія. Мы довольствуемся большею частію тѣмъ, что воображаемъ себѣ Землю нашу пылинкою, плывущею въ необъятной пучинѣ, гдѣ Земли и Солнцы, гдѣ сіи Солнцы съ тысячами другихъ, а можетъ быть, и множество таковыхъ солнечныхъ системъ совершаютъ около средоточія свое круготеченіе въ разсѣянныхъ пространствахъ Неба. Наконецъ, и воображеніе и умъ, теряясь въ семъ безпредѣльномъ морѣ и предвѣчномъ величіи, не находятъ нигдѣ ни исхода, ни конца. Но дѣло не ограничивается единымъ изумленіемъ, производящимъ въ насъ ничтожество. Предъ лицемъ Природы, самой въ себѣ вездѣ совершенной, малѣйшая пылинка имѣетъ такое же достоинство, какъ и неизмѣримое цѣлое. Природа опредѣлила точки пространства и бытія, гдѣ должны образоваться міры, и въ каждой изъ сихъ точекъ она нераздѣлимою полнотою могущества, мудрости и благости такъ цѣла, какъ бы не было болѣе никакихъ другихъ точекъ образованія, никакихъ другихъ атомовъ. Когда раскрываю великую книгу Неба, и вижу предъ собою сіе неизмѣримое зданіе, которое одно Божество вездѣ Собою наполнять можетъ, — заключаю; сколько могу, отъ цѣлаго къ части, отъ части къ цѣлому. Единая только сила, создавшая сіяющее Солнце и сохраняющая при немъ мою былинку; единая только сила, двигающая млечнымъ путемъ Солнцевъ и законами тяжести, дѣйствуетъ и на мое земное тѣло. Когда я вижу, что пространство, занимаемое нашею Землею во храмѣ Солнца; мѣсто, очерчаемое ея теченіемъ; ея величина, составъ,

и все отъ того зависящее, опредѣлены законами, дѣйствующими въ неизмѣримости: то не только остаюсь я на семъ мѣстѣ довольнымъ и радуюсь тому, что удостоенъ быть членомъ въ стройномъ сонмѣ несчетныхъ существъ, но и чувствую самое сильное побужденіе вопрошать: чѣмъ я на семъ мѣстѣ быть долженъ, и чѣмъ я быть могу? — Если даже и въ томъ, что мнѣ кажется ограниченнымъ и противнымъ, я нахожу не только слѣды той величественной, образующей силы, но еще очевидную связь между малѣйшею частицею и необъятнымъ предначертаніемъ Творца: то да будетъ благимъ дѣломъ моего, Богу подражающаго ума, слѣдовать тому предначертанію и предаться веденію небомъ освѣщаемаго разума. На земли не буду искать небесныхъ Ангеловъ, невидимыхъ для моего бреннаго зрѣнія; буду слѣдовать за обитателями земли, за людьми и за всѣмъ тѣмъ, что великая матерь здѣсь производитъ, носитъ, питаетъ, терпитъ, и наконецъ съ любовію на свое лоно пріемлетъ. Ея сестры, другія Земли, можетъ быть, любуются лучшими, совершеннѣйшими твореніями; но я довольствуюсь одною мыслію; на ней живетъ то, что на ней жить можетъ. Мое зрѣніе образовано для сей, а не для другой отдаленности отъ солнечныхъ лучей; слухъ для сего

воздуха, тѣло для сего плотнаго состава; всѣ органы приноровлены къ свойству и устроенію сей, а не другой Земли; сообразно тому дѣйствуютъ также и душевныя мои силы; все пространство и кругъ дѣйствія моего племени столь же твердо установлены и скрѣплены, какъ составъ и путь земли, на которой назначено мнѣ выжить свое время: для того-то во многихъ языкахъ человѣкъ производитъ свое названіе отъ своей матери Земли. Но чѣмъ обширнѣе то сонмище согласія, благости и мудрости, къ коему принадлежитъ сія матерь моя; чѣмъ тверже и величественнѣе законы, на которыхъ бытіе сіе и всѣхъ міровъ опирается; чѣмъ болѣе примѣчаю, что въ нихъ все отъ одного происходитъ и одно всему служитъ: тѣмъ сильнѣе чувствую, что моя судьба привязана не къ земному праху, но къ невидимымъ законамъ, управляющимъ землею. Сила, которая во мнѣ мыслитъ и дѣйствуетъ, столь же вѣчна, какъ и та, которая содержитъ вкупѣ и солнцы и звѣзды. Ея орудія бренныя могутъ обветшать; кругъ ея дѣйствій можетъ перемѣниться, подобно какъ земли ветшаютъ и звѣзды перемѣняютъ свое мѣсто; но законы, по коимъ она тутъ находится и въ другихъ видахъ паки является, неизмѣ-

няемы. Ея существо столь же вѣчно, какъ и премудрость Божія, и опоры моего бытія (не моего тѣлеснаго вида) столь же тверды, какъ и основаніе вселенной. Всякое бытіе, въ самомъ большемъ и въ самомъ маломъ существѣ, подлежитъ одинакимъ законамъ. И такъ согласіе мірозданія обезпечиваетъ корень моего бытія, мою внутреннюю жизнь навѣки. Гдѣ и чѣмъ бы я ни былъ, я буду всегда тѣмъ, что есмь теперь — силою въ системѣ всѣхъ силъ, членомъ въ безконечномъ, стройномъ чинѣ свѣта Божія.

II.

Наша Земля принадлежитъ къ среднимъ планетамъ.

Земля имѣетъ подъ собою двѣ планеты: Меркурія и Венеру, надъ собою — Марса, Юпитера, Сатурна, Урана; и кто знаетъ, какія другія еще могутъ быть до ихъ предѣловъ, гдѣ теряется уже стройный кругъ солнца, и гдѣ правильный бѣгъ послѣдней планеты встрѣчается съ дикою чертою путей, совершаемыхъ кометами. И такъ Земля есть среднее твореніе, какъ по своему мѣсту, такъ и по величинѣ, соразмѣрности и продолжительности обращенія вокругъ себя и около Солнца. Нигдѣ нѣтъ въ ней крайно-

сти, ни въ величинѣ или малости, ни въ скорости или медленности. Она преимущественно предъ другими планетами удобна къ произведенію Астрономическихъ наблюденій надъ цѣлымъ мірозданіемъ. Сколь велико бы было наше удовольствіе, если бы мы возмогли поближе познать хотя нѣкоторые члены сего величественнаго созвѣздія. Путешествіе на Юпитеръ, Венеру, или хотя на нашу Луну, доставило бы нѣкоторую развязку объ отношеніи состава Земли нашей, возникшей по одинакимъ съ тѣми же планетами законамъ, объ отношеніи земнородныхъ къ составамъ существъ на другихъ небесныхъ тѣлахъ, а можетъ статься, и о будущемъ нашемъ предназначеніи. Изъ свойства двухъ или трехъ членовъ общей цѣпи можно бы было вѣрнѣе судить о дальнѣйшемъ продолженіи оной. Но Природа поставила намъ преграду. Мы смотримъ на Луну, замѣчаемъ ея преогромные утесы и горы; видимъ Юпитера, наблюдаемъ дикія его превращенія и полосы; видимъ кольцо Сатурна, красноватый свѣтъ Марса, нѣжное сіяніе Венеры, и составляемъ себѣ догадки, смотря по тому, какъ намъ удачно, или неудачно видимое кажется. Изъ сихъ-то догадокъ возникло удостовѣреніе, что въ разстояніи между планетами господствуетъ соразмѣрность; выведены вѣро-

ятныя заключенія о плотности ихъ состава, а изъ всего того усиливались вывести связь ихъ бѣга и обращенія; но все сіе только Математически, а не Физически, для того, что, кромѣ нашей земли, не имѣемъ мы другаго члена мірозданія для сравненія. Въ разсужденіи соразмѣрности планетъ, ихъ движенія и теченія, напр. къ своему солнечному углу, не открыто еще правила, по которому бы можно было и въ томъ объяснить общее дѣйствіе во всемъ одного и того же закона. Еще менѣе знаемъ постепенности каждой планеты въ своемъ строеніи, а всего менѣе извѣстны намъ составъ и участь ихъ обитателей. Всѣ мечты Кирхера и Шведебурга, шутки Фонтенеля и догадки Гугенса, Ламберта и Канта, сдѣланныя каждымъ по своему, доказываютъ, что намъ о томъ ничего знать нельзя, ничего знать не должно. Вознесемся ли, или низойдемъ съ нашимъ мѣриломъ, поставимъ ли совершеннѣйшія творенія солнца вблизи или вдали отъ онаго, — воображаемое останется сновидѣніемъ; и сей сонъ, за недостаткомъ успѣховъ въ познаніи разности планетъ, будучи на каждомъ шагу прерываемъ, представляетъ наконецъ заключеніе: что вездѣ, какъ и здѣсь, господствуетъ единство и разнообразіе; но что мѣра нашего ума, такъ какъ и положеніе

угла нашего, не даютъ намъ никакого размѣра къ опредѣленію обратныхъ теченій. Мы не въ средоточіи, но стѣсненные въ углу, подобно другимъ землямъ, плаваемъ въ морѣ неизвѣстности, не имѣя мѣрила сравненія.

Но если изъ нашего положенія въ отношеніи къ Солнцу, источнику свѣта и жизни въ нашемъ твореніи, позволено намъ дѣлать нѣкоторыя заключенія: то, кажется, Землѣ нашей достался золотой, двусмысленный жребій посредственности; мы можемъ утѣшаться, воображая ее себѣ счастливою срединою. Когда Меркурій совершаетъ обращеніе около своей оси, можетъ быть, въ 6 часовъ, а свой годъ въ 88 дней, и въ шесть разъ сильнѣе освѣщаемъ Солнцемъ, нежели мы; когда, напротивъ, Юпитеръ совершаетъ свой дальній путь около Солнца въ 11 лѣтъ 313 дней, притомъ однако сутки его составляютъ не болѣе 10 часовъ; когда ветхій Сатурнъ, на коемъ солнечное сіяніе во сто разъ слабѣе, едва въ 30 лѣтъ оканчиваетъ свое теченіе около Солнца, обращеніе же его около своей оси продолжается едва 7 часовъ: то мы — среднія планеты: Земля, Марсъ и Венера средней натуры. Нашъ день столь мало разнствуетъ отъ дня другихъ планетъ, сколь напротивъ того годъ имѣетъ великую разность. И день Ве-

неры также близко 24-хъ, а Марса безъ малаго 25 часовъ; годъ же первой 224 дня, а послѣдняго 322 дня, хотя онъ въ $3\frac{1}{2}$ раза менѣе земли и большею половиною отдаленнѣе отъ солнца; далѣе же отношенія ихъ величины, обращенія и отдаленности уже буйно расходятся врознь. И такъ Природа поставила насъ на одной изъ трехъ среднихъ планетъ, на которыхъ, кажется, господствуетъ въ составѣ ихъ твореній такая же средняя соразмѣрность и такое же взвѣшенное соотношеніе, какія примѣчаемъ на нихъ во времени и пространствѣ. Соотвѣтствіе между нашею вещественностію и духомъ столь же удобно къ уравненію, какъ долгота нашихъ дней и ночей. Быть можетъ, что быстрота нашихъ мыслей имѣетъ соотношеніе съ кругообращеніемъ нашей планеты около себя и около Солнца, въ сравненіи съ быстрымъ или медленнымъ обращеніемъ другихъ звѣздъ; такъ ясно видимъ, что наши чувства состоятъ въ соразмѣрности съ тонкостію организма, приноровленнаго къ Землѣ нашей. Чѣмъ далѣе отъ насъ, тѣмъ бо́льшія должны быть разности. Но пока мы здѣсь обитаемъ, то должны держаться нашего земнаго ума и достижимой нами добродѣтели. Если бы намъ можно было, паря на крыліяхъ Меркурія, взирать

очами его на Солнце; если бы вмѣстѣ съ быстрымъ обращеніемъ Сатурна и Юпитера около себя, дано было намъ долгое и дальнее ихъ теченіе около Солнца, или если бы намъ можно было на власахъ кометъ, умѣя сносить величайшій зной и величайшую стужу, плавать по отдаленнѣйшимъ пространствамъ неба: тогда, можетъ статься, кругъ силъ и мыслей человѣка былъ бы, вмѣсто умѣреннаго или обширнѣйшій, или тѣснѣйшій. Но гдѣ и чѣмъ мы теперь, да будемъ держаться благоразмѣреннаго пути, приноровленнаго, уповательно, ко времени вѣка нашего.

И самая дремлющая душа можетъ прійти въ умиленіе отъ мысли, что мы нѣкогда, какимъ нибудь образомъ, воспріимемъ участіе въ общемъ блаженствѣ, производимомъ сими сокровищами созидательной природы, еще нынѣ намъ заповѣдными; отъ мысли, что статься можетъ, дальнѣйшимъ теченіемъ судьбы нашей будетъ странствіе по другимъ звѣздамъ, или, можетъ быть, предназначено намъ нѣкогда сообщаться со всѣми въ совершенство приходящими жителями собратнихъ міровъ. Коль скоро у насъ силы и мысли, имѣя свой зародышъ въ земномъ организмѣ, стремятся къ безпрестаннымъ перемѣнамъ и преобразованіямъ, пока дости-

гаютъ возможной здѣсь чистоты и утонченности; то, по правиламъ сравненія, вѣрно такъ бываетъ и на другихъ звѣздахъ. И какой величественный образъ блаженнаго согласія! Тьмы тѣмъ существъ разнороднаго состава, дѣйствуя къ единой цѣли, другъ другу сообщаютъ свои чувствованія и познанія! — Нашъ умъ есть только умъ земной, исподоволь образуемый, питаемый здѣсь окружающею насъ плотію; таковы же побужденія и склонности нашего сердца. Вѣроятно, наружныя ихъ средства и препоны неизвѣстны другому міру. Но послѣдній конецъ, внутренняя ихъ сила и тамъ извѣстна. Нѣтъ ни малѣйшаго въ томъ сомнѣнія. И тамъ всѣ пространства текутъ къ средоточію круга. Чистый умъ, изъ какихъ бы веществъ извлеченъ ни былъ, вездѣ умомъ только быть можетъ; крѣпость сердца, на какіе бы предметы ни привыкла дѣйствовать, останется вездѣ тою же крѣпостію. И такъ уповательно, что во всѣхъ постигаемыхъ нами мірахъ величайшее разнообразіе стремится къ единству, и всеобъемлющая Природа вѣрно имѣетъ въ виду средоточіе, гдѣ соединяетъ благороднѣйшія усилія толь разнородныхъ существъ, и цвѣты всѣхъ міровъ собираетъ во единъ вертоградъ неблекнущій. Что соединено плотски, для чего не

можетъ быть соединено въ духовномъ и нравственномъ отношеніи? Духовное и нравственное, будучи прикосновенны веществамъ, повинуются, хотя въ высшей степени, тѣмъ же законамъ, зависящимъ отъ солнечной системы. Если бы позволено было сравнить общее свойство различныхъ планетъ, а также жизни и организма ихъ обитателей, съ разнообразными цвѣтами солнечнаго луча, то я бы сказалъ, что свѣтъ одинаковаго солнца истины и добра, можетъ быть, различно преломливается на всякой планетѣ такъ, что еще ни одна не наслаждается тѣмъ свѣтомъ вполнѣ. Но какъ планеты освѣщаемы однимъ солнцемъ, и всѣ несутся на одной ризѣ образованія, то должно уповать, что онѣ, всякая своимъ путемъ, приближаются къ совершенству, и, можетъ быть, послѣ нѣкоторыхъ странствій, нѣкогда соединятся во единое училище добра и изящнаго. Между тѣмъ однако будемъ созерцать себя какъ земнородныхъ, какъ одну краску, между безчисленными красками, составляющими цѣлый образъ нашего созвѣздія. Пусть свѣтъ, коимъ мы пользуемся, кажется пріятнѣйшимъ для нашего зрѣнія, подобно цвѣту зеленому; но чистымъ свѣтомъ солнца столь же мало почитать оный можно, какъ

нашъ умъ и наша воля могутъ почитаемы быть орудіями всего мірозданія: ибо ясно, что мы со всею землею составляемъ самый только малый отломокъ цѣлаго.

III.

Наша Земля испытала многоразличныя превращенія, пока учинилась тѣмъ, что она теперь.

Земля сама возвѣщаетъ сію истину явленіями надъ и подъ своею поверхностію (далѣе люди еще не проницали). Вода, разливаясь, образовала равнины, горы, долины; огонь, пылая, разрывалъ земныя коры, воздвигалъ горы, и извергалъ растопленную внутренность чрева; воздухъ, заключенный въ землѣ, раздвигалъ пещеры, и содѣйствовалъ порывамъ тѣхъ могущественныхъ стихій; вѣтры бушевали на ея поверхности, и еще могущественнѣйшая причина измѣнила даже ея поясы. Многое изъ сего совершалось еще и въ тѣ времена, когда уже существовали устроенныя и живущія созданія; тамъ и сямъ, кажется, превращенія многократно повторялись, гдѣ быстрѣе, гдѣ медленнѣе, какъ-то повсюду почти, и на величайшихъ высотахъ, и во глубинахъ, показываютъ

окаменѣлыя животныя и растенія. Многія изъ сихъ превращеній сопричастны устроенной уже землѣ, а за тѣмъ можно ихъ почитать случайными; другія кажутся существенными предтечами, коренными образователями земли. Но ни о тѣхъ, ни о другихъ (ихъ однако трудно раздѣлить) не имѣемъ мы еще понынѣ достаточной теоріи; да и трудно составить таковую, во первыхъ для того, что превращенія сіи требуютъ историческаго обозрѣнія, между тѣмъ, какъ могутъ зависѣть отъ чрезвычайно многихъ и малыхъ мѣстностей; о послѣднихъ же, т. е. о первоначальныхъ, существенныхъ превращеніяхъ земли нашей, желалъ бы я дожить до теоріи. Уповаю, что дождусь; ибо хотя собранныя доселѣ въ различныхъ частяхъ Свѣта замѣчанія, еще далеки отъ полноты и точности, за всѣмъ тѣмъ однакожь основанія и замѣчанія общей Физики, опыты Химической и Горной Науки, кажется, приближаютъ насъ къ тому пункту, гдѣ счастливый взглядъ, обнявши нѣсколько Наукъ, можетъ объяснить одну чрезъ другую. Новыя открытія о теплотѣ, воздухѣ, огнѣ и о различныхъ ихъ дѣйствіяхъ на соединеніе или раствореніе частицъ нашей земли, простота правилъ, до которой уже дошли въ познаніи вещества электрики и отчасти ма-

гнетизма, кажется, если не близкимъ, то по крайней мѣрѣ дальнимъ могутъ имѣть успѣхомъ то, что со временемъ удастся счастливому уму изъяснить Науку о землѣ съ такою же простотою, какъ Кеплеръ и Невтонъ представляли зданіе Солнца. Таковое изъясненіе можетъ обрадовать насъ и тѣмъ, что нѣкоторыя силы въ природѣ, доселѣ для насъ непостижимыя, откроются испытанными, естественными, вещественными.

Но какъ бы то ни было, не подлежитъ никакому сомнѣнію, что и въ семъ отношеніи Природа ознаменовала великій свой подвигъ, извлекая изъ безконечнаго простаго величайшее разнообразіе. Прежде, нежели нашъ воздухъ, вода, земля могли составиться, нужны были нѣкоторые первообразные, коренные зачатки, другъ друга растворяющіе и осаждающіе. Вообразите многоразличіе и разнородность въ составахъ земли, камней, кристалловъ, раковинъ; въ составахъ растеній, животныхъ и наконецъ самаго человѣка: сколько при образованіи оныхъ долженствовало происходить растворовъ, осадокъ и взаимныхъ превращеній! Такъ какъ и нынѣ еще Природа вездѣ производитъ все изъ тончайшаго и малѣйшаго, и, не считая по нашему размѣру времени,

раздѣляетъ богатѣйшія полноты съ самою строгою бережливостію, то кажется она, по преданіямъ даже Моисеевымъ, дѣйствовала такимъ же образомъ и тогда, когда постановила первое основаніе къ развитію и образованію твореній. Смѣсь дѣйствующихъ силъ и стихій, изъ коихъ составилась земля, вѣроятно въ состояніи хаоса, содержала въ себѣ уже все, что на ней быть можетъ и должно. Въ нѣкоторыя отдѣленія времени развивались изъ духообразныхъ и тѣлесныхъ зачатковъ воздухъ, огонь, вода, земля. Нѣкоторыя связи воды, воздуха, свѣта долженствовали предшествовать прежде, нежели могло произойти сѣмя первоначальнаго образованія растеній, какъ напр. моха. Многія растенія долженствовали раждаться и умирать прежде, нежели возстало устроеніе животныхъ. Тѣмъ же образомъ насѣкомыя, птицы, водныя и ночныя животныя предшествовали образованнѣйшимъ животнымъ земли и дня, пока наконецъ предсталъ вѣнецъ организма нашей земли — человѣкъ, малый міръ. Онъ сынъ всѣхъ стихій и существъ, ихъ избранный вмѣщатель и, яко цвѣтъ земнаго созданія, былъ конечно послѣднимъ, возлюбленнымъ чадомъ природы, образованію и воспріятію коего должен-

ствовали предшествовать многія раскрытія и превращенія.

Весьма естественно, что и онъ былъ свидѣтелемъ многихъ таковыхъ дѣйствій. Природа никогда не отстаетъ отъ своего дѣла; еще же менѣе предается небреженію, или опаздыванію въ отношеніи къ своему любимцу. Затѣмъ ясно, что обсушеніе земли, ея образованіе, внутренніе пожары, наводненія и всѣ ихъ послѣдствія еще долго продолжались и тогда, когда люди уже жили на землѣ. Самое древнее преданіе напоминаетъ еще о превращеніяхъ сего рода, и мы послѣ увидимъ, какое сильное вліяніе имѣло сіи ужасныя явленія на весь почти родъ человѣческій. Нынѣ такія потрясенія бываютъ уже рѣже для того, что земля достигла уже зрѣлаго возраста; но чтобы превращенія вовсе прекратились, сіе никогда не сбудется. Вопль, поднятый Вольтеромъ при разрушеніи Лиссабона, есть болѣе невѣжественное богохуленіе, нежели гласъ мудрости. Стихіи, образовавшія насъ и все насъ окружающее, дѣйствуютъ по законамъ предвѣчнымъ. Пусть огонь, вода, воздухъ, вѣтръ, тѣми же движеніями, коими плодородятъ и оживляютъ нашу землю, причиняютъ ей иногда и разрушенія; пусть согрѣвающее насъ солнце, долго ведшее насъ

златыми браздами предъ своимъ лицемъ, исполненнымъ веселія, воспріиметъ нѣкогда состарѣвшуюся землю паки въ пламенѣющее свое лоно; все то однако же, исполня янасъ благоговѣнія, возвышаетъ духъ нашъ, а не понижаетъ онаго. Многія въ Природѣ явленія, для насъ непостижимыя, могутъ насъ изумлять, приводить въ недоумѣніе, возбуждать силы наши къ дальнѣйшимъ изслѣдованіямъ; могутъ доказать несовершенство нашего ума въ здѣшнемъ мірѣ относительно къ цѣлому; но можно ли для того, что мы по слабости своей не познаемъ всѣхъ законовъ Природы и ихъ причинъ, можно ли, говорю, отвергать совершенство оныхъ? Сіе было бы величайшая нелѣпость и буйство. Можетъ ли слѣпой отвергать бытіе свѣта для того, что онъ его не видитъ? Причина въ немъ, а не въ свѣтѣ. Можемъ ли осуждать какую Китайскую книгу для того, что не зная по-Китайски, ее читать не умѣемъ? И если во многихъ мѣстахъ не понимаемъ книги Природы, слѣдуетъ ли изъ того, что книга не совершенна? Не зная цѣлаго, не зная предназначенія всего видимаго, можемъ ли правильно и рѣшительно судить о истинномъ добрѣ и злѣ? Мы знаемъ только то, что все въ Природѣ въ движеніи, безпрестанно перемѣняетъ свой видъ и образъ, и что при

законахъ безпрерывнаго движенія неизбѣжны и разрушенія; знаемъ однако также и то, что всѣ сіи перемѣны и преобразованія касаются единственно наружнаго вида, а не внутренности и сущности Природы, и что она свыше всякаго разрушенія, всегда возникаетъ изъ праха и паки процвѣтаетъ новыми силами. Самое же строеніе нашей земли и всѣ происходящія отъ оной вещества должны приготовлять насъ къ тлѣнности и къ измѣненіямъ въ Исторіи человѣчества. При ближайшемъ вниманіи усматриваемъ мы то болѣе и болѣе на каждомъ шагу и въ глубочайшемъ благоговѣніи предаемъ судьбу свою промыслу Вседержителя.

IV.

Земля наша есть шаръ, обращающійся около себя и противъ солнца въ косвенномъ направленіи.

Самая совершенная фигура есть кругъ, вмѣщая подъ всякими видами самую большую плоскость въ легчайшей сложности, и соединяя самую красивую простоту съ богатѣйшею разновидностію. Наша земля, всѣ планеты и солнцы кругообразны, а за тѣмъ рукою Природы пущены они какъ изобра-

женія простѣйшихъ, скромнѣйшихъ сокровищъ. Безчисленныя на землѣ измѣненія приводятъ насъ уже въ изумленіе; но изумительнѣе еще единство, сохраняющееся въ семъ непостижимомъ разнообразіи. Мы чрезвычайно много теряемъ, не производя въ юношествѣ при воспитаніи онаго сильнаго впечатлѣнія о сей лѣпотѣ, о семъ единствѣ и разнообразіи. Желалъ бы я, чтобы помѣщаемыя здѣсь соображенія возмогли представить хотя нѣкоторыя черты той величественной картины, которая, проникнувъ душу мою съ самаго начала самовоспитанія, открыла мнѣ пространное море понятій. Впечатлѣнія сіи останутся для меня священными дотолѣ, доколѣ буду видѣть надъ собою всеобъемлющіе небесные своды, и подъ собою сію всесозидающую, самокруглую землю. Созерцая такъ долго въ мѣсяцѣ тѣнь земли нашей, можемъ ли остаться безъ глубокаго чувствованія, производимаго познаніемъ, что все на ней въ безпрестанномъ движеніи, въ безпрестанныхъ измѣненіяхъ, въ безпрестанномъ кругообращеніи? Запечатлѣвъ въ сердцѣ своемъ сіе изображеніе, кто могъ бы поднять руку на оскверненіе онаго убійствами, для нѣкоторыхъ словъ, для нѣкоторыхъ мнѣній? Все на землѣ нашей имѣетъ кругообразныя измѣненія; ни одна

точка другой не подобна; востокъ и западъ столь же между собою противоположны, какъ югъ и сѣверъ. Намъ не пристойно расчитывать сіи перемѣны по широтѣ, для того только, что длина не такъ бросается въ глаза; не прилично также и по древнимъ Птоломеевымъ климатнымъ коморочкамъ раздѣлять Исторію человѣчества. Земля была менѣе извѣстна древнимъ: нынѣ она представляетъ гораздо обширнѣйшее поле къ общему обозрѣнію и размѣру, нежели одни сѣверные и южные градусы.

Все на землѣ перемѣнчиво; сюда не идутъ ни прорѣзъ, ни раздѣленіе глобуса, ни географическая карта. Вмѣстѣ съ шаромъ вертятся на немъ и умы и климаты, нравы и мнѣнія, сердца и обычаи. Какое необъятное разнообразіе въ частяхъ! какое единство и согласіе въ цѣломъ! Однимъ производитъ многое! Съ величайшимъ разнообразіемъ соглашать простоту единства, вотъ совершенство мудрости и Изящнаго.

Природа привязала къ тѣлу нашему ту приличную тяжесть, которая даетъ намъ единство и дебелость. Тяжесть сія влечетъ насъ къ средоточію нашему, къ землѣ, съ которою ничто насъ разлучить не можетъ. Равно и въ нравственномъ отношеніи Природы, законами той же тяжести, привязы-

ваетъ насъ съ младенчества ко всему своему. Всякъ любитъ свою землю, свои нравы и обычаи, свой языкъ, свою жену, дѣтей, не для того, чтобъ они были самые лучшіе въ свѣтѣ, но для того, что они составляютъ его принадлежность, и въ нихъ всякъ себя любитъ. Сею силою пріучиться можно даже къ худой пищѣ, суровому образу жизни, къ суровымъ обычаямъ, къ суровому климату и находить въ нихъ пріятность, спокойствіе. И странствующія птицы вьютъ свои гнѣзды тамъ, гдѣ родились; и самое суровое отечество притягиваетъ къ себѣ человѣческое сердце крѣпчайшими узами. Гдѣ же человѣкъ, который бы не былъ къ чему нибудь привязанъ душею? Законъ тяжести непремѣнно придавляетъ всякое существо къ какому нибудь предмету, составляющему средоточіе его движеній, или обращенія.

Если человѣкъ вопрошаетъ: гдѣ средоточіе земли? отвѣтствуемъ: здѣсь, гдѣ ты стоишь! Близко ли Ледовитаго полюса, или прямо подъ палящимъ солнцемъ юга: вездѣ, гдѣ могутъ жить люди, тамъ живутъ, а они почти вездѣ жить могутъ. Великая Матерь, производя все не иначе, какъ въ разнообразіи, создала человѣка изъ вещества, удобнаго сносить то величайшее разнообра-

зіе. Послѣ откроемъ таковую лѣствицу постепенности, по которой увидимъ, что чѣмъ какое существо имѣетъ болѣе искуства въ организмѣ, тѣмъ болѣе въономъ способности выдерживать различныя положенія и къ онымъ приноравливаться. Между всѣми земнородными человѣкъ болѣе всѣхъ имѣетъ сію способность. Вся земля создана для него; онъ — для всей земли.

Любомудрствуя объ Исторіи нашего племени, отвергнемъ, сколько можно, всякія стѣсненныя умственныя формы, заимствованныя изъ свойства какой либо особенной полосы земли, или изъ какой либо особой школы. Не будемъ разсматривать человѣка такимъ, каковъ онъ у насъ въ одномъ мѣстѣ, или каковымъ по понятію мечтателей быть долженъ; поищемъ въ немъ того, чѣмъ онъ есть на землѣ повсюду; чѣмъ онъ въ особенности въ различныхъ ея частяхъ, и къ чему онъ различіемъ положеній и случаевъ образованъ быть можетъ. Не будемъ искать для него ни любимаго вида, ни любимаго мѣста: гдѣ онъ ни есть, вездѣ онъ господинъ и служитель Природы, ея возлюбленное чадо, а можетъ быть вмѣстѣ и рабъ, содержимый съ величайшею строгостію. Повсюду ожидаютъ его вредъ, неудобства, болѣзни, всякое зло; повсюду ожидаютъ его

также всякаго рода удовольствія, наслажденія, благословенія: по роду и свойству обстоятельствъ, въ какія брошенъ жребій, образуется его участь, его бытіе.

Сіе разновидное образованіе твореній на землѣ произведено и содержится въ опредѣленныхъ границахъ причиною самою простою, хотя донынѣ еще неизъяснимою. Это уголъ земной оси въ отношеніи къ солнечному экватору. Сей уголъ не имѣетъ основанія своего въ законахъ движенія шаровъ: у Юпитера его нѣтъ; онъ стоитъ прямо на пути къ Солнцу; у Марса не значителенъ; у Венеры весьма остръ, а Сатурнъ съ своимъ кольцемъ и своими Лунами придавленъ въ сторону. Какія чрезъ то происходятъ въ солнечной системѣ перемѣны во временахъ года, въ дѣйствіяхъ Солнца! И въ семъ отношеніи Земля наша есть пощаженное чадо, посредственная спутница; уголъ, коимъ она загнута, не составляетъ еще 24 градусовъ. Имѣла ли она сей уголъ съ самаго начала, о томъ еще не вопрошаемъ; довольно, она его имѣетъ. Не естественный, по крайней мѣрѣ для насъ неизмѣняемый, уголъ учинился ея принадлежностію, и въ продолженіе нѣсколькихъ тысящелѣтій не измѣнился. Онъ-то причиною, что земля и на ней родъ человѣческій таковы, каковыми теперь существуютъ. Симъ

угломъ, симъ косвеннымъ направленіемъ къ эклиптикѣ производятся опредѣлительно измѣняемые поясы, содѣлывающіе всю землю удобообитаемою, отъ полюсовъ къ экватору, отъ экватора къ полюсамъ. Земля должна постоянно нагибаться, дабы и тѣ части, которыя безъ того погружены бы были во хладъ и темноту, могли зрѣть лучи солнца и заимствовать способность къ образованію. Длинный рядъ происшествій на землѣ показываетъ, что во всѣхъ переворотахъ человѣческаго ума и его дѣйствій, соотношеніе поясовъ имѣло большое вліяніе; никогда ни крайне хладный, ни крайне жаркій поясъ не производили на цѣлое тѣхъ дѣйствій, какія производилъ поясъ умѣренный. Такимъ образомъ опять видимъ, какою тонкою чертою перстъ Всемогущества столь живо расписалъ всѣ превращенія на землѣ съ ихъ свѣтлыми и темными красками. Малѣйшая отмѣна въ направленіи Земли къ Солнцу, — и на ней все стало бы иначе.

Измѣренное и въ семъ отношеніи разнообразіе есть законъ Творческой силы. Не довольно, что земля раздѣлена на свѣтъ и тѣнь, жизнь человѣческая на день и ночь; но и годъ нашего племени ознаменованъ перемѣнами. Этимъ опредѣляется долгота и краткость человѣческой жизни, а вмѣстѣ

съ тѣмъ мѣра нашихъ силъ, перевороты человѣческаго вѣка, перемѣны нашихъ занятій, замѣчательныхъ явленій и мыслей; ничтожность или продолжительность предпріятій и дѣлъ нашихъ. Увидимъ, что все сіе наконецъ привязано къ простому уставу времени дня и года. Буде бы жизнь человѣческая была продолжительнѣе; его силы, цѣль, ощущенія менѣе перемѣнчивы, разсѣянны; буде бы Природа не спѣшила съ нимъ такъ постепенно, раздѣлительно, какъ поспѣшаетъ около него явленіями временъ года: то конечно область человѣческая на землѣ не могла бы быть такъ растянута; еще менѣе могло бы существовать то спутанное сцѣпленіе зрѣлищъ, каковое нынѣ Исторія намъ представляетъ. Однако въ кругу тѣснѣйшемъ вѣроятно сила жизни нашей, будучи болѣе сжата, дѣйствовала бы внутреннѣе, сильнѣе, крѣпче, доблестнѣе. Теперь сvмволъ нашей земли есть время. Все имѣетъ свое время: зима и лѣто, осень и весна, юность и старость, дѣятельность и покой. Подъ нашимъ косвенно шествующимъ солнцемъ сила жизни нашей должна быть раздѣлена на безчисленныя разнообразныя частицы, солнцемъ же означаемыя. Всякое мгновеніе имѣетъ прошедшее, настоящее и будущее; теченіе дѣйствій на-

шихъ означается теченіемъ безпрерывно дѣлимаго времени.

V.

Наша Земля окружена парами и состоитъ въ связи со многими небесными звѣздами.

Мы неспособны дышать чистымъ воздухомъ, будучи существами сложными, содержащими въ себѣ всѣ почти составы земли, которыхъ первородныя вещества, можетъ быть, осадившись изъ воздуха, послѣ различныхъ преобразованій, перешли изъ невидимаго состоянія въ видимое. Вѣроятно, при созданіи нашей земли, воздухъ былъ хранилищемъ силъ и веществъ ея образованія, и не таковымъ ли понынѣ? Въ новѣйшія времена не мало открыто дотолѣ невѣдомыхъ вещей, которыя всѣ имѣютъ свои дѣйствія въ области воздуха. Электрическое вещество и магнитное теченіе, сгараемое и кислоты воздушныя, прохладительныя соли и, можетъ быть, частицы свѣта, едва прикосновенныя солнцемъ, представляютъ могущественныя начала естественныхъ на землю дѣйствій. И какія еще откроются! Воздухъ чреватѣетъ, растворяетъ,

всасываетъ, причиняетъ броженіе, производитъ осадки. Онъ кажется родителемъ земныхъ произведеній и самой земли; въ немъ сокрыты всѣ вещества, которыя онъ на своемъ лонѣ воспитываетъ и съ лона своего отпускаетъ.

Не нужно отвлеченныхъ доказательствъ для убѣжденія, что на всѣ тончайшія и жизненныя силы земнородныхъ атмосфера имѣетъ совліяніе и содѣйствіе. Купно съ солнцемъ, она есть соуправительницею земли, такъ какъ нѣкогда была ея образовательницею. Какая бы произошла общая перемѣна, если бы нашъ воздухъ имѣлъ другую гибкость и тяжесть, другую прозрачность и упругость; если бы вывелъ другую воду, другую землю, и иначе бы дѣйствовалъ на тѣлесные составы! Сіе сбывается вѣрно на другихъ планетахъ, образованныхъ въ другихъ воздушныхъ областяхъ; для того-то не у мѣста всякое заключеніе отъ сущности и явленій земли нашей къ свойству прочихъ планетъ. Разнородность людей, такъ какъ и всѣхъ земныхъ твореній, имѣетъ свою причину въ разнородіи мѣстностей. Здѣсь пріемлются въ соображеніе, не столько раздѣленія поясовъ по теплотѣ и холоду, по легкости или тяжести давленія воздуха, но несравненно болѣе разныя дѣятельныя,

воздухъ, одушевляющія жизненныя силы, смѣшеніе коихъ, можетъ быть, и составляетъ всѣ его свойства и производитъ разновидныя явленія. Какимъ образомъ рѣка электричества и магнетизма обтекаетъ нашу землю? какіе пары тамъ и сямъ поднимаются? куда несутся? во что превращаются? какія производятъ образованія? какъ долго ихъ содержатъ? какимъ образомъ оныя растворяютъ? Все сіе даетъ очевидныя заключенія о свойствѣ и исторіи каждаго рода племенъ человѣческихъ; ибо и человѣкъ, подобно всѣмъ другимъ твореніямъ, есть, въ отношеніи тѣлесномъ, воспитанникъ воздуха и братъ всѣхъ земнородныхъ.

Кажется, мы пойдемъ на встрѣчу новому свѣту познаній, если въ одну систему Естественной Исторіи соберутся замѣчанія Боиля, Боэргава, Гала, Гравезонда, Франклина, Пристлея, Блака, Краффорда, Вильсона, Ахарда и прочихъ о теплотѣ и холодѣ, объ электричествѣ и разнородіи воздуха, также о другихъ химическихъ веществахъ и о ихъ вліяніи въ области земли, на растенія, животныхъ и людей. Буде замѣчанія сіи содѣлаются со временемъ столь обширными, сколько позволяютъ умножающіяся познанія разныхъ полосъ земли и ея произведеній, пока наконецъ возрастающее познаніе

Природы содѣлается общимъ, то увидимъ, что сей величественный парникъ Природы дѣйствуетъ въ тысячныхъ измѣненіяхъ по одинакому началу. Пространнѣе тогда объяснится образованіе человѣка въ тѣлѣ и духѣ; о чемъ и теперь имѣемъ, хотя еще не полныя, но уже довольно ясныя, пріуготовительныя понятія.

Но земля не одна во вселенной, и на ея атмосферу, на сію великую смѣсь разнообразныхъ силъ, дѣйствуютъ другія небесныя существа. Солнце, вѣчный огненный шаръ, касается ея своими лучами; луна, сіе давящее, тяжелое тѣло, которое, можетъ быть, еще виситъ въ атмосферѣ земли, тѣснитъ ее своимъ, то хладнымъ, мрачнымъ, то отъ солнца согрѣваемымъ лицемъ. Она, то впереди, то позади земли; то ближе, то далѣе отъ солнца. Другія тѣла небесныя сближаются съ землею, тѣснятъ ея теченіе, и уравниваютъ силы. Вся небесная система есть стремленіе равныхъ или разнородныхъ, но великою силою гонимыхъ другъ противъ друга шаровъ. Единственно великая мысль Всемогущества уравновѣшиваетъ ихъ противоположныя стремленія, и подкрѣпляетъ въ борьбѣ безпрерывной. Человѣческій умъ возмогъ и здѣсь, въ пространнѣйшемъ лабиринтѣ спирающихся силъ, от-

крыть слѣды, и совершилъ почти чудеса, къ чему споспѣшествовала ему наиболѣе неправильная, двумя противуположными силами гонимая и къ намъ такъ близкая луна. Если нѣкогда всѣ наблюденія сіи и извлекаемыя изъ нихъ заключенія сведутся съ описаніемъ перемѣнъ земнаго шара во едино, подобно тому, какъ сіе уже и послѣдовало съ наблюденіями надъ приливомъ и отливомъ моря; если не прекратятся предпринятыя въ разныхъ странахъ усилія, чтобы посредствомъ искуственныхъ орудій, отчасти уже изобрѣтенныхъ, распредѣливъ измѣненія небеснаго моря по временамъ и мѣстамъ, образовать одно цѣлое; если, говорю, сей долговременный трудъ будетъ и впредь продолжаться: тогда, кажется, Астрологія снова возсіяетъ въ достославномъ и полезнѣйшемъ видѣ между нашими Науками. Что началъ Тоальди, къ чему де-Лукъ, Ламбертъ, Тобій-Майеръ, Бекманъ и прочіе подали правила, то, можетъ быть, совершитъ какой нибудь Гаммереръ, при выспренномъ воззрѣніи на землеописаніе и на Исторію человѣчества.

Довольно, мы созидаемся и возрастаемъ; мы несемся, стремимся въ море небесныхъ силъ, частію нами дознанныхъ, частію угадываемыхъ. Если воздухъ и погода такъ сильно на насъ и на всю землю дѣйствуютъ,

то и въ обширнѣйшемъ смыслѣ, статься можетъ, здѣсь одна электрическая искра, чище коснувшаяся созданія человѣка; тамъ составъ сгараемаго пальника, производящій насильственное въ немъ круженіе; тутъ смѣсь болѣе холода и бодрости, тамъ смягчающее, текущее вещество, были причиною величайшихъ перемѣнъ въ происшествіяхъ человѣчества. Не умъ чистый, чуждый всего земнаго, но сложныя изъ веществъ страсти производятъ въ людскихъ дѣяніяхъ на землѣ движенія и превращенія. Только Тотъ, Кто единымъ взоромъ объемлетъ весь составъ дѣйствующихъ по предвѣчнымъ законамъ силъ, Онъ только считаетъ каждую былинку стихій, каждую воспаряющую искру, каждый лучь эѳира; опредѣляетъ каждому мѣсто, время и кругъ дѣйствій, дабы смѣшивать съ другими противуположными силами и смягчать оныя.

VI.

Обитаемая нами планета есть хребетъ горъ, возвышающихся надъ поверхностію водъ.

Простое воззрѣніе на географическую карту подтверждаетъ сію истину. Цѣпи горъ, не только перерѣзываютъ землю, но явно пред-

ставляютъ оставъ, къ коему она пріобразована. Въ Америкѣ тянется цѣпь горъ по западному берегу чрезъ перешеекъ. Поперечникъ ея сообразенъ съ направленіемъ земли; чѣмъ далѣе подается она въ средину, тѣмъ твердая земля становится шире, пока наконецъ чрезъ новую Мексику совсѣмъ теряется въ предѣлахъ неизвѣстныхъ. Вѣроятно она и здѣсь, не только тянется выше до горъ Св. Иліи, но и соединяется въ ширинѣ со многими, особенно съ Синими горами, равно какъ въ Южной Америкѣ, гдѣ, чѣмъ земля шире, тѣмъ болѣе тянутся горы къ сѣверу и востоку. И такъ Америка, по самой своей фигурѣ, являетъ полосу земли, приросшую къ своимъ горамъ и образованную у подошвы оныхъ, то плосковато, то утесисто.

Прочія три части свѣта изображаютъ одинъ соединенный видъ; ибо, не смотря на великое ихъ пространство, онѣ составляютъ въ самой вещи одну только часть свѣта. Безъ труда можно замѣтить, что хребетъ земли въ Азіи есть корень горъ, распространяющихся какъ по сей части свѣта, такъ и по Европѣ, а можетъ быть и по Африкѣ, по крайней мѣрѣ по верхней ея части. Атласъ представляетъ протяженіе Азіятскихъ горъ, которыя, достигая въ срединѣ земли

величайшей высоты, далѣе, вѣроятно у Нила, соединяются съ Лунными горами. Подлинно ли сіи послѣднія составляютъ хребетъ земли, сіе докажутъ времена будущія; но поводъ къ таковой догадкѣ подаютъ обширность края и нѣкоторыя разсѣянныя извѣстія; съ другой, однако же стороны несоразмѣрная малость рѣкъ въ сей полосѣ не подтверждаетъ мнѣнія, что тамошнія высоты суть настоящимъ поясомъ земли, подобно Азіятскому Уралу, или Американскимъ Кордильерамъ. Какъ бы то ни было, и въ сей части свѣта земля очевидно пріобразована къ горамъ. Вся ея обширность тянется въ равномъ направленіи съ отраслями горъ; гдѣ сіи расширяются и развиваются въ отрасли, тамъ расширяются и земли. Сіе соотношеніе объемлетъ даже мысы, острова и полуострова. Земля простираетъ свои мышцы и члены соразмѣрно тому, какъ простертъ оставъ горъ; она не иное что, какъ разнородная, къ нимъ пріобразовавшаяся въ различныхъ слояхъ масса, которая наконецъ учинилась удобообитаемою.

И такъ, нынѣшній образъ твердой земли надлежитъ приписать направленію первородныхъ горъ; онѣ кажутся древнѣйшимъ корнемъ земли и ея подпорами, на которыя вода и воздухъ прежде возлагали свою тя-

жесть, пока наконецъ около ихъ возникли и образовались плоскости и долины. Нельзя искать происхожденія древнѣйшихъ горныхъ цѣпей въ шарообращеніи: онѣ не въ предѣлахъ экватора, гдѣ то обращеніе всего сильнѣе; направленіе ихъ не состоитъ даже въ соотвѣтствіи съ экваторомъ; напротивъ того, кряжъ Американскихъ горъ пресѣкаетъ оный. И такъ отъ сихъ Математическихъ фигуръ нельзя здѣсь ожидать свѣта; вообще и самыя высокія горы и всѣ ихъ цѣпи въ сравненіи съ шарообразнымъ составомъ земли въ ея обращеніи ничего не значатъ. А потому надлежитъ обратить вниманіе на ихъ первоначальный образъ, на произведеніе и распространеніе, на ихъ высоту и ширину, словомъ, на естественный уставъ Природы; отсюда можно объяснить ихъ образованіе, а съ симъ вмѣстѣ и образованіе всей твердой земли. Но въ состояніи ли мы открыть сей естественный уставъ Природы? Стоятъ ли горы сіи какъ лучи, отъ одной точки происшедшіе, или какъ вѣтви одного ствола? И тогда, когда были нагими горами, оставомъ земли, какое имѣли правило образованія? Вотъ важные вопросы, доселѣ еще неразрѣшенные. Разумѣется, что здѣсь дѣло идетъ не о наносныхъ, но о первородныхъ, коренныхъ горахъ земли.

Довольно, намъ извѣстно, что образованіе земель слѣдовало за протяженіемъ горъ. Азія прежде всего была обитаема для того, что имѣла самыя высокія и широкія цѣпи горъ, и на своемъ хребтѣ равнину, недосягаемую моремъ. Здѣсь, по всему правдоподобію, въ нѣкоторой блаженной долинѣ, у подошвы и на груди горъ было первое избранное обиталище людей. Отсюда распространились они къ югу, въ красивыя и плодоносныя долины по теченію рѣкъ; къ сѣверу же образовались болѣе суровыя племена, которыя, проходя между рѣками и горами, и тѣсня другъ друга къ западу, наконецъ дошли до предѣловъ Европы. Слѣдовала толпа за толпою, одно племя тѣснило другое, пока наконецъ, достигнувши Балтійскаго моря, частію перешли оное, частію отдѣлившись, заняли Южную Европу. Тѣснились также туда и другія толпы изъ южной части Азіи. И такъ населилась страна сія нашествіями, часто изъ странъ противуположныхъ. Многія тѣснимыя племена спасались въ горахъ, оставляя своимъ побѣдителямъ открытыя поля. Для того-то встрѣчаемъ почти вездѣ древнѣйшіе остатки народовъ и языковъ, или въ горахъ, или на

краяхъ и въ углахъ земель. Почти всякой островъ, всякая полоса долины населены чужими, позднѣйшими народами, горы же служили убѣжищемъ древнѣйшимъ, суровымъ племенамъ. Съ сихъ-то горъ, гдѣ они вели жизнь суровую, происходили послѣ частые перевороты, болѣе или менѣе разорявшіе предѣлы дольные. Индія, Персія, Китай, даже западныя земли Азіи и самая Европа, искуствомъ и мѣстоположеніемъ довольно защищаемая, неоднократно испытали разрушительныя нашествія племенъ горныхъ. Что являлось на большихъ позорищахъ народовъ, то самое повторялось и въ округахъ малыхъ. На многихъ островахъ Южной Азіи, Маратты, суть дикій горный народъ; въ Европѣ, встрѣчаемые тамъ и сямъ, остатки храбрыхъ горныхъ обитателей, кочуя, если не могли быть побѣдителями, дѣлались хищниками. Кратко сказать, большія горныя пространства были кажется какъ первымъ мѣстопребываніемъ, такъ и основаніемъ всѣхъ переворотовъ и самаго сохраненія рода человѣческаго. Они ссужаютъ землю водами, ссужаютъ также и народами; производятъ источники водъ, вмѣстѣ производятъ духъ храбрости и свободы, тогда, какъ роскошныя долины стенаютъ подъ бременемъ искуствъ и пороковъ. Еще и ны-

нѣ высоты Азіи бываютъ позорищемъ волненій народовъ, большею частію дикихъ. И кто знаетъ, къ какимъ нашествіямъ и освѣженіямъ въ будущіе вѣки предназначено тамошнее ихъ бытіе?

Африка мало намъ извѣстна, и мы не можемъ съ рѣшительностію говорить о похожденіяхъ тамошнихъ народовъ. Но если судить по породѣ людей верхней страны, то, вѣрно, получили они свой удѣлъ изъ Азіи; и Египетъ, уповательно, воспріялъ свое образованіе, не отъ высшаго хребта своей твердой земли, но изъ Азіи. Землю сію наводняли нашествія Эѳіопіянъ, и на нѣкоторыхъ тамошнихъ берегахъ (далѣе земля намъ не извѣстна) слышно о дикихъ народахъ стремящихся съ высоты горъ долу. Гаги считаются настоящими людоѣдами; Кафры и народы выше Мономотапы не уступаютъ имъ въ дикости. Словомъ, Лунныя горы, занимающія дальнѣйшую внутренность земли, кажутся здѣсь, какъ и вездѣ, пребываніемъ первоначальной суровости людей.

Не входя въ разборъ древности или новости обитанія Америки, мы знаемъ то, что тамошній образованнѣйшій край, Перу, открытъ точно у подошвы горы высочайшихъ Кордильеровъ; только, говорю, у подошвы горы, въ умѣренной красивой долинѣ

Квито. Въ продолженіи пространства горъ отъ Хили до Патагоновъ простирается нисшествіе дикихъ народовъ. Прочія цѣпи горъ, и, вообще, всѣ внутреннія земли намъ слишкомъ мало извѣстны: столько однако жъ знаемъ, что въ горахъ вездѣ примѣтно обиталище древнихъ обычаевъ, оригинальной дикости и свободы. Бо́льшая часть сихъ народовъ еще не завоевана Испанцами, и они сами должны были дать имъ названіе храбрыхъ. Хладные предѣлы Сѣверной Америки, равно какъ и Азіи, судя по климату и образу жизни ихъ народовъ, надлежитъ считать за пространную высоту великихъ горъ.

Такъ Природа кряжами горъ и ниспадающими съ нихъ водами изобразила, такъ сказать, черновый, но вѣрный чертежъ событій и перемѣнъ, долженствующихъ совершиться съ родомъ человѣческимъ. Какимъ образомъ народы, проходя тамъ и сямъ, открывали земли; какимъ образомъ распространялись по теченію рѣкъ, сооружали на земляхъ плодородныхъ хижины, селенія, города; какимъ образомъ между горами и пустынями, имѣя въ срединѣ какую либо рѣку, окопались, и таковыя Природою и ихъ привычкою отдѣленныя мѣста стали называть *своими*; ка-

кимъ образомъ по свойству земель образовались различные обычаи и послѣ цѣлыя государства, пока наконецъ люди, нашедъ берегъ, научились ходить по безплоднымъ краямъ моря, и пріобрѣтать тамъ пропитаніе? Объясненіе всего вышесказаннаго столько же принадлежитъ къ естественному постепенному ходу Исторіи рода человѣческаго, сколько и къ Естественной Исторіи земли. Одна высота удобна была для воспитанія звѣроловства и соединенной съ нимъ дикости; другая высота, пространнѣйшая и благорастворенная, образовала пастырей, предлагая имъ поля и мирныхъ животныхъ; иная производила удобство и необходимость земледѣлія; иная вела людей къ плаванію и рыболовству, и наконецъ даже къ промыслу и торговлѣ. Вотъ различныя состоянія и постепенности въ родѣ человѣческомъ, имѣющія свое начало въ естественномъ разнообразіи и измѣненіяхъ земли. Для того-то въ нѣкоторыхъ странахъ удержались одинакіе нравы и обычаи въ продолженіе нѣсколькихъ тысячалѣтій; въ иныхъ измѣнялись большею частію отъ внѣшнихъ причинъ, измѣнялись однако всегда по соразмѣрности страны какъ той, отъ которой происходили перемѣны, такъ и той, въ которой совершались. Моря, цѣпи горъ, рѣки суть

естественные предѣлы какъ земель, такъ и народовъ, обычаевъ, языковъ, государствъ. Даже въ величайшихъ превращеніяхъ дѣлъ человѣческихъ, тѣ предѣлы служили чертами направленія, или границами Всемірной Исторіи. Если бъ горы, рѣки, морскіе берега были иначе устроены, какъ нынѣ: то совсѣмъ другія происходили бы дѣйствія на бурномъ поприщѣ народовъ.

Скажу нѣсколько словъ о берегахъ моря, коего зрѣлище столь же обширно, сколь разнообразны и велики виды твердой земли. Что учинило Азію такъ единообразною въ нравахъ и предразсудкахъ, такъ особенно удобнымъ мѣстомъ къ первоначальному воспитанію и образованію народовъ? Она вмѣщаетъ въ себѣ такое пространство твердой земли, на которомъ народы, не только не имѣютъ удобности разойтиться, но долго и всегда должны оставаться въ совокупности, волею или неволею. Великая цѣпь горъ составляетъ раздѣленіе между сѣверною и южною Азіею; кромѣ того, сіи величайшія пространства не раздѣляются никакимъ моремъ: Каспійское есть тамъ единственнымъ остаткомъ древняго, всемірнаго моря, сохраненнымъ у подошвы Кавказа. Здѣсь-то преданіе нашло легкій путь, и могло быть подкрѣпляемо новыми преданіями тѣхъ и

другихъ странъ. Здѣсь все глубоко вкоренилось: и вѣра, и почтеніе къ родителямъ, и единоначаліе. Чѣмъ ближе къ Азіи, тѣмъ чувствованія сіи болѣе становятся древними, домашними обычаями, и, не смотря на различіе державъ, распространены по всей южной Азіи. Отдѣленная отъ нея высокими горными стѣнами сѣверная Азія, хотя различествуетъ съ нею множествомъ своихъ народовъ, образовалась однако жъ въ такой же одинаковости. Необъятное пространство Татаріи наполнено племенами разнороднаго происхожденія, кои при всемъ томъ находятся всѣ почти въ одинакой степени образованія. Никакое море ихъ не раздѣляетъ: они кружатся всѣ на большой къ сѣверу покатой плоскости.

Напротивъ того, какое производитъ различіе малое Чермное море? Абиссинцы, племя Арабское, Египтяне, Азіятское, и какая открывается между ними великая разность въ нравахъ и въ образѣ жизни! Подобное оказывается и въ нижнихъ краяхъ Азіи. Малый Персидскій заливъ сколь сильно отдѣляетъ Персію отъ Аравіи! и Малайскій заливъ сколь ощутительное производитъ различіе между Малайцами и Камбоями! Въ Африкѣ, безъ сомнѣнія, менѣе разности во нравахъ жителей, для того, что они никакимъ мо-

ремъ или заливомъ, но, быть можетъ, только пустынями раздѣлены между собою. Чужіе народы менѣе могли дѣйствовать на сію часть, и мы, которые уже вэюду проникали, остаемся почти въ неизвѣстности о сей величайшей части земли; а сіе для того, что она не имѣетъ глубокаго воднаго прорѣза, и, подобно неприступной золотой странѣ расширяется тупою полосою. Америка наполнена столь многими малочисленными народами, можетъ быть отъ того, что они къ югу и сѣверу разсѣчена и прорѣзана рѣками, озерами и горами. По ея положенію, она извнѣ самая удобоприступная страна, будучи составлена изъ двухъ полуостровов, соединенныхъ только узкимъ перешейкомъ, гдѣ глубокій заливъ образуетъ еще сцѣпленіе островов: такимъ образомъ она вся состоитъ изъ берега и составляетъ владѣніе всѣхъ почти Европейскихъ морскихъ державъ и спорное яблоко во время войны. Сіе положеніе пріятно для насъ, Европейскихъ хищниковъ; внутренняя же пресѣченность была неблагопріятна для образованія древнихъ обитателей. Они жили особнякомъ, раздѣляемы озерами, рѣками, крутыми высотами и глубинами, и образованіе страны, или древнее слово преданія ихъ праотцевъ, не могло такъ утвердиться и распространиться, какъ въ обширной Азіи.

Для чего Европа отличается разнообразіемъ народовъ, гибкостію въ нравахъ и искуствахъ, особенно же дѣйствіями на всѣ части свѣта? Знаю, что сюда принадлежитъ стеченіе многихъ причинъ, которыхъ здѣсь изложить не можемъ; въ естественномъ же отношеніи неоспоримо, что ея пресѣченная и многообразная земля весьма тому споспѣшествовала. Когда изъ Азіи тянулись сюда разными путями и въ разныя времена народы, какіе представились имъ заливы! сколь много рѣкъ въ различныхъ направленіяхъ! какія разнообразныя малыя цѣпи горъ! Онѣ могли, и оставаться вмѣстѣ и разлучаться, и дѣйствовать другъ на друга и жить въ мирѣ; и такъ сія малая, но многолюдная часть свѣта сдѣлалась площадью и стеченіемъ всѣхъ народовъ земли въ маломъ видѣ. Одно Средиземное море сколь много учинилось распорядителемъ всей Европы. Ему одному почти должно приписать переходы и продолженіе всѣхъ древнихъ и среднихъ нравственныхъ образованій. Не таково море Балтійское, ибо находится далѣе къ сѣверу, между народами болѣе суровыми, и землями, не столь плодородными: слѣдственно на побочной улицѣ мірскаго рынка; тѣмъ не менѣе однако есть оно для всей сѣверной Европы окомъ. Безъ него

прирубежныя страны остались бы дики, холодны, необитаемы. Тоже самое можно сказать о прорѣзѣ между Испаніею и Франціею, о каналѣ между сею послѣднею и Англіею, о видѣ Англіи, Италіи, старой Греціи. Измѣните границы сихъ краевъ, отнимите здѣсь проливъ, прибавьте тамъ полосу: и образованіе и опустошеніе міра, судьба цѣлыхъ народовъ частей свѣта, проходя вѣки, проложатъ совсѣмъ другой путь, другое направленіе.

Вопрошаютъ: для чего, кромѣ нашихъ четырехъ частей свѣта, не открываютъ пятой въ томъ необъятномъ морѣ тогда, когда ее считали за вѣрную? Для того, что въ сей морской глубинѣ не было такъ высокихъ коренныхъ горъ, при которыхъ могла бы образоваться земля твердая, пространная. Азіятскія горы отсѣкаются въ Цейлонѣ Адамовою горою, на Суматрѣ и Борнео цѣпью горъ изъ Малакки и Сіама; Африканскія у мыса Доброй Надежды, Американскія же при Огненной землѣ. За тѣмъ гранитъ, основаніе твердой земли, низпускается во глубину, и болѣе нигдѣ надъ моремъ не является. Великая Новая Голландія не имѣетъ цѣпи горъ перваго разряда; Филиппинскіе, Молукскіе и другіе, тамъ и сямъ разсѣянные острова, суть только вулканическіе, и многіе изъ нихъ понынѣ имѣютъ вулканы. Здѣсь сѣра и кремень могли совершить свое дѣло, помогая воздвигнуть всемірный вертоградъ кореньевъ, поддерживаемый вѣроятно ихъ подземнымъ жаромъ, яко парникомъ Природы. И коралловыя животныя дѣлаютъ что могутъ, въ теченіе тысячи лѣтъ производя тѣ островки, кои, подобно точкамъ, мелькаютъ въ морѣ всемірномъ. Далѣе уже не простираются силы сей южной страны. Природа учинила сей обширнѣйшій край хранилищемъ водъ, необходимымъ для обитателей земли. Буде когда откроется естественный уставъ образованія первородныхъ горъ, а вмѣстѣ и образованія твердой земли, то въ семъ уставѣ покажется и причина, для чего южный полюсъ не могъ имѣть такихъ же горъ, и слѣдственно пятой части свѣта. Если бъ она существовала, то, по нынѣшнему состоянію земной атмосферы, не могши быть необитаемою, она оставалась бы, подобно Ледовитымъ и Сандвичевымъ странамъ, удѣломъ тюленей и пингвиновъ.

Почитая землю зрѣлищемъ человѣческой Исторіи, мы ясно видимъ благость Творца въ томъ, что не попустилъ горамъ зависѣть отъ шарообращенія, но подчинилъ ихъ другому уставу, для насъ еще не от-

крытому. Если бы экваторъ и величайшее подъ нимъ движенiе земли были причиною образованiя горъ: тогда бы и твердая земля въ величайшей ширинѣ должна была простираться подъ онымъ, и занимать тотъ жаркiй поясъ, охлаждаемый нынѣ по большей части моремъ. Здѣсь было бы средоточiе человѣческаго племени, въ странѣ самой тяжелой для силъ тѣлесныхъ и душевныхъ. Подъ палящимъ солнцемъ, подъ разительнѣйшими порывами электрической матерiи, вѣтра и всѣхъ противодѣйствующихъ перемѣнъ погоды, принужденъ бы былъ родъ нашъ воспринять свое рожденiе и воспитанiе, и послѣ распространяться по хладной южной полосѣ, смежной съ жаркою, равно какъ и въ странахъ сѣверныхъ. Отецъ Вселенныя избралъ для нашего происхожденiя лучшее мѣсто образованiя. Въ умѣренной части земли поставилъ Онъ главный кряжъ горъ древняго мiра; у подножiя его обитаютъ благообразованные народы. Тутъ, давъ имъ вмѣстѣ съ кроткою страною кроткiй нравъ, разновидную школу воспитанiя, и снабдивъ благообразованiемъ и крѣпостiю, постепенно отпускалъ ихъ путешествовать по странамъ теплѣйшимъ и хладнѣйшимъ. Тамъ могли первыя племена пребывать спокойно, а послѣ, спускаясь горами и

рѣками, прiучаться исподоволь къ мѣстамъ, болѣе суровымъ. Всякiй обработывалъ свою малую часть, и пользовался ею такъ, какъ бы она была вся Вселенная. Счастiе и несчастiе не дѣйствовали съ такою разительною перемѣнчивостiю, какъ бы дѣйствовали тогда, когда бы подъ экваторомъ цѣпь горъ, уповательно далеко высшая, господствовала надъ сѣвернымъ и южнымъ моремъ. Такимъ образомъ Творецъ всегда лучше распоряжаетъ, нежели мы изобрѣсти можемъ, и земля, при неправильномъ своемъ образѣ, производитъ важнѣйшiя пользы, коихъ бы не могла достигнуть при большей правильности.

VII.

Отъ протяженiя горныхъ кряжей оба полушарiя наши учинились зрѣлищемъ чудесныхъ разностей и измѣненiй.

И здѣсь буду слѣдовать по чертежу всего мiра. Въ Азiи кряжи горъ тянутся въ величайшую ширину земли, и почти въ срединѣ находится ихъ узелъ; подумалъ ли бы кто, что на другомъ полушарiи сiе могло бы быть совсѣмъ иначе? что тамъ кряжи горъ тянутся въ величайшую длину? Однако оно дѣйствительно такъ. Сiе

дѣлаетъ уже совершенное различіе между обѣими частями нашего свѣта. Высокія Сибирскія горы, не только подвержены хладному сѣверному и сѣверовосточному вѣтру, но еще отрѣзаны отъ согрѣвающаго южнаго вѣтра первородными снѣжными горами. Посему тѣ Сибирскія горы должны, при соляномъ ихъ грунтѣ, пребывать и въ южной части въ томъ хладномъ оцѣпенѣніи, какъ намъ и изъ описаній извѣстно; въ нѣкоторыхъ только мѣстахъ бываютъ онѣ защищаемы отъ острѣйшаго вѣтра другими рядами горъ, образующихъ умѣреннѣйшія долины. Но подъ сими самыми горами, посреди Азіи, какія являются прекраснѣйшія мѣстоположенія! Они закрыты тѣми стѣнами отъ леденѣющаго сѣвернаго вѣтра, и получаютъ отъ онаго только прохладительный воздухъ. И для того отмѣнила Природа направленіе горъ на югъ, давъ имъ протяженіе къ обоимъ полуостровамъ Индостана, на Малакку, Цейлонъ и далѣе. Такимъ образомъ дала она обѣимъ сторонамъ сихъ земель противуположныя времена года, постоянныя перемѣны, и содѣлала ихъ чрезъ то счастливѣйшими странами свѣта. Внутренніе кряжи горъ Африканскихъ весьма мало намъ извѣстны, но мы знаемъ однако, что и сія часть земли пересѣчена въ длину и ширину, и

что она вѣроятно въ срединѣ, весьма охлаждена. Но все сіе совсѣмъ иначе въ Америкѣ! Тамъ холодный сѣверный и сѣверозападный вѣтръ вѣетъ по длинному пространству, не бывъ прерываемъ никакими горами. Онъ имѣетъ свое начало въ величайшемъ льдяномъ округѣ, донынѣ еще непроницаемомъ, который приличнѣе можно назвать неизвѣстнымъ льдянымъ угломъ свѣта. Оттолѣ несется оный по большимъ пространствамъ замерзшей земли, и только подъ Синими горами жестокость стужи начинаетъ смягчаться; но и тутъ погода подвержена всегда такимъ внезапнымъ перемѣнамъ зноя и стужи, каковыхъ не бываетъ ни въ одной странѣ; вѣроятно происходитъ сіе отъ того, что сему сѣверному полуострову недостаетъ оплота связныхъ твердыхъ горъ, который, управляя вѣтромъ и погодою, могъ бы доставить имъ постоянное господство. Напротивъ того, въ ближней къ южному полюсу части Южной Америкѣ вѣтръ вѣетъ отъ льда южнаго полюса, и паки, вмѣсто пресѣкающей бурное теченіе онаго кровли, встрѣчаетъ цѣпь горъ, направляющую оный отъ юга къ сѣверу. Жители среднихъ странъ, не смотря на счастливое ихъ отъ Природы положеніе, часто принуждены бываютъ томиться посреди сихъ обѣихъ противуположныхъ силъ, во

влажной и знойной тяжести, когда страна ихъ не бываетъ освѣжаема и охлаждаема пріятнымъ съ горъ или съ моря вѣтромъ.

Если прибавимъ къ тому еще крутую высоту земли и единообразный хребетъ ея горъ, то разность между обѣими частями свѣта будетъ еще ощутительнѣе. Кордильеры суть высочайшія горы въ свѣтѣ. Альпы въ Швейцаріи имѣютъ почти только половину ихъ высоты. У подошвы ихъ тянутся длинными рядами внизъ Сіерры, которыя предъ плоскостію моря и пропастями долинъ кажутся еще высокими горами. При переходѣ чрезъ оныя, люди и животныя чувствуютъ тошноту и внезапное обезсиленіе, неизвѣстныя и на самыхъ высочайшихъ горахъ стараго свѣта: только у подошвы ихъ начинается настоящая удобообитаемая земля, вдругъ оставляемая горами. У восточной подошвы Кордильеровъ простирается большая долина Амазонской рѣки, единственная въ своемъ родѣ. Перуанскія горы остаются также въ своемъ родѣ единственными. Означенная рѣка, которая наконецъ становится моремъ, не имѣетъ на 1000 футахъ и $\frac{2}{5}$ дюйма паденія, и можно проѣхать вдоль оной вверхъ величайшее пространство, не подымаясь и на футъ выше плоскости моря. Мальдонадскія горы, у рѣки

ла-Платы, въ сравненіи съ Кордильерами, незначительны. И такъ вся юговосточная Америка представляетъ обширнѣйшую плоскую землю, которая въ продолженіе нѣсколькихъ тысячъ лѣтъ должна была, какъ отъ части еще и нынѣ, подвержена быть наводненіямъ, топи и всѣмъ неудобствамъ низкаго мѣстоположенія. Карло и великанъ стоятъ здѣсь вмѣстѣ: самая грозная высота близъ неизмѣримой глубины. Такъ точно и въ полуденной части Сѣверной Америкѣ. Луизіана столько же влажна, какъ и дно моря къ ней ведущаго, и сія влажность простирается далеко во внутрь предѣловъ той земли. Большія озера, ужасные водопады, рѣзкій холодъ Канады, показываютъ, что и сѣверная полоса должна быть высока, и что здѣсь также, соединены крайности, хотя въ меньшей степени. Какія все сіе производитъ дѣйствія на плоды, на животныхъ и на людей, то покажетъ послѣдствіе.

Иначе распорядила сіе Природа на нашемъ полушаріи, пріуготовленномъ къ первоначальному обитанію человѣка и животныхъ. Растянула горы вдоль и въ ширину, развивая оныя во многія вѣтви такъ, что всѣ три части свѣта поставлены въ связи, и, не смотря на различіе земель, вездѣ существуетъ благопріятный переходъ. Здѣсь ни-

какая часть земли не должна была лежать въ продолженіе вѣковъ подъ наводненіемъ; не могли возгнѣздиться тѣ громады насѣкомыхъ, земноводныхъ, хищныхъ звѣрей и прочихъ порожденій моря, кои наполняютъ Америку. Исключая единственно пустыню Кобп (Лунныхъ горъ мы еще не знаемъ), никакія обширныя пустынныя высоты не поднимаются до облаковъ, дабы въ своихъ разсѣлинахъ производить и воспитывать чудовищъ. Электрическое солнце могло извлекать здѣсь изъ сухой, благорастворенной земли нѣжнѣйшіе коренья, лучшую пищу, совершеннѣйшую организацію въ человѣкѣ и во всѣхъ животныхъ.

Желательно бъ было имѣть особое начертаніе горъ, или горный атласъ, на которомъ бы сіи опоры земли представляемы и отличаемы были во всѣхъ отношеніяхъ, прикосновенныхъ къ Исторіи рода человѣческаго. Во многихъ странахъ порядокъ и высота горъ довольно уже извѣстны; возвышенность земли надъ плоскостію моря, качество земли на ея поверхности, паденіе рѣкъ, направленіе вѣтра, отклоненіе магнитной стрѣлки, градусы стужи и теплоты на нѣкоторыхъ горахъ отмѣчены, и частію уже означены на особыхъ картахъ. Если сего рода замѣчанія, разсѣянныя въ разныхъ

сочиненіяхъ и описаніяхъ путешествій, были бы съ точностію собраны и соединены на картахъ; то какая составилась бы изъ того превосходная и поучительная Физическая Географія, объемлемая единымъ взглядомъ изслѣдователя Природы и Исторіи человѣка! Богатѣйшее прибавленіе къ Фареніусовымъ, Люлофовымъ и Бергмановымъ превосходнымъ твореніямъ. Однако мы и тутъ находимся еще только при началѣ: Ферберъ, Палласъ, Соссюръ, Сулави и другіе собирали въ разныхъ мѣстахъ свѣдѣнія, которыя, вѣроятно, нѣкогда приведутъ Перуанскія горы (любопытнѣйшія мѣста для Естественной Исторіи) въ единство и извѣстность.

КНИГА ВТОРАЯ.

I.

Земный шаръ нашъ есть большой заводъ разнородныхъ Творческихъ произведеній.

Во внутренности земли все еще намъ кажется хаосомъ, развалинами; ибо мы не въ состояніи обнять первоначальнаго строенія цѣлаго. Однако и въ томъ, что намъ представляется самымъ малѣйшимъ и необработаннѣйшимъ, познаемъ весьма опредѣлительное бытіе, видъ и образованіе по законамъ предвѣчнымъ, неизмѣняемымъ никакою произвольностію человѣка. Мы замѣчаемъ сіи законы и формы, но не познаемъ ихъ внутренней силы. Все, что означаютъ общія слова: связь, протяженность, подчиненность, тяжесть, знакомитъ насъ только съ наружными отношеніями, не ведя нимало къ ближайшему познанію внутренней сущности.

Между свойствами каждаго камня, каждаго рода земли, есть безъ сомнѣнія, такія ко-

торыя по законамъ Природы суть общія для всѣхъ существъ на земли. Это видъ, опредѣлительный образъ, собственное бытіе. Ни у какого существа сіи качества отняты быть не могутъ; все его свойства и дѣйствія на нихъ основаны. Необъятная цѣпь низходитъ отъ Творца до самаго зародыша песчинки, имѣющей также свой опредѣленный видъ, коимъ часто приближается къ прекраснѣйшей кристаллизаціи. Даже самыя смѣшанныя существа подлежатъ въ своихъ частяхъ тому же самому закону; но поелику въ нихъ дѣйствуютъ многія и различныя силы, имѣющія наконецъ составить такое цѣлое, которое своими преразличными частями должно однако служить къ общему единству: то и составились переходы, смѣшенія и нѣкоторыя разнообразныя формы. Коль скоро возникъ корень земли нашей, гранитъ, то былъ также и свѣтъ, который между густыми туманами земнаго хаоса, можетъ быть, еще дѣйствовалъ въ качествѣ огня: это былъ воздухъ плотнѣйшій, нежели нынѣ нами вбираемый; на оный дѣйствовала тогда вода, болѣе смѣшанная и чреватая. Спирающіяся кислоты, растворяя, преобразовали его въ разные роды камней; необъятные пески на нашемъ земномъ шарѣ, можетъ быть, не иное что суть, какъ пепелъ сего вывѣтрѣлаго тѣла.

Сгараемое въ воздухѣ, можетъ быть, способствовало произведенію кремня въ известковой землѣ, и въ ней образовались первоначальные жители моря, черепокожныя творенія. Во всей Природѣ кажется, предшествовало образованіе вещества образованію одушевленныхъ твореній. Еще сильнѣйшее и чистѣйшее дѣйствіе огня и стужи потребовалось къ кристаллизаціи, которая, не довольствуясь формами раковинъ, сближающихся съ кремнемъ, любитъ уже геометрическіе углы. Но и сіи измѣняются по строенію всякаго созданія, и, наконецъ, въ полуметаллахъ и металлахъ сближаются уже съ ростками прозябаемыхъ. Химія, въ которой упражняются въ новѣйшія времена съ такимъ рвеніемъ, открываетъ любителю здѣсь, въ подземномъ царствѣ Природы, второе разнообразное твореніе; оно, можетъ быть, содержитъ въ себѣ, не только вещество, но и основанія и ключь ко всему, что образовано на поверхности земли. Всегда и вездѣ видимъ, что Природа разстроивая строитъ, раздѣляя соединяетъ. Отъ простыхъ законовъ, отъ грубыхъ образовъ переходитъ она къ сложнымъ, искуственнѣйшимъ, тончайшимъ. Если бъ мы одарены были чувственнымъ орудіемъ видѣть первородные образы и зародыши ве-

щей, то, можетъ быть, въ малѣйшей былинкѣ открылась бы намъ постепенность всего творенія. Не распространяясь однако въ размышленіяхъ сего рода, кои не принадлежатъ здѣсь къ главному предмету, ограничиваемся разсматриваніемъ той обдуманной смѣси, посредствомъ которой наша земля получила способность къ образованію нашихъ растеній, и слѣдственно животныхъ и людей. Если бы на ней были разсѣяны другіе металлы, такъ какъ нынѣ желѣзо, которое вездѣ находится: и въ водѣ, и въ землѣ и въ растеніяхъ, и въ животныхъ и въ человѣкѣ; если бы смола, сѣра, находясь на ней въ такомъ множествѣ, какъ нынѣ находятся песокъ, глина и наконецъ добрая плодородная земля: то, конечно, и творенія на ней были бы другія, свойства гораздо острѣйшаго, нежели нынѣ, когда Отецъ міра составилъ наши питательныя растенія изъ пріятнѣйшихъ солей и елеевъ. Къ тому приготовляется исподоволь крѣпкая глина, сыпучій песокъ, мшистый турфъ; даже дикая желѣзистая земля и твердый камень должны къ тому приноравливаться. Послѣдній со временемъ вывѣтривается, и даетъ мѣсто сухимъ деревамъ, по крайней мѣрѣ тощему моху; первая же была между металлами, не только самая здоровая, но и наиболѣе склон-

ная къ прозябенію и питательности. Воздухъ и роса, дождь и снѣгъ, вода и вѣтръ удобряютъ землю естественно; алкалическія, примѣшанныя къ ней известковыя вещества, содѣйствуютъ ея плодородію искуственно; по большей же части содѣйствуетъ тому смерть растеній и животныхъ. Цѣлительная матерь! какое домостроительство въ твоемъ кругѣ дѣйствій! Смерть всякаго существа претворяется въ новую жизнь; самая истлѣвающая гнилость приготовляетъ здоровье и свѣжія силы.

Уже давно укоряютъ человѣка въ томъ, что, вмѣсто обработыванія поверхности земли, онъ, проникая въ ея внутренность, со вредомъ своему здоровью и покою, подъ ядовитыми испареніями, отыскиваетъ тамъ металлы, служащіе только къ удовлетворенію пышности и суетности, любостяжанію и властолюбію. Что въ томъ много правды, то доказываютъ послѣдствія, произведенныя сими предметами на поверхности земли, а еще болѣе блѣдныя лица тѣхъ, кои, подобно заточеннымъ муміямъ, роются въ сихъ царствахъ Плутона. Для чего тамъ иначе дѣйствуетъ воздухъ: питая металлы, умерщвляетъ людей и животныхъ? Для чего поверхность земли не обложена золотомъ

и драгоцѣнными камнями? Безъ сомнѣнія для того, что мы золотомъ питаться не можемъ, и что малѣйшее, годное къ употребленію растеніе, не только для насъ полезнѣе, но въ своемъ родѣ образованнѣе и благороднѣе, нежели самый дорогой голышъ, называемый бриліянтомъ, изумрудомъ, сафиромъ, аметистомъ. Это правда въ строгомъ смыслѣ; но, разсуждая безъ натяжки, усматриваемъ, что между разными постепенностями человѣческаго образованія, предвидѣнными и уповательно предъуготовленными Творцемъ, было и то предопредѣленіе, чтобы человѣкъ обращалъ свое вниманіе долу и выспрь. Онъ не созданъ для одного мѣста, на которомъ стоитъ и питается. Ему предназначено летать надъ собою, рыться подъ собою, копаться. Близко его зрѣнію представлялись разные металлы самородные, самою Природою уже отдѣланные; рѣки должны были открывать нѣдро земли и показывать человѣку ея сокровища. Сама Природа манитъ его къ изслѣдованію ея тайнъ. Даже необразованные народы познали пользу мѣди; и одно почти употребленіе желѣза (которое магнитною своею силою управляетъ, кажется, всѣмъ земнымъ тѣломъ), возвышало родъ нашъ отъ одной степени образа жизни къ дру-

гой. Если человѣку предоставлено пользоваться своимъ обиталищемъ, то долженъ онъ познать оное. При всемъ томъ однако, поучительница наша учинила весьма тѣсными тѣ предѣлы, въ коихъ мы можемъ за нею слѣдовать, изыскивать и подражать ей въ созиданіи, образованіи и превращеніяхъ.

Но между тѣмъ, какъ человѣкъ духомъ совершаетъ чудеса, онъ тѣломъ, подобно червю, пресмыкается по земной поверхности, на ней строится и выживаетъ краткую жизнь. Сколь малъ великій человѣкъ въ области Природы, сіе показываетъ тонкій слой плодородной земли, единственное его здѣсь достояніе. Нѣсколько футовъ ниже, и онъ искапываетъ вещи, на которыхъ ни что не растетъ; и самое долгое время едва ли достаточно, чтобы учинить ихъ способными къ произведенію даже травы самой худой. Еще глубже, и онъ часто, не искавъ, находитъ опять плодородную свою землю, которая нѣкогда была поверхностію здѣшняго нашего свѣта, долженствовавшаго испытать превращенія во времена, установленныя предвѣчными законами, твердыми и непремѣняемыми. Раковины и улитки лежатъ на горахъ; окаменѣлыя рыбы и звѣри въ слояхъ; окаменѣлыя деревья и отпечатки цвѣтовъ— часто во глубинѣ до полуторы тысячи футовъ. Человѣкъ! ты мыслію объемлешь тьмы міровъ, а тѣломъ, бѣдный, шествуешь только по кровлѣ твоего жилища—землѣ, которая послѣ многихъ наводненій могла учиниться тѣмъ, чѣмъ она теперь есть для тебя. Здѣсь растутъ для тебя нѣкоторыя травы, нѣкоторыя деревья, коихъ матерь, плодородная земля, какъ бы случаемъ тебѣ нанесла, и кои поддерживаютъ мгновенное бытіе бреннаго твоего состава.

II.

Объ отношеніи прозябаемаго царства къ Исторіи человѣчества.

Царство растеній по образованію своему стоитъ выше предъ всѣми ископаемыми веществами земли, и такъ обширно, что съ одной стороны теряется еще въ сихъ веществахъ, съ другой же стороны нѣкоторыми ростками и сходствами приближается уже къ царству животныхъ. Растеніе имѣетъ родъ жизни и возраста, полы и плодородіе, рожденіе и смерть. Поверхность земли была для онаго прежде, нежели для животныхъ и людей; вездѣ оно предупреждаетъ сихъ обоихъ, и въ видѣ травы, плѣснѣвенія и моха уже прилипаетъ

къ голымъ скаламъ, тогда, какъ на оныя и нога животныхъ еще не ступала. Гдѣ только сѣмя прозябенія можетъ быть принято крошинкою рыхлой земли и согрѣваемо солнцемъ, тамъ уже оно восходитъ и умираетъ плодородною смертію, оставляя прахъ свой къ произведенію другихъ растеній. Такимъ образомъ скалы покрываются зеленью и цвѣтами; такъ болота со временемъ превращаются въ пустыни злаковъ и цвѣтовъ. Истлѣвающее дикое твореніе — растеніе есть вѣчно дѣйствующій парникъ Природы къ образованію созданій и къ дальнѣйщему удобренію земли.

• •
•

Само собою бросается въ очи замѣчаніе, что человѣческая жизнь, поколику она есть сила растенія, имѣетъ также участь прозябаемыхъ. Подобно имъ, человѣкъ и животное раждается отъ сѣмени, которое яко зачатокъ будущаго древа, требуетъ материнскаго крова. Его первоначальный образъ произрастаетъ во чревѣ матери, подобно прозябенію. И даже внѣ онаго, строеніе нашихъ жилочекъ не подобно ли чувственному растенію? Жизнь наша есть жизнь про-

израстенія; мы восходимъ, растемъ, цвѣтемъ, отцвѣтаемъ и умираемъ. Безъ воли нашей бываемъ взываемы и никого не спрашиваютъ: какого желаетъ быть пола? отъ какихъ произойти родителей? на которой землѣ, въ нуждѣ или въ изобиліи провести жизнь? какимъ случаемъ наконецъ преставиться? Во всемъ томъ человѣкъ долженъ повиноваться высшимъ законамъ, о коихъ онъ остается въ такой же неизвѣстности, какъ растеніе, и коимъ невольно самъ споспѣшествовалъ сильными своими побужденіями. Пока человѣкъ растетъ и соки въ немъ созрѣваютъ — какъ свѣтъ кажется ему пространнымъ и веселымъ! Онъ простираетъ вокругъ свои вѣтви, и думаетъ вырости до самаго неба. Такъ Природа приманиваетъ его къ жизни, пока онъ со всѣми силами, съ неутомимою дѣятельностію пріобрѣтаетъ всѣ тѣ способности, кои она на сей разъ хочетъ въ немъ образовать на той нивѣ или грядѣ, куда она его поставила. По достиженіи своей цѣли, она, мало по малу, его оставляетъ. Въ цвѣтущее время весны и нашей юности, какія сокровища представляетъ намъ вездѣ Природа! Кажется, что она симъ цвѣтнымъ міромъ хочетъ посѣять новое твореніе. Но, спустя послѣ того нѣсколько мѣсяцевъ, какъ все

перемѣняется! — Цвѣтъ большею частію отпалъ, растутъ немногіе тощіе плоды; они созрѣваютъ трудами и усиліемъ дерева; тутъ листья его начинаютъ увядать; оно сыплетъ ослабѣвшіе власы свои вслѣдъ за любезными дѣтьми, его оставляющими; и смотри — дерево уже стоитъ уединенно и безлиственно; буря лишаетъ его сухихъ вѣтвей; наконецъ низвергается оно на землю, и немногое въ немъ сгараемое растворяется въ души Природы. Развѣ иначе бываетъ съ человѣкомъ? Юная душа его обворожена необъятными надеждами, видами, стремленіемъ къ дѣятельности. Онъ беретъ все на себя, и для того-то, что на себя надѣется, ему большею частію все удается; ибо счастіе есть невѣста юности. Нѣсколько лѣтъ послѣ — и все около него перемѣняется, единственно для того, что онъ самъ перемѣняется. Успѣвъ въ немногомъ томъ, въ чемъ хотѣлъ успѣть, счастливъ онъ, если во-время перестаетъ хотѣть и довершаетъ жизнь въ покоѣ. Въ очахъ Высшаго Существа дѣйствія наши на землѣ столь же опредѣлены и начертаны, какъ дѣйствія и предпріятія дерева. Оно производитъ то, что производить можетъ, и дѣлается обладателемъ того, что къ его владѣнію слѣдуетъ. Оно пускаетъ ростки и начатки, раждаетъ плоды и посѣваетъ молодыя деревья; но никогда не оставляетъ мѣста, на которомъ поставлено Природою, и не можетъ присвоить себѣ ни одной силы, которая ему не дана отъ Природы.

И сладкими ощущеніями любви, въ коихъ человѣку кажется столь много произвольнаго, онъ почти столь же слѣпо служитъ законамъ Природы, какъ и растеніе. И крапива, говорятъ, мила, когда цвѣтетъ; а цвѣтъ, какъ извѣстно, бываетъ у растенія временемъ любви. Чашечка у цвѣтка — его ложе, вѣнокъ — занавѣсъ, прочія его части суть орудія плодородія, кои Природа открыто представляетъ въ сихъ невинныхъ твореніяхъ украшенными всѣмъ великолѣпіемъ. Цвѣточную чашечку любви содѣлала она роскошнѣйшимъ брачнымъ ложемъ, чашею умиленія и для другихъ существъ. Для чего дѣлаетъ все сіе Природа? для чего придала тоже и въ человѣкѣ узамъ любви всѣ прелести, какія только поясъ ея красоты въ себѣ заключать можетъ? Въ томъ-то сокрыта великая цѣль продолженія и сохраненія родовъ. Потребны начатки и потребны въ тьмахъ неисчетныхъ; ибо Природа въ самомъ обширномъ теченіи вещей, единымъ дѣйствіемъ достигаетъ вдругъ безчисленныхъ намѣреній. Дабы сохранить жизненныя свои силы въ из-

*

обиліи и свѣжести, она учинила время юности временемъ любви, и возжигаетъ ея пламя тончайшимъ огнемъ, какой только можетъ находиться между небомъ и землею. Пробуждаются чувства, неизвѣстныя въ отрочествѣ. Оживляется око юноши, краснѣетъ ланита дѣвы: два существа ищутъ другъ друга, и не знаютъ чего ищутъ; они желаютъ единенія, въ которомъ отказала имъ дѣятельная Природа, и плаваютъ въ морѣ мечтаній. Сладко обманываемыя существа! вѣдайте, что не вашимъ мелочнымъ мечтамъ, но пріятно понуждаемыя, вы содѣйствуете величайшему преднамѣренію Природы. Она въ первой четѣ насадила начало всѣмъ послѣдующимъ родамъ, другъ друга производящимъ; она избираетъ таковые вѣчно произрастающіе зародыши изъ самыхъ свѣжихъ мгновеній жизни, изъ взаимныхъ благоволеній, и отнимая у существа нѣчто изъ его бытія, хотѣла отнимать оное нѣжнѣйшимъ образомъ. Обезпечивъ родъ, она мало по малу покидаетъ частныя свойства, качества, силы. Едва проходитъ время брачное, и олень теряетъ свои величественные рога, птица свое пѣніе и многое изъ красоты, рыба пріятный вкусъ, растеніе лучшій свой цвѣтъ; мотылекъ лишается крылушекъ и испускаетъ духъ; будучи

одинъ, можетъ безъ разслабленія, прожить полгода. Пока молодое растеніе не производитъ цвѣта, оно противустоитъ зимней стужѣ; тѣ, кои рано цвѣтутъ, рано и гибнутъ. Райское дерево часто доживаетъ до ста лѣтъ; коль же скоро распускаетъ цвѣтъ, то никакое стараніе, никакое искуство не предохраняетъ его стебля отъ увяданія въ слѣдующемъ году. Горная пальма растетъ 35 лѣтъ до высоты 70-ти футовъ, за тѣмъ въ четыре мѣсяца доростаетъ еще 30 футовъ: тутъ цвѣтетъ, производитъ плоды и умираетъ въ томъ же году. Таковъ ходъ Природы при преобразованіи существъ; теченіе продолжается и одна волна теряется въ другой!

* *
*

При распространеніи и перерожденіи растеній примѣтно сходство, удобопримѣняемое также къ другимъ, высшимъ надъ нами существамъ, и ведущее къ познанію намѣреній и законовъ Природы. Каждое растеніе требуетъ своего климата, къ коему принадлежитъ не токмо качество земли, но и ея высота, свойство воздуха, воды, степень теплоты. Подъ землею все еще кажется перемѣшано, и хотя здѣсь также всякій родъ

камня, кристалла и металла принимает свое свойство от земли, в которой растет, однако же в сем царстве Плутона еще далеко не дошли до толь всеобщаго Географическаго обозрѣнія, как в прелестном царствѣ Флоры. Ботаническая Философія, которая распредѣляет прозябаемыя по высотѣ и качеству земли, по воздуху, водѣ, теплотѣ, есть очевидная путеводительница к подобной Философіи в распредѣленіи животных.

Всѣ растенія на землѣ насаждены непосредственно рукою Природы; даже искуственныя взяты из ея лона и ею поддерживаются; в своей землѣ прозябают с большим совершенством. Тоже самое и с животными: всякая земля образует их по своему свойству. Всякая земля, всякая гора, всякая подобная полоса воздуха, так как и подобная степень холода и теплоты, различно воспитывают свои растенія. На Лапландских скалах, на Альпах, Пиренеях, столь между собою отдаленных, растет подобная зелень; обширнѣйщія высоты Сѣверной Америки и Татаріи производят подобных дѣтей. На тѣх высотах, гдѣ вѣтер сурово колеблет прозябенія и лѣто их кратковременно, рост их не велик, но за то весьма богаты сѣ-

менами; гдѣ же их пересаживают в сады, там прозябают выше, имѣют большіе листья, но менѣе плодов. Повсюду пробивается у них сходство с животными. Всѣ растенія любят свободный воздух; в парниках наклоняются к свѣту, хотя бы пришлось проникать сквозь какое нибудь отверстіе. В запертой теплотѣ они, правда, бывают красивѣе, стройнѣе, но вмѣстѣ с тѣм блѣднѣе, безплоднѣе; и для того, поставленныя вдруг на солнце, они опускают листья. Не будет ли то же самое и с людьми и животными, получающими воспитаніе изнѣженное, или принужденное? Различіе земли и воздуха производит игру перемѣн в растеніях, но чѣм болѣе они выигрывают в видах украшенія и в числѣ цвѣточных стеблей, тѣм болѣе теряют в силѣ самопродолженія. С животными и людьми (за исключеніем большей силы их многосложнаго свойства) иначе ли бывает? Прозябенія, кои в теплых краях вырастают в величину дерева, остаются в хладных землях малорослыми и уродливыми. Одни растенія для моря, другія для болот, иныя для источников и озер; одни любят снѣг, другія дождевыя наводненія жаркаго пояса: все сіе дѣйствует на их вид и образованіе. И сіи измѣненія

не касаются ли также человѣка въ тѣлесномъ его составѣ, поколику оный имѣетъ подобіе съ растеніями?

Въ особенности любопытно замѣтить, какъ растенія наблюдаютъ время своего года, даже часы дня, и только исподоволь привыкаютъ къ чужому небу. Ближе къ полюсу они позже начинаютъ расти, но тѣмъ скорѣе созрѣваютъ, для того, что лѣто начинается поздно и дѣйствуетъ сильнѣе. Растенія южныхъ поясовъ земли, привезенныя въ Европу, созрѣваютъ въ первомъ году позже, для того, что они ожидаютъ прежняго своего солнца; въ слѣдующее же лѣто дѣйствуютъ скорѣе, привыкнувъ уже къ новому воздуху. Въ искуственной теплотѣ парниковъ, всякое растеніе держится времени своего отечества, хотя бы пятьдесятъ лѣтъ прожило въ Европѣ. Растенія Копы цвѣтутъ зимою, для того, что тогда бываетъ въ ихъ отечествѣ лѣто. Чудоцвѣтъ цвѣтетъ ночью, уповательно потому, говоритъ Линней, что тогда въ Америкѣ, его отечествѣ, время дня. Такимъ образомъ всякій цвѣтокъ, закрываясь и раскрываясь, придерживается своего времени, даже своего часа. „Сіи явленія,“ говоритъ Ботаническій Философъ: „показываютъ, что къ ихъ про„израстенію принадлежитъ что-то болѣе,

„нежели теплота и вода;“ и конечно, при разсматриваніи рода человѣческаго, касательно органической разности и привычки къ чужимъ краямъ, надлежитъ также замѣчать нѣчто болѣе, нежели одну теплоту или холодъ, особенно когда дѣло идетъ о другомъ полушаріи.

Наконецъ, если бы намъ можно было слѣдовать за чертами, гдѣ растеніе сообщается съ царствомъ человѣчества, какое бы представилось обширное поле достопамятностей! Уже сдѣланъ поучительный опытъ, что растенія столь мало, какъ и мы, жить могутъ чистымъ воздухомъ; но то, что они всасываютъ, есть сгараемое, которое умерщвляетъ животныхъ и во всякой плоти производитъ гніеніе. Замѣчено, что они исполняютъ полезное свое дѣло, очищеніе воздуха, не посредствомъ теплоты, но помощію свѣта; что они всасываютъ лучи, не исключая и самыхъ хладныхъ, отъ луны происходящихъ. Цѣлительныя чада Природы! что насъ разрушаетъ, что мы испаряемъ смертоноснаго, то вы въ себя вдыхаете, и, претворивши, возвращаете въ благотворной чистотѣ. Вы сохраняете здоровье существъ, васъ уничтожающихъ; умирая, еще, благодѣтельствуете; вы укрѣпляете здравіе

земли и дѣлаете ее плодородною къ произведенію подобныхъ вамъ новыхъ твореній.

Если бы растенія приносили только сіи пользы, то связь ихъ тихаго бытія съ царствомъ животныхъ была бы уже довольно достопримѣчательна. Но сего мало; они составляютъ обильнѣйшую пищу для одушевленныхъ существъ; и поелику въ Исторіи человѣчества, относительно обычаевъ, много зависитъ отъ того, какую каждый народъ нашелъ въ своей странѣ пищу; то съ сей стороны связь ихъ съ Исторіею царства Природы становится еще многообразнѣе и важнѣе. Спокойнѣйшія творенія живутъ растеніями. У народовъ, которые по крайней мѣрѣ чаще употребляютъ сію пищу, примѣтны здоровое спокойствіе, бодрая беззаботливость. Всѣ плотоядныя животныя по натурѣ своей болѣе дики. Стоящій посреди ихъ человѣкъ, судя по строенію его зубовъ, не долженъ непремѣнно быть плотояднымъ твореніемъ. Еще и донынѣ есть народы, живущіе по большей части молокомъ и растеніями; въ прежнія времена ихъ было болѣе. И мало ли Природа предлагала имъ обильной пищи въ сердцевинахъ, въ сокахъ, въ плодахъ, даже въ корахъ и вѣтвяхъ произрастеній! Одно дерево весьма часто въ состояніи пропитать цѣлое се-

мейство. Каждой полосѣ земли удѣлено самымъ удивительнымъ образомъ свое, не только въ томъ, что она производитъ, но и въ томъ, что отнимаетъ и въ себя всасываетъ. Поелику растенія живутъ сгараемою частію воздуха, и слѣдственно вредными для насъ парами: то и образуется въ нихъ противуядіе по свойству каждой земли; вездѣ приготовляютъ для склонныхъ всегда къ гніенію плотяныхъ тѣлъ лекарства, особенно приноровленныя къ болѣзнямъ той страны. За тѣмъ человѣкъ мало имѣетъ причины жаловаться на существованіе въ Природѣ ядовитыхъ растеній, кои суть не иное что, какъ отводы яда, слѣдственно самыя благодѣтельныя для здравія всей страны; и въ его рукахъ, или, иначе сказать, въ рукахъ Природы, становятся они самыми дѣйствительными противуядіями. Рѣдко истребленъ въ какой странѣ цѣлый родъ растеній или животныхъ, безъ того, чтобы не послѣдовало явнаго вреда въ удобообитаемости цѣлой страны. Впрочемъ Природа надѣлила и животныхъ и человѣка достаточными чувственными орудіями къ распознаванію полезныхъ и вредныхъ растеній.

Весьма пріятною прогулкою между деревьями и растеніями было бы слѣдованіе за сими великими, естественными законами

и за дѣйствіями их на царство животныхъ и людей въ разныхъ странахъ земли. Но мы, ограничиваясь нашимъ предметомъ, должны довольствоваться сорваніемъ на пути только при случаѣ нѣкоторыхъ цвѣтковъ; составленіе же всеобщаго Ботаническаго описанія, въ отношеніи къ Исторіи человѣчества, предоставляемъ особенному любителю и знатоку.

III.

Царство животныхъ въ отношеніи къ Исторіи человѣчества.

Животныя суть старшіе братья человѣка. Они были прежде, нежели онъ. Въ каждой странѣ сей пришлецъ находилъ уже ихъ населенія, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ стихіяхъ. Безъ принятія онаго въ семъ отношеніи въ соображеніе, всякая Исторія о человѣкѣ была бы недостаточная и односторонняя. Земля, конечно дана человѣку, но не ему одному, и не ему напередъ. Въ каждой стихіи животныя спорятъ съ нимъ о его самовладычествѣ. Одни племена долженъ онъ былъ обуздать, съ другими долго боротся; одни уходили отъ его владычества, съ другими живетъ онъ въ вѣчной войнѣ. Сколько

всякій родъ оказывалъ проворства, хитрости, смѣлости и силы, столько же пріобрѣталъ онъ владычества на земли.

Здѣсь не о томъ дѣло, что человѣкъ одаренъ разумомъ, а животныя онаго не имѣютъ. Вмѣсто того одарены они чѣмъ-то другимъ для своего самоохраненія. Природа не оставляетъ никого изъ чадъ своихъ безъ защиты. Буде она оставитъ какое твореніе, кто же за оное вступится? тогда, когда все созданіе въ войнѣ и противоположныя силы такъ сближены другъ съ другомъ? Духомъ по подобію Божества созданный человѣкъ тутъ бываетъ преслѣдуемъ змѣями, тамъ насѣкомыми, тутъ поглощаемъ тигромъ, тамъ рыбою. Все находится въ борьбѣ между собою, потому, что все стѣснено; бдѣніе о сохраненіи своей жизни есть участь и обязанность каждаго.

Для чего такъ устроила сіе Природа? для чего стѣснила такъ творенія другъ съ другомъ? — для того, что по невѣдомымъ законамъ и причинамъ предопредѣлено въ малѣйшемъ пространствѣ созидать величайшее и разнообразное число одушевленныхъ твореній, гдѣ одно преодолѣваетъ другое, и только равновѣсіемъ силъ сохраняется миръ во вселенной. Всякій родъ печется о себѣ, какъ бы онъ былъ единственный; но при

немъ стоитъ другой его ограничивающій, и только въ сей соразмѣрности противодѣйствующихъ силъ заключается средство къ сохраненію цѣлаго. Природа взвѣсила силы, изочла члены, опредѣлила побужденіе родовъ, предоставивъ впрочемъ землѣ носить то, что она носить въ силахъ.

Мало занимаетъ насъ изысканіе о истребленіи великорослыхъ родовъ животныхъ. Перевелся мамонтъ, перевелись и исполины: тогда было другое соотношеніе между живущими. Но въ настоящемъ видимъ явное равновѣсіе, не только въ цѣломъ на землѣ, но даже и въ отдѣльныхъ частяхъ свѣта и странъ. Искуство хозяйственное можетъ вытѣснить звѣрей, но едва ли въ состояніи ихъ истребить; по крайней мѣрѣ, доселѣ еще не доказано того ни въ одной какой либо обширной части земли, и вмѣсто вытѣсненныхъ дикихъ звѣрей, развѣ не должно прокармливать бо́льшаго числа ручныхъ животныхъ? Нѣтъ сомнѣнія, что когда земля наша была иначе устроена, то могли быть на ней и другіе роды животныхъ, и что въ отношеніяхъ между ними можетъ послѣдовать перемѣна, какъ скоро земля, когда либо, Природою или искуствомъ, совершенно измѣнится; но при теперешнемъ ея положеніи ни одинъ родъ животныхъ еще не перевелся.

Впрочемъ, какъ бы то ни было, человѣкъ вступилъ на землю уже населенную; всѣ стихіи, болота и рѣки, песокъ и воздухъ были наполнены, или наполнялися животными; онъ долженъ былъ Божественнымъ своимъ искуствомъ хитрости и силы пріобрѣсть мѣсто къ своему владычеству. Какимъ образомъ онъ сіе совершилъ, то составляетъ исторію его просвѣщенія, любопытнѣйшую часть Исторіи человѣчества. Здѣсь замѣчу только то, что люди, присвоивая себѣ мало по малу владычество надъ животными, бо́льшую часть потребныхъ къ тому средствъ перенимали отъ самихъ же животныхъ. Ихъ-то примѣры были живыя Божественнаго разума искры, коихъ лучи человѣкъ обращалъ на себя въ отношеніи къ пищѣ, одеждѣ, образу жизни, проворству, искуству. Чѣмъ болѣе, чѣмъ яснѣе онъ сіе дѣлалъ, чѣмъ умнѣе были животныя, которыхъ онъ видѣлъ передъ собою, чѣмъ болѣе ихъ къ себѣ пріучалъ и освоился съ ними въ мирѣ или войнѣ, тѣмъ болѣе выиграло его образованіе, и Исторія сего образованія по большой части вмѣщаетъ въ себѣ Исторію животныхъ и Географіи.

* *
*

Велика измѣняемость климатовъ и земель, камней и растеній; но несравненно еще пространнѣе разнообразіе одушевленныхъ ихъ обитателей. Не одна земля и воздухъ: вода, даже внутренность растеній и животныхъ, преисполнены жизни. О, неисчетныя полчища, для коихъ созданъ свѣтъ, такъ какъ и для человѣковъ! о, движущаяся поверхность земли, на которой сколь далеко солнце достигаетъ, все вкушаетъ, ощущаетъ, дѣйствуетъ и живетъ!

Не буду распространяться въ изложеніи общихъ правилъ о томъ, что всякое животное имѣетъ свою стихію, свой климатъ, собственное мѣсто для своего пребыванія; что нѣкоторые роды, болѣе или менѣе, распространялись, и что мало такихъ, кои бы столь далеко распространились, какъ родъ человѣческій; о семъ имѣемъ сочиненіе, весьма обдуманное и съ ученымъ прилежаніемъ составленное: *Циммерманову Географическую Исторію о человѣкѣ, и о распространившихся повсюду четвероногихъ*. Здѣсь помѣщу только нѣкоторыя замѣчанія, кои и въ Исторіи человѣчества найдутъ себѣ подтвержденіе.

1. Даже тѣ роды, кои вездѣ живутъ на землѣ, образуются во всякомъ почти климатѣ иначе. Въ Лапландіи песъ дуренъ и малъ; въ Сибири становится благовиднѣе; однако имѣетъ еще крѣпкія уши и недовольно великъ; въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ живутъ красивѣйшіе люди, говоритъ Бюффонъ, находятъ также самыхъ красивыхъ и большихъ собакъ. Подъ чертою небесныхъ знаковъ солнечнаго пути, собака теряетъ свой голосъ, и въ состояніи дикомъ дѣлается подобною лисицѣ. Быкъ въ Мадагаскарѣ имѣетъ горбъ, вѣсомъ въ 50 фунтовъ, который въ прочихъ дальнѣйшихъ странахъ мало по малу уменьшается. И такъ сей родъ почти въ каждой части земли измѣняется цвѣтомъ, ростомъ, крѣпостію, смѣлостію. Европейская овца достаетъ на мысѣ Доброй Надежды курдюкъ въ 19 фунтовъ; въ Исландіи имѣетъ до 5 роговъ; въ Оксфордѣ, въ Англіи, достигаетъ ослинаго росту; въ Турціи получаетъ цвѣтъ тигра. Такія отъ климата измѣненія свойственны всѣмъ животнымъ; слѣдовательно подверженъ онымъ и человѣкъ, который мускульнымъ и нервнымъ строеніемъ по большей части подобенъ животному. Если бъ онъ остался неизмѣняемымъ, то по аналогіи Природы, было бы сіе чудомъ.

2-е. Всѣ ручныя животныя были нѣкогда дики; еще и нынѣ находятся многіе изъ ихъ дикихъ первородовъ, особенно въ горахъ Азіятскихъ, гдѣ по крайней мѣрѣ вѣ-

роятно было первобытное отечество людей и мѣсто ихъ образованія. Чѣмъ далѣе отъ сихъ странъ, особенно гдѣ переходъ былъ труднѣе, тѣмъ болѣе уменьшаются разные роды ручныхъ животныхъ, пока наконецъ въ Новой Гвинеѣ, въ Новой Зеландіи и на островахъ Южнаго моря только свинья, собака и кошка составляютъ все богатство въ животныхъ.

3. Америка по большей части имѣла собственныхъ животныхъ, сообразно свойству страны, точно такихъ, какихъ надлежало ей производить по образованію ея изъ наводненныхъ глубинъ и чрезмѣрныхъ высотъ. Тамъ большихъ звѣрей менѣе, ручныхъ еще менѣе; но въ замѣну того болѣе родовъ нетопырей, крысъ, мышей, тихоходовъ, или скопищъ насѣкомыхъ, земноводныхъ, жабъ, ящерицъ, и т. п. Всякъ понимаетъ, какое вліяніе сіе будетъ имѣть на Исторію человѣка.

4. Въ странахъ, гдѣ силы Природы дѣятельнѣе, гдѣ солнечный зной соединяется съ постоянными вѣтрами, большими наводненіями, съ насильственными порывами электрическаго вещества, словомъ, со всѣмъ тѣмъ, что въ Природѣ производитъ жизнь и жизнію называется: тамъ и животныя вбразованнѣе, крѣпче, великорослѣе и отважнѣе; растенія богаче силою кореньевъ.

Африка имѣетъ стада слоновъ, оленей, обезьянъ, зебръ, буйволовъ; тамъ являются въ полномъ вооруженіи левъ, тигръ, крокодилъ, морской конь. Высочайшія деревья возносятся къ небу, украшенныя самыми сочными, полезнѣйшими плодами. Сокровища Азіи въ царствахъ растеній и животныхъ всякому извѣстны: они изобилуютъ наиболѣе въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ электрическая сила солнца, воздуха, земли въ большомъ теченіи. Напротивъ, гдѣ сіе теченіе или само по себѣ слабѣе и неправильнѣе дѣйствуетъ, какъ-то въ странахъ холодныхъ, или гдѣ оно оттягивается и удерживается водами, щелочными солями, влажною смолою, тамъ уже не такъ развиваются тѣ творенія, къ образованію коихъ потребна вся игра электричества. Удручающая теплота, смѣшанная съ влажностію, производитъ только громады насѣкомыхъ и земноводныхъ, а отнюдь не тѣхъ чудесновидныхъ стараго свѣта животныхъ, преисполненныхъ живѣйшаго огня и пламени. Мускульная крѣпость льва, скокъ и взглядъ тигра, тонкая проницательность слона, нѣжность Африканской козы, лукавая злость Африканской или Азіятской обезьяны, не сродны никоторому изъ животныхъ Новаго Свѣта. Сіи послѣдніе едва могли извлечься изъ теплаго ила; у одного не достаетъ зубовъ,

у другаго ногъ и когтей, третьему недостаетъ хвоста, и по большой части лишены они величины, отважности и проворства. На горахъ они живѣе; но ни въ какомъ случаѣ не могутъ равняться съ животными Стараго свѣта, и большею частію показываютъ, что въ ихъ клейкомъ или чешуйномъ составѣ недостаетъ электрическаго теченія.

5. Наконецъ, замѣченное нами въ растеніяхъ можетъ представить въ животныхъ еще удивительнѣйшія явленія; т. е. странное ихъ свойство и медленный навыкъ къ чужему, особенно къ противуположному климату. Американскій медвѣдь, котораго описалъ Линней, наблюдалъ и въ Швеціи Американское время дня и ночи. Онъ спалъ отъ полуночи до полудня, а прогуливался отъ полудня до полуночи, какъ бы то былъ его день Американскій. Во всѣхъ прочихъ естественныхъ склонностяхъ, держался онъ также времени своего отечества. Не должно ли распространить сіе замѣчаніе и на другія страны восточнаго и южнаго полушарія? И коль скоро такая разность существуетъ между животными, то и человѣческій родъ, при всемъ его отличительномъ достоинствѣ, не можетъ быть изъ того совершенно исключенъ въ отношеніи къ тѣлесному его составу.

IV.

Человѣкъ есть среднее твореніе между одушевленными земнородными.

1-е. Когда Линней довелъ число родовъ сосцепитательныхъ животныхъ до 230, включая въ оныя и обитателей водъ, насчиталъ родовъ птицъ 946, земноводныхъ 292, рыбъ 404, насѣкомыхъ 3,060, червей 1,205, то явно, что земныя животныя были малочисленнѣе, и ближайшія къ нимъ земноводныя слѣдуютъ за ними. Въ воздухѣ, въ водѣ, въ болотахъ, въ пескахъ умножались роды и племена; и я полагаю, что при дальнѣйшихъ открытіяхъ оные умножаться будутъ въ такой же почти соразмѣрности. Если послѣ смерти Линнея число родовъ сосцепитательныхъ животныхъ возросло до 450; то Бюффонъ насчиталъ птицъ до 2,000, и одинъ Форстеръ открылъ на нѣкоторыхъ островахъ Южнаго моря, въ короткое время своего тамъ пребыванія, новыхъ ихъ родовъ до 109, тогда какъ ни сколько не открыто земныхъ животныхъ. Буде сія соразмѣрность и далѣе продолжится, и впредь будутъ открывать всегда болѣе новыхъ насѣкомыхъ, птицъ, червей, нежели совершенно новые роды земныхъ животныхъ, сколько бы ихъ ни было въ непроникнутой еще Африкѣ, то по всему

правдоподобію, можемъ принять за правило, что *Разряды животныхъ умножаются по мѣрѣ ихъ удаленія отъ человѣка; чѣмъ же ближе къ нему, тѣмъ болѣе уменьшается число родовъ такъ называемыхъ совершеннѣйшихъ животныхъ.*

2-е. Неоспоримо, что при всемъ разнообразіи одушевленныхъ земнородныхъ, вездѣ однако господствуетъ нѣкоторое единство въ тѣлостроеніи. Одинаковое устройство костей въ земныхъ животныхъ бросается въ глаза; голова, туловище, руки и ноги повсюду составляютъ важнѣйшія части; главнѣйшіе ихъ члены устроены по одинакому начертанію, только съ безконечными измѣненіями. Внутренній составъ животныхъ дѣлаетъ истину сію еще очевиднѣе; нѣкоторыя, по наружности нестройныя, животныя бываютъ однако по внутренности главныхъ частей весьма подобны человѣку. Земноводныя уже во многомъ отстаютъ отъ сего общаго вида; птицы, рыбы, насѣкомыя, водныя существа еще болѣе; сіи послѣднія теряются уже въ классахъ растеній и камней. Далѣе не простирается наше зрѣніе; между тѣмъ сіи перехожденія не опровергаютъ вѣроятности, что въ морскихъ твореніяхъ, въ растеніяхъ, даже, можетъ быть, въ существахъ такъ называемыхъ мертвы-

ми, есть та же способность къ образованію, хотя гораздо нестройнѣе и запутаннѣе. Предъ взоромъ Предвѣчнаго, Коему все представляется въ тѣсной связи, можетъ быть, видъ ледяной частицы при ея зарожденіи, и прилѣпленной къ ней снѣжинки имѣетъ еще въ подобіи своемъ соотвѣтствіе съ образованіемъ начатка во чревѣ материнскомъ. За тѣмъ можемъ принять второе правило: *что всѣ одушевленныя земныя творенія имѣютъ болѣе или менѣе подобія съ человѣкомъ въ главныхъ чертахъ, и что Природа при безконечномъ разнообразіи, ею любимомъ, сохранила во всѣхъ живущихъ наземлѣ единство въ главномъ подобіи организма.*

3-е. Сей главный образъ, измѣняясь по различію родовъ, племенъ, предназначеній и стихій, произвелъ безчисленные, разнообразные отпечатки, служащіе другъ другу объясненіемъ; напр. у одного творенія такая-то часть едва примѣтна, только слегка, такъ сказать, наброшена, яко вещь побочная, у другаго творенія та самая часть уже Природою начертана полнѣе, свѣтлѣе, выразительнѣе, яко вещь главная; тѣ самыя части, кои у однихъ твореній суть подчиненныя, бываютъ у другихъ господствующими. Во всемъ томъ разнообразномъ единствѣ, примѣтны вездѣ самая промыслитель-

ная стройность и соотвѣтствіе. Говоря стихотворческимъ языкомъ, можно сказать, что существа, принадлежащія къ нашему общему одушевленному организму, подобны членамъ разсѣченнаго Орфея. Кто хочетъ пріобрѣсть о нихъ точное познаніе, тотъ долженъ ихъ познавать другъ въ другѣ. Гдѣ какая часть кажется неясною и небрежною, тамъ надобно прибѣгнуть къ другому творенію, въ которомъ Природа представляетъ ту часть ясно и выразительно. Сіе правило подтверждается всѣми явленіями противуположныхъ существъ.

4. Наконецъ, между земнородными является человѣкъ тѣмъ среднимъ благороднымъ твореніемъ, въ которомъ соединены по большой части тончайшіе лучи подобныхъ ему созданій. Онъ есть образцемъ земнаго организма въ совершенствѣ; въ немъ всѣ силы и части находятся въ соразмѣрности, тогда, какъ у прочихъ твореній нѣкоторыя части слишкомъ сильны, а другія слишкомъ слабы. Отсюда-то происходитъ, что нѣкоторыя изъ нихъ однѣми частями превосходятъ человѣка, за то другими далеко ниже его, и слѣдственно нѣтъ въ нихъ той стройной соразмѣрности въ цѣломъ. Она исключительно принадлежитъ человѣку, который со всѣми животными

имѣетъ общее въ частяхъ, въ склонностяхъ, чувствахъ, дарованіяхъ, искуствахъ, если не наслѣдственно, то по пріобрѣтенію; если еще не на дѣлѣ, то въ способности. При сравненіи его съ ближайшими къ нему родами животныхъ, можно почти осмѣлиться сказать, что они суть преломленные и зеркальнымъ отраженіемъ разбросанные лучи его образа. За тѣмъ можемъ принять третіе правило: что *человѣкъ есть между животными то среднее твореніе и тотъ въ совершенствѣ отдѣленный образъ, въ которомъ собраны всѣ благороднѣйшія черты существующихъ окрестъ его родовъ.*

Надѣюсь, что дѣлаемыя мною сравненія между человѣкомъ и животными, не будутъ промѣняемы на тѣ игры воображенія, которое, изловивши въ растеніяхъ, даже въ камняхъ какое-то сходство съ наружными членами человѣка, создало на томъ системы. Сіи игрушки тѣмъ нелѣпѣе, что образующая Природа именно въ наружныхъ видахъ скрываетъ сходство внутренняго строенія. Нѣкоторыя животныя, кои снаружи кажутся намъ совсѣмъ неподобными человѣку, имѣютъ самое ощутительное съ нимъ сходство во внутренности, въ расположеніи костей, въ главныхъ жизненныхъ и чувственныхъ частяхъ! Пройдите членоразбо-

ры Добентона, Перро, Палласа и другихъ Академиковъ, и сія очевидность ясно покажется. Естественная Исторія для юношей и дѣтей, помогая единственно памяти и зрѣнію, должна довольствоваться частными различіями наружнаго только вида. Но Естественная Исторія мужей и любомудрія изыскиваетъ строеніе животнаго внутри и внѣ, имѣя въ предметѣ сравнить оное съ образомъ его жизни, и найти свойство и мѣсто творенія. При растеніяхъ сей способъ разбора названъ уже естественнымъ; за нимъ долженъ слѣдовать, шагъ за шагомъ, и сравнительный разборъ животныхъ. Съ нимъ человѣкъ естественно получаетъ въ самомъ себѣ руководительную нить, сопутствующую ему сквозь бо́льшій лавиринѳъ одушевленныхъ твореній, и если духъ человѣческій показываетъ гдѣ либо Божественную силу размышленія, то конечно оказываетъ оную при семъ изслѣдованіи Природы. Каждое отступленіе отъ правила, изображеннаго превыспреннимъ Художникомъ въ человѣкѣ, ведетъ насъ къ познанію причины, для чего Онъ здѣсь отступилъ? На какой конецъ тамъ иначе образовалъ? И такъ земля, воздухъ, даже глубочайшая глубина одушевленнаго творенія, дѣлаются запаснымъ собра-

ніемъ его мыслей, изобрѣтеній, главнымъ образцемъ искусства и мудрости.

Сколь величественъ и поученіями изобиленъ взоръ, обращаемый на Исторію подобныхъ и неподобныхъ намъ существъ! Предъ нимъ царство Природы и разряды созданій, то раздѣляются стихіями, то соединяются общею чертою, и въ самой большой отдаленности растянутый радіусъ виденъ изъ одного и того же средоточія. Съ воздуха и воды, съ высотъ и изъ глубинъ вижу одушевленныхъ существъ, приближающихся къ человѣку, такъ какъ нѣкогда они приходили къ первородному прародителю нашего племени, и шагъ за шагомъ приближались къ его образу.

Птица летаетъ по воздуху; всякое отступленіе ея формы отъ тѣлостроенія земныхъ твореній имѣетъ причину въ ея стихіи; коль скоро она, хотя въ отвратительномъ среднемъ родѣ касается земли, то получаетъ, какъ видимъ въ летучихъ мышахъ, подобіе съ оставомъ человѣка. Рыба плаваетъ въ водѣ; еще ея ноги и руки заращены плавательными перьями и хвостомъ; у нея еще мало гибкости въ членахъ. Коль скоро касается земли, то развиваетъ, такъ какъ моржъ, по крайней мѣрѣ, передня ноги, а у самицы его показываются сосцы.

У морскаго медвѣдя, или у морскаго льва примѣтны уже четыре ноги, хотя задними еще владѣть не можетъ, и пять ихъ пальцевъ влечетъ онъ за собою, какъ бы лоскутья плавательныхъ перьевъ. Между тѣмъ онъ ползаетъ сколько можетъ, потихоньку къ лучамъ солнца, чтобы согрѣться, и стоитъ уже, такъ сказать, на небольшой шагъ выше сыраго нестройнаго тюленя. Такъ-то изъ праха червей, отъ известковыхъ строеній раковинъ, изъ паутины насѣкомыхъ, все переходитъ исподоволь къ образованію, болѣе членосоставному, высшему. Отъ земноводнаго образованіе возвышается къ земнымъ животнымъ, у коихъ, не исключая и отвратительнаго тихохода съ его тремя пальцами и двумя передними сосцами, отражается уже ближайшее подобіе съ нашимъ образомъ. Такъ то Природа играетъ вокругъ человѣка, представляя безчисленныя разнообразія въ душевныхъ побужденіяхъ и тѣлесныхъ составахъ. При таковомъ распредѣленіи усматриваемъ роды твореній въ борьбѣ между собою, въ то время, какъ всѣ сіи противудѣйствія ведутъ къ одной цѣли. За тѣмъ по анатомическому и физіологическому разбору оказывается, что во всемъ одушевленномъ твореніи земли нашей господствуетъ подобіе одинаковаго образованія, но что чѣмъ какія существа отдаленнѣе, чѣмъ стихія ихъ жизни болѣе отстоитъ отъ человѣка, тѣмъ болѣе Природа (всегда себѣ равная) отступаетъ въ нихъ отъ главнаго образца. Чѣмъ же ближе къ нему, тѣмъ болѣе возрастаетъ подобіе существъ, тѣмъ болѣе совокуплены ихъ роды и лучи, дабы въ его священномъ средоточіи земнаго творенія соединить все, что только можно. Любуйся, человѣкъ, своимъ состояніемъ, и во всемъ живущемъ окрестъ тебя, о ты, благородное, средоточное созданіе, познай самаго себя!

КНИГА ТРЕТІЯ.

I.

Сравненіе состава растеній и животныхъ въ отношеніи къ организаціи человѣка.

Ротъ есть первый признакъ, коимъ очи наши различаютъ животное. Растеніе, если вольно такъ изъясниться, еще все ротъ; оно сосетъ корнями, листьями, трубочками; оно, какъ еще неразвитое дитя, лежитъ на лонѣ своей матери и у ея груди. Коль скоро твореніе принимаетъ образъ животнаго, то прежде, нежели еще голова показывается, уже ротъ въ немъ примѣтенъ. Руки полипа не иное что суть, какъ рты; у червей, когда еще мало распознать можно внутреннія части, видны уже пищепріемные каналы; у нѣкоторыхъ, даже черепокожныхъ животныхъ, проходъ оныхъ лежитъ въ задней части животнаго, такъ какъ бы оно еще было только корнемъ. Сей-то каналъ устроиваетъ Природа прежде всего въ своихъ живущихъ, и наблюдаетъ сіе во всѣхъ, не

исключая существъ самыхъ благоустроенныхъ. Насѣкомое въ состояніи гусеницы есть не иное что, какъ ротъ, желудокъ, кишки; образъ рыбъ, земноводныхъ, птицъ и земныхъ животныхъ также къ тому приноровлены въ горизонтальномъ ихъ положеніи. Только чѣмъ родъ выше, тѣмъ части его устроены многосложнѣе, отверстіе стѣсняется, желудокъ и внутренность занимаютъ низшее мѣсто; наконецъ при поднятомъ вверхъ ростѣ человѣка, ротъ по наружности вдается назадъ подъ высшую организацію облика (между тѣмъ какъ у головы животныхъ выдается всегда впередъ). Благороднѣйшія части наполняютъ грудь; орудія же питательныя устроены къ низу. Благороднѣйшее созданіе не должно служить одному брюху, коего владычество столь велико и пространно у всѣхъ родовъ низшихъ его братьевъ, какъ по распредѣленію тѣлесныхъ частей, такъ и по нуждамъ жизни.

За тѣмъ пропитаніе есть главный законъ, коимъ приводится въ движеніе всякое живущее твореніе. Животныя имѣютъ въ томъ общее съ растеніями, ибо части и ихъ строенія, всасывающія и обработывающія пищу, приготовляютъ соки, и по своему сложенію суть растеніеобразны. Толь-

ко чѣмъ благороднѣе организмъ, въ которомъ онѣ помѣщены Природою, чѣмъ болѣе бываетъ смѣси, очищенія и обрабатыванія жизненныхъ соковъ, тѣмъ болѣе, по качеству родовъ, производится постепенно тончайшее вліяніе, орошающее благородныя части, тогда, какъ вліяніе сіе становится ограниченнѣе по мѣрѣ низшаго степени творенія. Гордый человѣкъ! низведи взоръ твой на первыя нужды своихъ собратнихъ твореній; увидишь, что и ты еще частію онымъ подверженъ; и ты также подобно низшимъ своимъ собратіямъ представляешь питательную трубу.

Но Природа поставила насъ несравненно противу нихъ выше. Зубы, кои у насѣкомыхъ и другихъ животныхъ должны быть руками, чтобы держать и раздирать добычу; челюсти, кои у рыбъ и хищныхъ животныхъ дѣйствуютъ съ удивительною силою, сколь благородно у человѣка ускромлены, и сила, еще въ нихъ содержимая, обуздана! Многосложные желудки низшихъ животныхъ устроены иначе: у человѣка и у нѣкоторыхъ ближайшихъ къ его образу животныхъ, они стѣснены воедино, и уста его освящены пречистымъ даромъ Божіимъ, даромъ слова. Черви, насѣкомыя, рыбы и большею частію земноводныя нѣмы; даже

птицы издаютъ голосъ только горломъ; всякое земное животное имѣетъ мало господствующихъ звуковъ, не болѣе сколько нужно къ его бытію; одинъ только человѣкъ одаренъ настоящими орудіями слова вмѣстѣ съ орудіями вкуса и пищи; и такъ у него соединено благороднѣйшее со знаками самыхъ низшихъ нуждъ. Чѣмъ онъ обрабатываетъ пищу для послѣдней части тѣла, тѣмъ самымъ обрабатываетъ словами и пищу мыслей.

Второе назначеніе твореній есть продолженіе рода; сіе предназначеніе уже явно въ строеніяхъ растеній. Кому служатъ корни и стволы, вѣтви и листья? кому Природа назначила первое мѣсто, или по крайней мѣрѣ избраннѣйшее?—цвѣту, вѣнку. А мы знаемъ, что они составляютъ плодородныя части растенія. И такъ они избраны главною, красивѣйшею частію сего творенія; къ ихъ устроенію приспособлена вся жизнь растенія, дѣйствія, удовольствія онаго, даже единственное, по наружности видимое, произвольное движеніе, такъ называемое сномъ растеній. Прозябенія же, коихъ хранилища сѣмянъ довольно обезпечены, не спятъ: и подлинно, послѣ оплодотворенія, растеніе болѣе уже не спитъ. Оно только матерински затворяется, для сохраненія внутреннихъ частей цвѣта отъ суровости

погоды. И такъ въ растеніи разочтено все, что служитъ къ его питанію и прозябенію, къ плодотворенію и продолженію рода; вотъ конецъ его дѣйствій; къ другому чему либо оно неспособно.

Не такъ бываетъ сіе у животныхъ. Орудія плодотворенія не созданы у нихъ на верху (за исключеніемъ нѣкоторыхъ низшихъ твореній, кои имѣютъ сіи части близъ головы); они и по свойству предназначенія творенія болѣе подчинены благороднѣйшимъ членамъ. Сердце и лёгкое занимаютъ грудь, голова посвящена благороднѣйшимъ чувствамъ, и вообще, по всему ихъ строенію, ткань желѣзъ съ ея сочною цвѣточною силою подчинена раздражительнымъ дѣйствіямъ мускуловъ и чувствительному строенію нервовъ. Хозяйство жизни сихъ твореній явно долженствуетъ слѣдовать духу ихъ строенія. Произвольныя движенія, дѣятельность чувствованія и побужденія составляютъ главныя занятія животнаго, по мѣрѣ того, какъ возвышается его организмъ. У большой части родовъ животныхъ побужденіе половъ ограничено краткимъ временемъ; въ прочее время бываютъ они свободнѣе отъ сего побужденія, нежели нѣкоторые низкими чувствами одаренные люди, кои охотно возвратились бы въ состояніе прозябаемыхъ.

Люди сіи естественно имѣютъ и участь растеній; истощивъ всѣ благородныя побужденія, всѣ силы мускуловъ, чувствъ, всѣ силы души и воли, они живутъ и умираютъ равновременною смертію растеній.

Между животными, тѣ, кои ближе подходятъ къ растенію, остаются въ подчиненности описанному началу организаціи, какъ по хозяйству тѣлосложенія, такъ и по цѣли предназначенія; сюда принадлежатъ зоофиты и насѣкомыя. Полипъ, по строенію своему, не иное что есть, какъ одушевленная органическая труба молодыхъ полиповъ; растенія кораловъ суть органическое жилище особенныхъ морскихъ животныхъ; наконецъ насѣкомое, которое стоитъ надъ ними гораздо выше, (для того, что уже живетъ въ благороднѣйшемъ кругу) показываетъ однако близкую границу къ тѣмъ свойствамъ растеній, какъ организмомъ, такъ и образомъ жизни. Голова у него мала и безъ мозгу; даже для нѣкоторыхъ необходимыхъ чувственныхъ орудій не было въ немъ мѣста, и потому носитъ ихъ на своихъ рожкахъ. Грудь его мала, и потому не достаетъ у него лёгкаго, а у многихъ даже нѣтъ подобія сердца. Задняя же часть своими растеніеобразными позвонками весьма велика и пространна. Она

есть господствующая въ семъ твореніи (*), такъ какъ главнымъ его предназначеніемъ есть питаніе и обильное плодородіе.

У животныхъ благороднѣйшаго разряда, Природа, какъ уже сказано, помѣщаетъ глубже къ низу орудія плодотворенія, и какъ бы начинаетъ ими стыдиться; она возложила на нѣкоторыя части по нѣскольку, даже весьма между собою разнствующихъ упражненій, для того, чтобы выиграть чрезъ то въ широкой груди больше мѣста для частей благороднѣйшихъ. Самые нервы, долженствующіе содѣйствовать тѣмъ частямъ, устроила она такимъ образомъ, что они имѣютъ свое происхожденіе вдали отъ головы изъ нижней части тѣла, и лишивъ ихъ большею частію съ ихъ мускулами и железами душевной воли. Здѣсь приготовляется сокъ плодотворности растеніеобразно, и молодой плодъ растеніеобразно питается. Растеніеобразно отцвѣтаетъ сила сихъ частей и побужденій тогда, когда еще сердце и голова остаются въ полномъ дѣйствіи, а можетъ быть, когда сердце еще сильнѣе бьется и голова яснѣе мыслитъ. По проницатель-

(*) Многія изъ сихъ твореній дышатъ также тою частію; вмѣсто сердца, проведена у нихъ біющаяся жила; сею же частію вкапываются они въ землю, и пр.

ному замѣчанію Мартинета, ростъ человѣческаго тѣла происходитъ менѣе въ верхнихъ частяхъ, нежели въ нижнихъ, какъ будто бы человѣкъ былъ дерево, которое внизу растетъ на своемъ пнѣ. Наконецъ, сколь ни запутано строеніе нашего тѣла, неоспоримо однако то, что части, служащія единственно къ плотскому прокормленію и плодородію, никакъ по ихъ организму не могутъ и не должны быть господствующими въ предопредѣленіи творенія, особенно же человѣка.

И какія части къ тому избраны Природою? Станемъ разсматривать ихъ строеніе снутри и снаружи.

* *
*

Между рядами одушевленныхъ животныхъ видимъ слѣдующій порядокъ:

1. Животныя съ одною впадиною и коморочкою сердца, какъ то земноводныя и рыбы, имѣютъ холоднѣйшую кровь.

2. Съ одною коморочкою безъ впадины, имѣютъ только бѣлый сокъ, вмѣсто крови, какъ то: насѣкомыя и черви.

3. Животныя съ четвернымъ сердцемъ, имѣютъ теплую кровь, какъ то: птицы, и сосцепитательныя животныя.

Равнымъ образомъ замѣчено, что

1. У первыхъ двухъ разрядовъ недостаетъ лёгкаго для дыханія и для произведенія кровообращенія, но что

2. Животныя съ четвернымъ сердцемъ имѣютъ лёгкое. Съ величайшимъ изумленіемъ видимъ, что отъ сихъ простыхъ разностей происходятъ чрезвычайныя измѣненія, въ отношеніи къ благородству существъ.

Во первыхъ. Къ составу сердца, и не въ совершеннѣйшемъ еще его видѣ, требуется такое органическое строеніе нѣкоторыхъ внутреннихъ частей, къ которому никакое растеніе не возвышается. Уже у насѣкомыхъ и червей видны жилочки и другіе отдѣляющіе сосуды, частію даже мускулы и нервы, кои вознаграждаются у растеній трубками, а у животнорастеній похожимъ на оныя составомъ. За тѣмъ, въ совершеннѣйшемъ твореніи потребовалась тончайшая отдѣлка влажности, отъ коей оно получаетъ жизнь, а вмѣстѣ и теплоту, дающую жизнь. Такъ-то возвышается древо жизни отъ растеніеобразности къ бѣлому соку животныхъ, отсюда — къ краснѣйшей крови и наконецъ — къ совершеннѣйшей теплотѣ органическихъ существъ. Чѣмъ болѣе сія послѣдняя возрастаетъ, тѣмъ болѣе видимъ во внутреннемъ организмѣ отдѣленій и размноженій

тѣмъ совершеннѣе становится кровообращеніе, движеніемъ коего, вѣроятно, та внутренняя теплота и могла образоваться. Кажется, что въ Природѣ существуетъ одно главное начало жизни, т. е. эѳирное, или электрическое теченіе, которое въ трубкахъ растенія, въ жилкахъ и мускулахъ животнаго, наконецъ даже въ нервномъ строеніи, все болѣе и болѣе обработывается, и наконецъ возжигаетъ тѣ побужденія и душевныя силы, коихъ дѣйствія въ твореніяхъ живущихъ приводятъ насъ въ изумленіе. Росту прозябаемыхъ споспѣшествуетъ электрика, не смотря на то, что ихъ жизненный сокъ гораздо образованнѣе и тонѣе, нежели электрическая сила, показывающаяся въ мертвой Природѣ. Теченіе сей матеріи дѣйствуетъ еще на животныхъ и на человѣка, и не только на однѣ грубыя части ихъ тѣлесной машины, но даже тамъ, гдѣ сіи смежны уже съ душею. Нервы, оживляемыя существомъ, коего законы почти уже выше вещества (такъ какъ дѣйствуютъ въ родѣ вездѣсущности) имѣютъ еще соприкосновеніе съ электрическою силою въ тѣлѣ. Короче сказать, Природа дала своимъ одушевленнымъ чадамъ самое лучшее, что могла, органическое подобіе собственной своей творческой силы, животворную теплоту.

Тѣми и другими органами твореніе изъ мертвой жизни растенія созидаетъ себѣ жизненное раздраженіе, и изъ массы таковыхъ раздраженій, очищаемыхъ въ тончайшихъ каналахъ, извлекаетъ состояніе чувственности. Послѣдствіемъ раздражительности бываетъ побужденіе, послѣдствіемъ чувственности—мысль; вотъ вѣчный ходъ органической созидательности, коею снабжено всякое живущее твореніе. Съ органическою теплотою его (не такъ, какъ она ощущается по наружности грубыми нашими тѣлесными орудіями) увеличивается также усовершеніе его рода, а потому вѣроятно и способность къ благороднѣйшему чувствованію благосостоянія, въ общемъ теченіи коего всесогрѣвающая, всеоживляющая, всевкушающая матерь сама себя ощущаетъ.

Во вторыхъ. Чѣмъ внутреннее образованіе творенія многосложнѣе сооружено къ его жизненной теплотѣ, тѣмъ оно, какъ видимъ, способнѣе воспринимать и раждать живущихъ. Опять ростокъ того же величайшаго древа жизни, проницающей сквозь всѣ роды твореній.

Извѣстно, что растенія большею частію сами собою сочетаются, и что тамъ, гдѣ даже раздѣлены члены половъ, находится много андрогиновъ и полигамовъ. Также

замѣчено, что у низшихъ родовъ животныхъ, какъ то: у растеніеобразныхъ, у черепокожныхъ и у насѣкомыхъ, или недостаетъ еще животнообразныхъ, плодородныхъ частей, и они распложаются только растеніеобразно, или же есть между ними двоеполы, андрогины и разныя неправильныя творенія, о чемъ здѣсь не мѣсто распространяться. Чѣмъ многосложнѣе организація животнаго, тѣмъ опредѣлительнѣе полы отдѣляются. Здѣсь Природа не могла довольствоваться органическими зародышами; образованіе въ частяхъ существа, столь разнороднаго и разновиднаго, было бы въ опасномъ состояніи, если бы предоставлено было случаю играть органическими формами. И такъ, мудрая матерь раздѣлила и разлучила полы. Она, умѣла однако, изобрѣсть образованіе, гдѣ два существа совокупляются во-едино, и посреди ихъ возстаетъ третіе — отпечатокъ ихъ обоихъ, въ мгновеніе самой величайшей жизненной теплоты.

Въ ней зачавшись, новое существо отъ ней же единственно получаетъ дальнѣйшее свое образованіе. Материнская теплота принимаетъ и устраиваетъ оное. Лёгкое въономъ еще не дышетъ, а уже большая его грудная желѣза сосетъ; даже у человѣка,

кажется, недостаетъ правой коморки сердца, и, вмѣсто крови, течетъ по жиламъ его бѣлый сокъ. Чѣмъ однако материнская теплота болѣе усиливаетъ и его теплоту, тѣмъ болѣе образуется сердце, краснѣетъ и умножается кровь, хотя еще не можетъ касаться лёгкаго и восприинять твердаго кругтеченія. При крѣпкомъ біеніи пульса, шевелится твореніе, и наконецъ оно вступаетъ въ свѣтъ совершенно устроеннымъ, снабженное всѣми тѣми побужденіями самодвиженія и чувственности, къ коимъ только оно могло быть устроено во внутренности живущаго существа сего рода. Въ то же время воздухъ, молоко, пропитаніе и самая боль, и всякая нужда подаютъ ему поводы, тысячами путей, всасывать теплоту, и посредствомъ желѣзъ, мускуловъ и нервовъ перерабатывать оную въ такую сущность, какой низшій организмъ произвести не можетъ. Твореніе растетъ до извѣстныхъ лѣтъ, пока въ избыткѣ своей жизненной теплоты стремится къ дальнѣйшему раскрытію своего образованія, къ своему распространенію — и органическій кругъ жизни снова начинается.

Такъ поступаетъ Природа съ тѣми твореніями, кои рождаются живыми. Но не всѣ къ тому способны. Животныя, у коихъ

кровь холоднѣе, не имѣютъ той способности. Имъ приходитъ на помощь солнце, и дѣлается ихъ сомaтерію. Оно выводитъ недородки. Ясное доказательство, что вся органическая теплота въ твореніи есть одна и та же; но что она безчисленными каналами бываетъ, болѣе и болѣе, очищаема, и получаетъ разныя степени. Даже птицы, у коихъ кровь теплѣе, нежели у земныхъ животныхъ, не могутъ производить живущихъ, чему, можетъ быть, причиною частію хладнѣйшая ихъ стихія, частію же ихъ образъ жизни и все ихъ назначеніе. Природа пощадила сіи легкія, летающія творенія, не обременяя ихъ ношеніемъ своихъ птенцевъ до живаго рожденія, такъ какъ избавила ихъ отъ сосцепитанія. Коль скоро птица, хотя только въ среднемъ отвратительномъ видѣ, вступаетъ въ рядъ земныхъ твореній, то она сосетъ. Коль скоро морское животное имѣетъ довольно теплой крови и организма для рожденія живущаго, то уже возложено на оное бремя сосцепитанія.

Сколь тѣмъ споспѣшествовала Природа усовершенію родовъ животныхъ! Легкая птица умѣетъ только высиживать, но и въ семъ маломъ хозяйствѣ какія встрѣчаются прекрасныя побужденія! Супружеская любовь строитъ, материнская любовь согрѣваетъ гнѣздо;

отеческая снабжаетъ оное потребностями, и помогаетъ согрѣвать, но мать-птица какъ защищаетъ своихъ птенцевъ! Какъ у породъ, созданныхъ для супружества, цѣломудренна любовь супружеская! У земныхъ животныхъ надлежало бы сему союзу быть еще сильнѣе, если только возможно: для того то мать принимаетъ своего живорожденнаго къ груди, дабы питать его нѣжнѣйшими частями собственнаго бытія. Только грубообразованная свинья пожираетъ собственныхъ дѣтей; только хладные земноводные предаютъ свои яйца песку, либо илу. Сосцепитательные же роды пекутся о своихъ младенцахъ съ нѣжностію. Чадолюбіе обезьяны учинилось пословицею, и можетъ быть никакой родъ животныхъ ей въ томъ не уступаетъ. Самыя морскія творенія принимаютъ въ томъ участіе, и манати, есть до баснословія, образецъ супружеской и материнской любви. Нѣжная домостроительница міра! къ какимъ простымъ органическимъ узамъ привязываешь ты необходимѣйшія отношенія, такъ какъ и прекраснѣйшія побужденія чадъ своихъ. Отъ полости мускула сердца, отъ дышащаго легкаго зависитъ то, чтобы твореніе жило сильнѣйшею и тончайшею теплотою, чтобы раждало и питало живущихъ, чтобы привыкало къ благороднѣйшимъ противу плодотворенія побужденіямъ домостроительства и чадолюбія, а у нѣкоторыхъ родовъ даже супружеской любви. Въ величайшей теплотѣ крови, сего теченія всеобщей души вселенной, возжигаешь ты свѣтильникъ, коимъ согрѣваешь и самыя благородныя движенія человѣческаго сердца!

Наконецъ, слѣдовало бы говорить о головѣ животныхъ, яко о важнѣйшей части тѣла, но сперва надлежитъ разобрать нѣчто важнѣйшее, нежели ея наружныя формы и члены.

II.

Сравненіе разныхъ органическихъ силъ, дѣйствующихъ въ животныхъ.

Безсмертный Галлеръ, разбирая разныя силы, кои въ тѣлѣ животныхъ физіологически обнаруживаются, а именно, упругость жилочекъ, раздражительность мускуловъ, чувствительность нервнаго строенія, различилъ оныя съ такою точностію, которая въ цѣломъ не только неопровержима, но и удобопримѣняема къ физіологическому ученію о душѣ, въ отношеніи къ тѣламъ, даже не человѣческимъ.

Я оставляю въ нерѣшеніи, не могутъ ли сіи различныя явленія быть слѣдствіемъ дѣйствій одной и той же силы, которая только иначе обнаруживается въ жилочкахъ, иначе въ мускулахъ, иначе въ нервномъ строеніи? Едва ли можно въ томъ сомнѣваться, если вспомнимъ, что все въ Природѣ соединено, и что помянутыя три дѣйствія въ одушевленномъ тѣлѣ столь тѣсно и многообразно связаны между собою. Упругость и раздражительность столь же сопредѣльны, какъ жилочка и мускулъ. Поелику сей послѣдній есть только искуственно сплетенный образъ первой, то вѣроятно и раздражительность не иное что есть, какъ чрезвычайно увеличенная скоротечная сила, которая въ семъ органическомъ сцѣпленіи многихъ частей возвысилась изъ мертвой чувственности жилочекъ къ первой степени плотяной самораздражительности. Затѣмъ чувствительность нервной системы будетъ уже третьею высшею степенью сей же силы — послѣдствіемъ всѣхъ тѣхъ органическихъ силъ; ибо все кровообращеніе и всѣ оному подчиненные сосуды, кажутся принадлежащими къ тому, чтобъ орошать мозгъ, яко корень нервовъ, благороднымъ сокомъ, который, производя чувствительность, столь

много возвышается надъ силами мускуловъ и жилочекъ.

Но какъ бы то ни было, сколь безконечна мудрость Творца, съ каковою сіи силы соединены въ тѣлахъ животныхъ различнаго образованія, и низшія постепенно подчинены высшимъ! Кореннымъ основаніемъ всего, и въ нашемъ тѣлостроеніи, есть жилочки; на нихъ цвѣтетъ человѣкъ. Лимфатическіе и млечные сосуды приготовляютъ соки для всей машины. Мускульныя силы, не только даютъ имъ движеніе къ наружности тѣла, но тотъ мускулъ, сердце, дѣлается даже первѣйшимъ орудіемъ движенія крови — сока, составленнаго изъ столь многихъ, который и согрѣваетъ все тѣло и поднимается къ головѣ, а оттуда новыми приготовленіями оживляетъ нервы. Подобно небесному растенію, они разстилаются отъ своихъ верхнихъ корней; но какимъ образомъ разстилаются? какая въ нихъ тонкость? на какія части обращаются? съ какою степенью раздражительности тамъ и сямъ мускулъ спутанъ? какой сокъ приготовляютъ растеніеобразные сосуды? какая температура господствуетъ въ цѣломъ, взаимномъ соотношеніи между сими частями? на которыя орудія чувственности она дѣйствуетъ? къ какому ведетъ образу жизни? въ какомъ

расположеніи, въ какомъ видѣ образована? Точное изслѣдованіе сихъ предметовъ въ каждомъ, наипаче же въ твореніяхъ, близкихъ къ человѣку, должно намъ дать ключь къ объясненію загадокъ о ихъ инстинктѣ и характерѣ, о взаимномъ соотношеніи родовъ животныхъ, и наконецъ, о причинахъ преимущества человѣка предъ прочими животными. Лучшаго средства еще не знаю. Къ счастію, Камперы, Врисберги, Вольфы, Земмеринги и многіе другіе изслѣдователи тѣлесныхъ составовъ, шествуютъ уже по сему физіологическому пути, сравнивая разные роды животныхъ по силамъ орудій ихъ органическаго состава. Слѣдуя моему предназначенію, принимаю нѣкоторыя главныя правила, долженствующія вести къ послѣдующимъ размышленіямъ о внутреннихъ органическихъ силахъ различныхъ существъ, и наконецъ человѣка. Безъ оныхъ обозрѣніе Природы человѣческой въ ея недостаткахъ и совершенствахъ, есть дѣло невозможное.

* *
*

1. Гдѣ въ Природѣ есть дѣйствіе, тамъ должна быть и дѣйствующая сила; гдѣ показывается раздраженіе въ усиліяхъ, или

даже въ судорогахъ, тамъ должно быть и чувство внутри. Кто бы отвергнулъ сіи правила, тотъ отвергнулъ бы всякую связь наблюденій, всякую науку сравненія въ Природѣ.

2. Никто не можетъ опредѣлить границъ, гдѣ видимое дѣйствіе есть доказательство внутри пребывающей силы, и гдѣ таковымъ уже быть не можетъ. Въ обрѣтающихся между нами животныхъ мы допускаемъ чувства и мысли потому, что видимъ предъ собою ежечасныя дѣйствія ихъ привычекъ; но можно ли отвергнуть существованіе оныхъ и въ прочихъ животныхъ, единственно для того, что не такъ коротко и не довольно ихъ знаемъ? или, что ихъ дѣйствія кажутся намъ слишкомъ искуственными? Наше невѣдѣніе или неразумѣніе, можетъ ли служить рѣшительнымъ мѣриломъ всѣхъ искуственныхъ мыслей и чувствъ въ твореніи одушевленномъ?

3. Затѣмъ, гдѣ совершается искуство, тамъ должно быть и искуственное орудіе, то искуство совершающее; и гдѣ твореніе дѣйствіями показываетъ, что предварительно знаетъ нѣкоторыя дѣйствія Природы, усиливаясь оныя предупредить, тамъ должно предполагать въ немъ внутреннее чувство, внутренній органъ, внутреннюю спо-

собность къ такой предусмотрительности, не смотря на то, понимаемъ ли мы оное, или нѣтъ. Силы Природы отъ того ни мало не измѣняются.

4. Въ твореніи должны быть еще силы, коихъ мы ни сколько не знаемъ, по причинѣ неимѣнія для нихъ чувственнаго орудія; ихъ должно быть весьма много; ибо почти у каждаго творенія видимъ дѣйствія, коихъ мы изъ нашего организма объяснить не можемъ.

5. Вселенная (вмѣщающая тьмы темъ твореній, изъ коихъ каждое, будучи одарено особенными чувствами и склонностями, вкушаетъ особый міръ, исправляетъ свое особое дѣло) безконечно пространнѣе той пустыни, которую невнимательный человѣкъ одинъ ощущаетъ своими пятью тупыми чувствами.

6. Кто нѣкоторымъ образомъ чувствуетъ все величіе и могущество Природы, преисполненной мыслями, искуствомъ, жизнію: тотъ конечно съ благодарностію пріиметъ то, что его организмъ въ себѣ заключаетъ, и не станетъ вопреки Природы отвергать существованія духа въ прочихъ ея твореніяхъ. Все созданіе должно быть проницаемо вкушеніями, чувствами, перерабатываніями; за тѣмъ на каждой новой точкѣ должны быть творенія, оное вкушающія, органы оное чувствующіе, силы оживляющія оное сообразно своему мѣсту. Кайманъ и колибри, кондоръ и пипа; что они имѣютъ общаго между собою? Однако же каждый образованъ для своего климата, каждый имѣетъ житье-бытье въ своей стихіи. Ни одна точка въ твореніи не остается безъ вкушенія, безъ органа, безъ жителей; за тѣмъ каждое твореніе имѣетъ свой собственный, новый міръ. Каждый родъ ощущаетъ оный иначе; каждому иначе оный представляется.

Безконечность объемлетъ меня, когда, окруженный тысячами опытовъ сего рода и проницаемый ощущеніями, ими производимыми, я, вступаю въ священный храмъ твой, Природа! Ты не обдѣляешь ни одного творенія; ты каждому сообщаешься въ такой полнотѣ, какую можетъ объять его образованіе. Всякое изъ своихъ созданій устроиваешь единымъ, совершеннымъ и подобнымъ только самому себѣ. Ты обрабатываешь его внутри, и гдѣ кому въ чемъ надлежало отказать, то инымъ чѣмъ нибудь вознаградила, поколику матерь всѣхъ вещей вознаградить можетъ. — Читатели! обратимъ вниманіе на нѣкоторыя извѣданныя въ семъ родѣ отношенія различныхъ дѣйствующихъ силъ въ разныхъ организмахъ, и про-

ложимъ себѣ чрезъ то путь къ познанію физіологическаго состоянія человѣка.

* *
*

1. Прозябеніе существуетъ для того, чтобы расти и приносить плодъ; мета, какъ кажется, подчиненная, но въ цѣлости сосозданія она есть основаніе всякаго другаго творенія. Къ сей метѣ прозябеніе вполнѣ стремится и дѣйствуетъ тѣмъ безостановочнѣе, чѣмъ менѣе оно развлечено другими метами. Гдѣ можетъ, тамъ оно является въ полномъ своемъ зародышѣ, производя новые ростки и почки: вѣтвь дерева представляетъ цѣлое дерево. Призывая здѣсь на помощь одно изъ предъидущихъ основаній, мы по всѣмъ правиламъ сравненій въ Природѣ, имѣемъ причину сказать: гдѣ дѣйствіе, тамъ сила; гдѣ новая жизнь, тамъ должно быть начало новой жизни, и въ каждомъ растеніеобразномъ твореніи должно сіе быть въ величайшей дѣятельности. Теорія зародышей, принятая къ объясненію произрастенія, ничего въ самой вещи не объясняетъ; ибо зародышъ есть уже образованіе; а гдѣ сіе существуетъ, тамъ должна уже быть органическая сила, которою оное производится. Въ первородномъ сѣмени творенія никакой

изслѣдователь не открылъ всѣхъ будущихъ зародышей; они дѣлаются для насъ видимыми не прежде, какъ тогда когда растеніе приходитъ въ собственную полную силу, и мы послѣ всѣхъ опытовъ не имѣемъ права приписать оную чему либо иному, кромѣ только органической силѣ самаго растенія, которая невидимо дѣйствуетъ на внутренній составъ онаго. Природа одарила сіе твореніе всѣмъ тѣмъ, чѣмъ оное одарить могла, и отказавъ во многосложности, вознаградила оное ретивостію дѣйствующей въ немъ силы. Что растенію въ силахъ животнодвиженій, когда оно не можетъ тронуться съ мѣста? на что ему познаніе другихъ растеній, когда сіе служило бы только къ его мученію? Но оно притягиваетъ воздухъ, свѣтъ, ихъ питательные соки, и вкушаетъ ихъ растеніеобразно. Побужденіе расти, цвѣсти и продолжать свой родъ, происходитъ у прозябенія столь вѣрно и безостановочно, что никакое твореніе въ томъ сравняться съ онымъ не можетъ.

2. Переходъ отъ растенія ко многимъ, доселѣ открытымъ, растеніеживотнымъ представляетъ сіе еще яснѣе. Питательныя части у нихъ уже отдѣлены; они имѣютъ подобіе чувствъ животныхъ и произвольныхъ движеній; преимущественная однако

ихъ органическая сила есть еще питаніе и самопродолженіе. Полипъ не есть хранилищемъ зародышей, какъ бы лежащихъ предобразованными для жестокаго ножа Философа; но и онъ, подобно растенію, заключаетъ въ себѣ жизнь органическую. Подобно растенію, производитъ онъ ростки, и ножъ изслѣдователя можетъ только возбуждать, раздражать сіи силы. Какъ раздражаемый или разрѣзываемый мускулъ обнаруживаетъ болѣе силы, такъ мучимый полипъ обнаруживаетъ все, что ему можно къ своему возобновленію и уцѣленію. Онъ произращаетъ члены такъ долго, какъ позволяетъ его сила и пока искуственныя орудія его натуры не совсѣмъ еще разрушены. Въ нѣкоторыхъ частяхъ, въ нѣкоторыхъ направленіяхъ, когда части слишкомъ уменьшаются, когда силы его слишкомъ истощены, онъ болѣе того уже сдѣлать не въ состояніи. Все то не имѣло бы мѣста, если бы въ каждомъ пунктѣ находился въ готовности предобразованный зародышъ. Мы видимъ въ немъ дѣйствіе могущественныхъ органическихъ силъ, подобныхъ обрѣтаемымъ въ составѣ растеній, или даже еще нижшемъ, состоящимъ въ слабыхъ только и неясныхъ зачаткахъ.

3. Черепокожныя животныя суть органическія творенія, исполненныя жизненности столько, сколько въ ихъ стихіи, въ ихъ обиталищѣ могло быть собрано и образовано. Мы должны называть оную чувствомъ, ибо не имѣемъ другаго слова, но — чувствомъ улитки, или морскимъ, нестройною смѣсью темнѣйшихъ жизненныхъ силъ, нераскрытыхъ, за исключеніемъ только нѣкоторыхъ немногихъ членовъ. Посмотри на нѣжные чувственные рожки, на мускулъ, заступающій мѣсто зрительныхъ нервовъ, на открытый ротъ, на начатокъ біющагося сердца, и наконецъ, смотри, какое чудо! на чрезвычайныя силы возобновленія. Животное возобновляетъ себѣ голову, рога, челюсти, глаза, не только строитъ свой искуственный черепъ и обтираетъ оный, но и производитъ еще живущія существа съ такимъ же искуственнымъ черепашнымъ строеніемъ; нѣкоторые жъ ихъ роды суть вмѣстѣ и мужескаго и женскаго пола. И такъ въономъ заключается міръ органическихъ силъ, посредствомъ коихъ оно можетъ дѣлать на своей степени то, чего не въ силахъ дѣлать никакое съ развитыми членами твореніе, а отъ того самаго клейко-слизистое строеніе онаго тѣмъ безостановочнѣе и ретивѣе дѣйствуетъ.

4. Насѣкомое, столь искуственно въ своихъ дѣйствіяхъ, столь же искуственно и въ

тѣлесномъ своемъ строеніи; органическія силы онаго сообразны оному даже въ отдѣльныхъ частяхъ. Въ немъ находится мѣсто только для малаго мозгу и для крайне тонкихъ нервовъ; мускулы его еще такъ нѣжны, что должны покрыты быть снаружи крѣпкими щитами; для кругообращенія же встрѣчаемаго въ бо́льшихъ земныхъ животныхъ не было въ его организмѣ мѣста. Но замѣтьте его голову, глаза, чувственные рожки, ноги, щиты, крылья; замѣтьте преогромныя тяжести, кои носитъ на себѣ жукъ, муха, муравей; крѣпость, обнаруживаемую раздраженною осою; замѣтьте пять тысячъ мускуловъ, насчитанныхъ Ліонетомъ во внутренности гусеницы, между тѣмъ, какъ у многосильнаго человѣка таковыхъ не болѣе 450; вообразите, наконецъ, искуственныя дѣла, совершаемыя чувственными орудіями и членами сихъ твореній, и заключите объ органическомъ изобиліи силъ, кои, въ каждой ихъ части пребывая, дѣйствуютъ. Кто, видя оторванную и дрожащую ногу паука, мухи, не удостовѣрится, сколько въ ней жизненной раздражительности, хотя она уже отдѣлена отъ своего тѣла? Голова насѣкомаго слишкомъ еще мала для соединенія всѣхъ жизненныхъ раздраженій; за тѣмъ богатая Природа распространила ихъ по всѣмъ и даже тончай-

шимъ членамъ. Его рожки суть чувства; тонкія ноги — мускулы и мышицы; всякій нервный узелъ — малый мозгъ; всякая жилочка — почти біющееся сердце; отъ того могутъ совершаемы быть тонкія искуственныя ихъ дѣла, къ коимъ совершенно устроены нѣкоторые ихъ роды, и къ коимъ они побуждаются организмомъ и нуждами. Какую тонкую протяженность и упругость имѣетъ нить паука и шелковой гусеницы! И художница производитъ оную изъ самой себя, къ очевидному доказательству, что она сама есть во всемъ эластичество и раздраженіе, слѣдственно она и въ побужденіяхъ и въ искуственныхъ своихъ произведеніяхъ есть настоящая художница, дѣйствующая въ семъ организмѣ — малая всеміряная душа.

5. Въ животныхъ съ холодною кровію видно еще сіе превосходство раздражительности. Черепаха, потерявъ голову, еще долго и сильно движется; оторванная голова ужа до 3, 8 и 12 дней уязвляетъ смертельно. Сомкнутыя челюсти мертваго крокодила могутъ еще откусить палецъ у неосторожнаго. Между насѣкомыми, вырванное жало у пчелы стремится еще уязвить. Посмотри на лягушку, во время ея сочетанія: у нея могутъ быть оторваны ноги и члены прежде, нежели она отстанетъ отъ своего

предмета; посмотри на мучимаго саламандра: онъ можетъ потерять руки, пальцы, ноги, бедра, и самъ паки ихъ возстановляетъ. Такъ велики, удовлетворительны органическія жизненныя силы у сихъ животныхъ съ холодною кровію. Словомъ, чѣмъ животное нестройнѣе, т. е. чѣмъ органическая крѣпость его раздраженій и мускуловъ менѣе направлена къ тонкимъ нервнымъ силамъ, и менѣе подчинена большому мозгу, тѣмъ болѣе дѣйствія раздраженій и мускуловъ оказываются у нихъ въ органическомъ всемогуществѣ, болѣе распространенномъ и удобнѣйшемъ къ сохраненію или продолженію жизни.

6. Даже у животныхъ съ теплѣйшею кровію замѣчено, что въ связи съ нервами ихъ мясо движется лѣнивѣе; напротивъ того, внутренность ихъ показываетъ сильнѣйшія дѣйствія раздраженія, когда животное мертво. Во время смерти усиливаются у нихъ судороги по мѣрѣ того, какъ ослабѣваетъ чувствительность; и мускулъ, потерявшій уже свою раздражительность, паки получаетъ оную, когда разрѣзываютъ его на части. Чѣмъ твореніе богаче нервами, тѣмъ болѣе, кажется, теряетъ оно изъ той тугой жизненной силы, которая съ трудомъ только умираетъ. Возобновительныя

силы частныхъ членовъ (не говоря уже о многородныхъ, каковыми суть: голова, руки, ноги) уменьшаются у такъ называемыхъ совершеннѣйшихъ твореній; едва возобновляются у нихъ въ извѣстныя лѣта зубы, срастается переломленная кость, исцѣляется рана. За то съ уменьшеніемъ у сихъ родовъ животныхъ свойственныхъ растенію силъ, примѣтно возвышаются чувства и воображеніе, такъ что наконецъ въ человѣкѣ, въ семъ превосходномъ земномъ организмѣ, одаренномъ возвышенною душею, соединяются оныя уже съ предѣлами ума.

* *
*

Изъ описанныхъ соображеній, да позволено намъ будетъ вывесть слѣдующія заключенія:

1. Въ каждомъ одушевленномъ твореніи кругъ органическихъ силъ кажется цѣлымъ и совершеннымъ; но у всякаго рода оный иначе приспособленъ и раздѣленъ. По мѣрѣ уменьшенія силъ въ одной части, умножаются оныя въ другой, такъ, что цѣлость остается всегда въ одинаковой соразмѣрности, съ тою только разностію, что у однихъ бываетъ перевѣсъ въ грубыхъ частяхъ, а у другихъ въ отношеніяхъ благороднѣйшихъ. У

нѣкоторыхъ родовъ животныхъ кругъ органическихъ силъ близокъ еще къ прозябаемому, и для того такъ силенъ въ плодотвореніи и возобновленіи самого себя; у другихъ уменьшаются силы сіи по мѣрѣ того, какъ оныя болѣе раздѣляются въ искуственнѣйшіе члены, тончайшія орудія и чувства.

2. За мощными силами царства растеній начинаютъ въ царствѣ животныхъ дѣйствовать живыя мускульныя раздраженія. Они еще въ близкомъ родствѣ съ тѣми силами плотянаго жилочнаго строенія растеній, которое прозябаетъ, возникаетъ и возобновляется; но они являются въ искуственно-сплетенномъ видѣ, имѣя метою образъ жизни, болѣе ограниченный и болѣе опредѣленный. Каждый мускулъ находится уже во взаимной игрѣ со многими другими; онъ являетъ не только силу желѣзъ, но и свою собственную — жизненное раздраженіе въ дѣятельномъ движеніи. По мѣрѣ большаго совершенства силъ животворныхъ, уменьшаются силы растеніеобразныя. Гнюсъ не можетъ такъ возобновлять своихъ членовъ, какъ ящерица, лягушка, полипъ; да и у возобновляющихся животныхъ пополняются только тѣ части, въ которыхъ сосредоточены и стѣснены мускульныя силы, но не члены просто выросшіе; ракъ можетъ

возродить снова только клешни, а не хвостъ. За тѣмъ и въ искуственно сплетенныхъ силахъ движенія постепенно уменьшается владычество прозябаемаго организма, или еще болѣе, оно будучи заключено въ искуственнѣйшей формѣ, обращается къ предначертаніямъ многосложнѣйшаго организма.

3. Чѣмъ болѣе мускульныя силы вступаютъ въ нервную область, тѣмъ болѣе онѣ, будучи, такъ сказать, уловлены въ организмѣ, увлекаются къ метамъ чувствительности. Чѣмъ нервы у животнаго многочисленнѣе и тонѣе, чѣмъ многократнѣе между собою встрѣчаются, и искуственно укрѣпляясь, бываютъ обращены къ благороднымъ частямъ и къ чувственнымъ орудіямъ; чѣмъ, наконецъ, больше и нѣжнѣе сборное мѣсто всѣхъ чувствъ, мозгъ; тѣмъ умнѣе и благороднѣе становится родъ, одаренный симъ организмомъ. Напротивъ того, когда у животныхъ раздраженіе, чувствительность и мускульныя силы преодолѣваютъ нервное строеніе, когда сіе послѣднее обращается на низшія исправленія и побужденія, особенно на самое первое, тягостнѣйшее изъ всѣхъ побужденій, голодъ, тогда, по нашему размѣру, родъ становится, частію безобразнѣе въ своемъ строеніи, частію грубѣе въ образѣ жизни.

Кто бы не обрадовался, если бъ любомудрый членоразбиратель принялъ на себя трудъ составить сравнительную физiологiю разныхъ животныхъ, особенно къ человѣку близкихъ, принаравливаясь къ описанному изъ опыта извлеченному распредѣленiю въ отношенiи къ цѣлому организму творенiя. Природа представляетъ намъ свое созданiе; снаружи созерцаемъ облеченный видъ, соотношенiе внутреннихъ силъ закрыто. Мы замѣчаемъ его родъ жизни; изъ чертъ лица его и соразмѣрности членовъ отгадываемъ, можетъ быть, только нѣчто изъ того, что происходитъ внутри. Здѣсь же, во внутреннемъ составѣ, представляются намъ самыя орудiя и массы органическихъ силъ, и чѣмъ ближе къ человѣку, тѣмъ болѣе имѣемъ средствъ къ сравненiю. Не будучи самъ членоразбирателемъ, осмѣливаюсь, изъ описанiй великихъ въ семъ дѣлѣ мужей, представить нѣкоторые примѣры, могущiе дать намъ предварительное понятiе о строенiи и физiологической природѣ человѣка.

III.

Примѣры физiологическаго строенiя нѣкоторыхъ животныхъ.

Слонъ, сколь ни кажется нестройнымъ, являетъ довольно физiологическихъ доказательствъ своего, человѣку подобнаго, превосходства предъ прочими одушевленными созданiями. Правда, что мозгъ его въ сравненiи съ величиною животнаго не есть чрезмѣрный, но впадины онаго и все его строенiе весьма подобны человѣческимъ. „Я изумился,“ говоритъ Камперъ: „нашедши такое сходство желѣзы сосношишковой, также ягодицъ и ядрышекъ мозга съ таковыми же частями нашего мозга; если гдѣ общее чувствилище можетъ имѣть мѣсто, то должно его здѣсь искать. Черепъ въ сравненiи съ головою малъ, для того полость носа тянется далеко надъ мозгомъ и наполняетъ воздухомъ не только лобъ, но и другiя впадины; ибо для двиганiя тяжелыхъ челюстей потребовались крѣпкiе мускулы и большiя поверхностныя плоскости, кои образующая матерь наполнила воздухомъ, дабы пощадить творенiе тяжестiю неудобоносимою. Большой мозгъ не лежитъ на маломъ и не давитъ его своею тяжестiю; отдѣляющая оболочка имѣетъ перпендикулярное направленiе. Много-

численные нервы животнаго большею частію обращаются къ тончайшимъ чувственнымъ орудіямъ, и одинъ хоботъ имѣетъ ихъ болѣе, нежели все его преогромное тѣло. Мускулы, его двигающіе, имѣютъ свое начало на лбу; онъ совсѣмъ не имѣетъ хрящей и есть орудіемъ нѣжнаго чувства, тонкаго обонянія и легчайшаго движенія. Въ немъ соединяются разныя чувственныя орудія, и вспомоществуютъ другъ другу. Такимъ образомъ, проницательное око слона (которое и на нижней вѣкѣ имѣетъ рѣсницы и мускульное движеніе, подобно какъ у человѣка, чего нѣтъ у другихъ животныхъ) находится въ сосѣдствѣ съ тончайшими чувственными орудіями, а сіи отдѣлены отъ вкуса, который часто увлекаетъ животное. Что у другихъ, особенно у плотоядныхъ животныхъ, составляетъ господствующую часть лица — ротъ, находится здѣсь ниже и почти укрытъ подъ выпуклымъ лбомъ и возвышеннымъ хоботомъ. Еще меньше его языкъ; носимыя во рту защитительныя орудія различаются отъ питательныхъ; за тѣмъ онъ и не образованъ къ дикой алчности. Его желудокъ простъ и малъ, сколь внутренность ни велика; вѣроятно, не можетъ онъ столько страдать свирѣпостію голода, сколько хищное животное. Мирно и чисто

выбираетъ онъ злаки; и поелику органы обонянія и вкуса у него раздѣлены между собою, то потребно ему болѣе осторожности и времени. Къ сей-то осторожности образовала его Природа и въ питьѣ, и въ цѣломъ его тяжеломъ тѣлостроеніи; осторожность неразлучна съ нимъ повсюду, даже при сочетаніи. Никакое побужденіе пола не приводитъ его въ дикость: самка носитъ плодъ, подобно женщинѣ, девять мѣсяцевъ, и питаетъ младенцевъ передними сосцами. Постепенность его жизни подобна человѣческой. Онъ подобно человѣку растетъ, цвѣтетъ и умираетъ. Сколь благовидно превратила Природа у сего животнаго рѣзкіе зубы въ бѣлоснѣжные клыки! какъ тонко должно быть у него чувство слуха, когда онъ разумѣетъ разговоръ человѣческій въ тонкихъ измѣненіяхъ повелѣнія и душевныхъ движеній! Уши его больше, нежели у другаго животнаго, притомъ тонки и простерты во всѣ стороны; ихъ отверстіе лежитъ высоко, и весь, малый однако, затылокъ есть слуховый проводъ, исполненный воздуха. Такъ-то Природа умѣла облегчить тяжесть творенія, сочетавъ сильнѣйшую крѣпость мускуловъ съ тончайшимъ домостроительствомъ нервовъ.

Это царь зверей по мудрому спокойствію и чистому разсудительному чувству.

Напротивъ того, левъ есть совсѣмъ другой царь зверей. Природа имѣла въ немъ въ виду не кротость и разсудительность, но мускулы. Она устроила его мозгъ малымъ, нервы же его такъ слабыми, что они въ соразмѣрности не равняются съ нервами кошки; напротивъ того, мускулы грубы, сильны и помѣщены у костей въ такомъ положеніи, что хотя они и неудобны къ многосложнымъ и тончайшимъ движеніямъ, но вмѣсто того одарены большею крѣпостію. Нарочито большой мускулъ, поднимающіе шею, мускулы переднихъ ногъ, служащій къ крѣпкому держанію, составъ ноги плотно у когтей, которыя велики и кривы, для того, чтобъ онѣ, касаясь земли, не приступлялись: вотъ дары льва. Длиненъ и весьма изогнутъ его желудокъ, треніе коего и слѣдственно усиливающійся отъ того голодъ должны быть ужасны. Сердце у него мало, но нѣжны и пространны его полости, гораздо пространнѣе, нежели у человѣка. Боковыя полости сердца у него вдвое тонѣе и пульсъ вдвое менѣе, такъ, что ежели кровь выступаетъ изъ сердца, то оная уже въ четверо, а въ вѣтвяхъ 15-го отдѣленія стократъ скорѣе движется, нежели

у человѣка. Напротивъ, сердце слона бьется спокойно, почти такъ, какъ у животныхъ съ холодною кровію. Также и желчь льва обильна и черновата. Широкій языкъ его на концѣ округляется; онъ обсаженъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сосочками, длиною въ полтора дюйма, лежащими въ срединѣ передней части языка и имѣющими кончики, обращенные назадъ. Отъ того-то и происходитъ опасность его лизанія, которое мгновенно извлекаетъ кровь, и при которомъ нападаетъ на него столь свирѣпая кровожадность, что онъ не щадитъ даже своего благодѣтеля и друга. Левъ, однажды вкусившій кровь человѣческую, не легко оставляетъ свою добычу; ибо изморщенная гортань его алчетъ сего прохлажденія. При томъ же львица раждаетъ по нѣскольку дѣтей, которыя медленно растутъ; она должна ихъ долго кормить; а потому, материнское чувство, при собственномъ голодѣ, возбуждаетъ ея хищность. Такъ какъ левъ остро лижетъ, и сильный его голодъ производитъ алчность, то весьма естественно, что гнилое, мертвое тѣло его не привлекаетъ. Нарочитое удушиваніе и высасываніе свѣжей крови составляетъ его царскій кусокъ; въ странномъ изумленіи заключается часто все царское его великодушіе. Сонъ его легокъ, для того, что

у него кровь тепла и быстротечна; онъ становится робкимъ, когда сытъ; поелику же онъ не можетъ употреблять гнилаго запаса, и слѣдовательно на оный не обращаетъ вниманія, то одинъ только голодъ возбуждаетъ его храбрость. Природа благодѣтельно притупила его чувства. Зрѣніе его не въ состояніи сносить сіянія солнечнаго; а потому и боится онъ огня. Чуткость его не остра, для того, что по положенію мускуловъ онъ созданъ только къ могущественному скоку, а не къ бѣганію, и никакая гнилость его не прельщаетъ. Верхнее покрывало, морщеватый лобъ, малъ въ сравненіи съ нижнею частію лица, съ хищными когтями и пожирательными мускулами. Носъ его длиненъ и нескладенъ; его затылокъ и переднія ноги почти желѣзныя. Грива и мускулы хвоста важны. Напротивъ того, задняя часть слабѣе и щуплѣе. Природа, истощивъ въ немъ страшныя свои силы, учинила его въ сочетаніи животнымъ кроткимъ и благороднымъ, каковымъ онъ бываетъ всегда, коль скоро не страдаетъ своею кровожадностію. Таковы въ физіологическомъ отношеніи и родъ и душа сего животнаго.

Третьимъ примѣромъ можетъ быть тихоходъ, по виду послѣднее и безобразнѣйшее изъ четвероногихъ животныхъ; это

груда тины, возвысившейся къ организму животнаго. Голова у него мала и кругла; всѣ его члены грубы, круглы, безобразны и надуты; шея не поворотлива, какъ будто бы составляла часть головы; шерсть на шеѣ обращена противоположно къ шерсти на спинѣ, такъ какъ бы Природа образовала сіе животное въ двухъ направленіяхъ, будучи въ неизвѣстности, которое избрать; но наконецъ рѣшилась составить брюхо и задъ главными частями, у которыхъ презрительная голова, по положенію своему, по виду и по всему образу жизни животнаго, находится въ услуженіи. Рыло лежитъ у задницы; желудокъ и кишки наполняютъ всю внутренность; сердце, лёгкое и печень несовершенно образованы, а желчи, кажется, у него вовсе нѣтъ. Кровь его холодна почти какъ у земноводныхъ; и для того вырванное сердце и кишки долго еще бьются, а животное безъ сердца подергиваетъ ногами, какъ бы лежа въ дремотѣ. И здѣсь видимъ наблюдаемую Природою замѣняемость въ томъ, что гдѣ она не даетъ чувствительныхъ нервовъ и даже движимыхъ мускульныхъ силъ, тамъ болѣе и сильнѣе распространяетъ и сообщаетъ упругую раздражительность. А потому участь сего страннаго творенія можетъ быть отнюдь не такъ дурно, какъ

намъ кажется. Оно любитъ теплоту, любитъ вялый покой, и въ томъ и въ другомъ находитъ удовольствіе и тѣмъ самымъ уподобляется тинѣ. Если оно не имѣетъ теплоты, то спитъ. Животное сіе, какъ будто чувствуя боль отъ лежанія, вѣшается однимъ когтемъ на дерево, другимъ добываетъ пищу и, подобно висячему мѣшку, вкушаетъ въ тепломъ солнечномъ сіяніи жизнь, подобную жизни червя. Безобразіе ногъ есть для него также благодѣяніе. Мягкое животное, по причинѣ страннаго его строенія, опирается не на мякишѣ, а на наружной круглости копыта, подобно какъ на колесахъ воза, и такимъ образомъ тихо и медленно карабкается. Сорокъ шесть ребръ его (подобнаго числа никакое четвероногое животное не имѣетъ) составляютъ длинный сводъ его пищехранилища, и, такъ сказать, затвердѣвшія кольцы обжорнаго лиственнаго мѣшка гусеницы.

Довольно сихъ примѣровъ. Изъ оныхъ очевидно явствуетъ, какимъ образомъ должно составлять себѣ понятіе о душѣ или инстинктѣ животнаго, если будемъ слѣдовать физіологіи и опыту. Душа есть итогъ и послѣдствіе всѣхъ дѣйствующихъ въ организмѣ силъ; послѣдній инстинктъ — направленіе, данное Природою тѣмъ совокупнымъ

силамъ чрезъ то, что поставила ихъ въ такую, а не въ иную температуру, что образовала ихъ къ той, а не къ иной цѣли.

IV.

О побужденіяхъ животныхъ.

О побужденіяхъ животныхъ имѣемъ превосходную книгу покойнаго Реймара, которая останется вѣчнымъ памятникомъ постоянной и твердой его любви къ истинѣ. Послѣ ученыхъ въ величайшемъ порядкѣ изложенныхъ размышленій, о различныхъ родахъ побужденій животныхъ, онъ старается объяснить оныя превосходствомъ ихъ механизма, ихъ органовъ и внутреннихъ чувствъ; полагаетъ однако нужнымъ, особенно же при побужденіяхъ искуства, допустить еще особыя *опредѣлительныя естественныя силы* и *врожденныя естественныя способности*, которыя далѣе не терпятъ объясненія. Послѣднему я не вѣрю; ибо составленіе всей машины изъ тѣхъ, а не другихъ силъ, изъ тѣхъ, а не другихъ органовъ, воображеній и чувствъ, короче сказать, самое образованіе творенія было уже самымъ вѣрнымъ направленіемъ, самою совершенною опредѣлительностію, какую только Природа могла впечатлѣть въ своемъ произведеніи.

Когда Создатель устроивалъ растеніе и снабжалъ оное такими частями, такими притягательными и превращательными силами свѣта, воздуха и другихъ тонкихъ существъ, тѣснящихся къ оному изъ воздуха и воды; когда наконецъ насадилъ растеніе въ сродной ему стихіи, гдѣ всякая часть естественнымъ образомъ являетъ свойственныя ей силы: тогда, кажется, не было надобности придавать творенію еще новаго и слѣпаго побужденія къ прозябенію. Всякая часть со своею жизненною силою дѣлаетъ свое, и такъ при явленіи цѣлаго, открывается тотъ конецъ всѣхъ силъ, какой только при такомъ, а не при другомъ составѣ можетъ обнаруживаться. Дѣйствующія силы Природы всѣ живы, каждая въ своемъ родѣ; во внутренности ихъ должно быть нѣчто соотвѣтствующее наружнымъ ихъ дѣйствіямъ, какъ то утверждалъ и Лейбницъ и какъ вся наука сравненій, кажется, намъ доказываетъ. Если для сего внутренняго состоянія растенія, или для дѣйствующихъ въ низшихъ еще существахъ силъ не имѣемъ наименованія, то сему причиною недостатокъ нашего языка; ибо чувствительность происходитъ только отъ внутренняго состоянія, производимаго нервною системою. Впрочемъ можно въ растеніи допустить какое-

то темное подобіе съ чувственностію, а если бъ и того не было, то бы уже ни мало не научила насъ мысль о новомъ побужденіи, о прибавленной къ цѣлому силѣ прозябенія. Однако же должна быть общая сила, сохраняющая въ каждомъ единство.

Но приступимъ къ дѣлу: у растенія видны уже два естественныя побужденія — къ питанію и самопродолженію; послѣдствіемъ ихъ являются такія искуственныя произведенія, до коихъ едва ли достигнуть могутъ дѣйствія какого либо одушевленнаго искуственнаго насѣкомаго. Мы разумѣемъ тутъ зародышъ и цвѣтокъ. Коль скоро Природа переводитъ растенія или камни въ царство животныхъ, то яснѣе уже намъ показываетъ, что значатъ побужденія органическихъ силъ. Полипъ, кажется, цвѣтетъ подобно растенію, а вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ есть и животное; онъ добываетъ и вкушаетъ свою пищу какъ животное; производитъ ростки, и они суть одушевленныя животныя; возобновляется, гдѣ можетъ возобновляться — величайшее искуственное дѣло, какое только твореніе произвести въ состояніи! Что можетъ быть искуственнѣе улиткoвой раковины? Ячейка пчелы должна ей уступить; ткань гусеницы и шелковаго червя ниже искуства цвѣточка. И чѣмъ обработываетъ его При-

рода? внутренними органическими силами; кои, не бывъ еще раздѣлены въ члены, лежатъ въ клубѣ, и ихъ свитки по большей части, сообразно солнечному теченію, образуютъ сей правильный видъ. Онѣ часто производятъ къ тому основу внутри, такъ какъ паукъ испускаетъ тончайшую нить изъ своей задней части, и воздухъ пріобразовываетъ только болѣе жесткія, или грубѣйшія частицы. По моему мнѣнію, сіи переходы даютъ намъ достаточное понятіе, на чемъ основываются всѣ побужденія, даже искуснѣйшія самыхъ искуственныхъ животныхъ; а именно: на органическихъ силахъ, дѣйствующихъ въ той, а не въ другой смѣси, на тѣ, а не на другіе члены. Но съ большимъ ли или съ меньшимъ чувствомъ? сіе зависитъ отъ нервовъ каждаго творенія, сверхъ коихъ, есть еще движущіяся мускульныя силы и желѣзы, исполненныя растительной и возобновительной силы прозябенія. Сіи-то отъ нервовъ независящіе два рода силъ достаточно вознаграждаютъ твореніе за то, чего недостаетъ у него въ мозгу и въ нервахъ.

И такъ сама Природа открываетъ намъ искуственныя побужденія, кои мы привыкли приписывать преимущественно нѣкоторымъ насѣкомымъ: это происходитъ не отъ другой

причины, какъ только отъ той, что ихъ искуственныя произведенія болѣе бросаются въ глаза, и что мы можемъ уже сравнивать оныя съ нашими дѣйствіями. Чѣмъ болѣе въ какомъ твореніи разбросаны дѣйствующія орудія, чѣмъ живѣе и острѣе его раздраженія; тѣмъ менѣе кажутся намъ чудесными тѣ его дѣйствія, къ коимъ неспособны животныя грубѣйшаго строенія съ тупѣйшею раздражительностію отдѣльныхъ частей, сколь бы впрочемъ ни имѣли другихъ преимуществъ. Малость творенія и его тонкость именно способствуютъ искуству; ибо оно не можетъ быть инымъ чѣмъ, какъ послѣдствіемъ всѣхъ его чувствованій, дѣйствій и раздраженій.

Примѣры послужатъ и здѣсь къ наставленію. Усердное прилежаніе Шваммердама, Реомюра, Ліонета, Резеля и другихъ, представляли уже зрѣнію нашему таковые примѣры въ превосходнѣйшемъ видѣ. Что гусеница впутываетъ себя въ паутину, это тоже, что многія другія творенія дѣлаютъ неискуственно, перемѣняя свою кожу. Змѣя сбрасываетъ свою кожу, птица свои перья, многія земныя животныя перемѣняютъ шерсть: отъ того они молодѣютъ и возобновляютъ свои силы. Гусеница также младѣетъ, только жесточайшимъ, тончайшимъ,

искуственнѣйшимъ образомъ; она сдираетъ терновую свою одежду, при которой остаются висящими нѣкоторыя ея ноги, и, то медленными, то скорѣйшими переходами вступаетъ въ состояніе совсѣмъ новое. Силу къ тому заимствуетъ она отъ прежняго своего вѣка, когда какъ червь имѣла въ виду единственно питаніе; теперь должна она служить и къ плодотворенію, для продолженія своего рода; къ сему состоянію дѣйствуютъ ея кольцы и члены ея возраждаются. Затѣмъ Природа, образуя сіе твореніе, положила только дальшій промежутокъ между возрастомъ и побужденіями, и заставляетъ ихъ приготовляться органически особенными переходами, столь же для творенія непроизвольнымъ образомъ, какъ заставляетъ змѣю перемѣнять кожу.

Ткань паука есть не иное что, какъ продолжительность его самого, созданная для пріобрѣтенія добычи. Какъ полипъ простираетъ свои мышцы, чтобы достать пищу, какъ онъ же снабженъ когтями, чтобы держать оную, такъ и паукъ получилъ бородавки, между коими испускаетъ паутину для уловленія добычи. Онъ получаетъ сей сокъ на такое количество паутины, сколько оному нужно на всю жизнь; буде же въ томъ несчастливъ, то долженъ или прибѣгнуть

къ насильственнымъ средствамъ, или умереть. Тотъ, кто образовалъ все его тѣло и принадлежащія къ оному силы, образовалъ его и къ сей пряди органически.

Общество пчелъ показываетъ тоже самое: различные ихъ роды образованы каждый по своему назначенію, и живутъ обществами для того, что онѣ другъ безъ друга не могли бы существовать. Рабочія пчелы образованы къ медонакопленію и къ строенію ячеекъ. Онѣ накопляютъ медъ такъ, какъ и всякое животное ищетъ своей пищи, и если образъ ихъ жизни того требуетъ, то собираютъ и учреждаютъ запасы. Онѣ строятъ коморочки такъ, какъ и многія другія животныя строятъ себѣ жилища, всякое своимъ образомъ. Будучи безъ пола, они питаютъ молодыхъ пчелъ улья, такъ какъ и другія питаютъ своихъ дѣтей; умерщвляютъ же трутней, такъ какъ всякое животное умерщвляетъ другое, похищающее его запасъ и бывающее въ тягость для его дома. Все сіе не можетъ конечно совершиться безъ органа и чувства, но они остаются всегда только пчелинымъ органомъ, пчелинымъ чувствомъ, хотя впрочемъ отнюдь не тѣмъ простымъ механизмомъ, который находилъ въ нихъ Бюффонъ, ниже тѣмъ раскрытымъ математико-политическимъ умомъ, вымышлен-

нымъ другими изслѣдователями Природы. Душа ихъ заключена въ семъ организмѣ, и съ нимъ тѣсно сплетена. Она дѣйствуетъ, по соразмѣрности организма, искусно, тонко, но ограниченно и въ кругу весьма маломъ. Улей есть ихъ міръ, и въ немъ Творецъ еще трикратнымъ образованіемъ троекратно раздѣлилъ ихъ занятія.

Если у нѣкоторыхъ твореній примѣчаемъ сіе органическое искуство тотчасъ по ихъ рожденіи, то готовность таковая, или умѣніе, ничего не доказываетъ. Наша готовность и умѣніе происходятъ отъ Науки, упражненія, привычки; ихъ умѣніе не такъ. Коль скоро ихъ организмъ довершенъ образованіемъ, то и силы ихъ уже въ полной игрѣ. Что на свѣтѣ снабжено большею готовностію къ своему дѣлу, какъ падающій камень? какъ цвѣтущее растеніе? Первый падаетъ, послѣднее цвѣтетъ по своей натурѣ. Кристаллъ садится съ бо́льшею вѣрностію, нежели пчела строитъ, паукъ прядетъ. Дѣйствіе первыхъ есть еще органическое, простое, слѣпое побужденіе, которое никогда не погрѣшаетъ; дѣйствія же послѣднихъ есть употребленіе разныхъ орудій, а сіи подвержены погрѣшностямъ. Здравое, могущественное согласное дѣйствіе ихъ къ одной цѣли составляетъ готовую способ-

ность творенія, являющуюся въ одно время съ довершеніемъ его организма.

И такъ видимъ, для чего, чѣмъ выше степень творенія, тѣмъ болѣе уменьшаются у него безпрерывныя побужденія и непогрѣшимыя способности. Чѣмъ болѣе то одно органическое начало Природы (которое называемъ то образовательнымъ, то производительнымъ, то чувствительнымъ, то искуственно-строительнымъ, въ самомъ же дѣлѣ есть одна и та же органическая сила); чѣмъ болѣе, говорю, сія органическая сила раздѣлена въ разныя орудія и члены; чѣмъ болѣе она въ каждомъ изъ нихъ имѣетъ особый міръ, и слѣдственно подвержена особеннымъ препятствіямъ и погрѣшностямъ: тѣмъ слабѣе становится побужденіе, тѣмъ болѣе оно приходитъ подъ власть произвольности, а вмѣстѣ и погрѣшностей. Различныя чувствованія должны быть взаимно взвѣшены, а послѣ уже соединены вмѣстѣ: затѣмъ прощай увлекающій инстинктъ, непогрѣшимый провожатый! Темное раздраженіе, которое въ извѣстномъ кругу, отдѣльно отъ всѣхъ другихъ, заключаетъ въ себѣ родъ всевѣдѣнія и всемогущества, раздѣлено теперь въ сучья и вѣтви. Способное къ ученію твореніе должно учиться для того, что меньше знаетъ отъ Природы; оно дол-

жно упражняться для того, что менѣе отъ Природы умѣетъ: но возвышенiемъ, утонченiемъ и раздѣленiемъ силъ получило оно также новыя средства дѣятельности, разныя благороднѣйшiя орудiя соображать, сравнивать чувствованiя и выбирать лучшiя. Чего недостаетъ у него въ средоточiи побужденiй, то вознаграждено дальнѣйшимъ распространенiемъ и согласiемъ частей, способностiю къ благороднѣйшему самочувствiю, къ свободнѣйшему и многообразнѣйшему употребленiю всѣхъ своихъ силъ и членовъ; а все сiе для того, что, если мнѣ позволено сказать, его органическая душа своими орудiями многообразнѣе и благороднѣе раздѣлена. Разсмотримъ нѣкоторые чудесные, изящные и мудрые законы сего постепеннаго образованiя творенiй, какимъ образомъ Создатель шагъ за шагомъ прiучаетъ ихъ болѣе къ связи разныхъ понятiй и чувствованiй, равно какъ къ особенному свободному употребленiю разныхъ чувственныхъ орудiй и членовъ.

V.

Продолженiе устроенiя творенiй къ связи разныхъ понятiй и къ особенному свободному употребленiю чувственныхъ орудiй и членовъ.

1. Въ подземной, безмолвной Природѣ все еще находится въ темномъ, но могущественномъ побужденiи. Части тѣснятся вкупѣ внутренними силами; всякое творенiе ищетъ вида и образуется. Въ семъ побужденiи все еще сокрыто; оно однако и проницаетъ все существо, не разрушая ничего. Малѣйшiя части кристалла и соли, суть кристаллы и соли; ихъ образовательная сила дѣйствуетъ столько же въ частицѣ, сколько и въ цѣломъ, нераздѣльно снаружи, снутри, неразрушимо.

2. Въ царствѣ растенiй то единообразiе начинаетъ измѣняться. Растенiе раздѣлено на трубочки и другiя части; его побужденiе начинаетъ принимать по симъ частямъ разнообразiе, хотя въ цѣломъ дѣйствуетъ еще однородно. Корень стволовъ и вѣтви сосутъ, но сосутъ различнымъ образомъ и различными способами всасываютъ разныя вещества. Сими дѣйствiями общее побужденiе испытываетъ измѣненiе, въ цѣломъ однако остается еще одно и то же; ибо

плодотворность прозябенія есть только цвѣточная осадка растительной силы; оба побужденія сіи по свойству творенія еще нераздѣльны.

3. Въ животнорастительномъ твореніи, Природа непримѣтно начинаетъ раздѣлять частныя орудія, а вмѣстѣ и пребывающія въ нихъ силы; пищепріемныя орудія становятся примѣтными. Плодъ уже растворяется во чревѣ матери, хотя въ ономъ питается еще какъ растеніе. Многіе полипы возникаютъ отъ одного ствола. Природа прикрѣпила ихъ къ мѣсту и освободила еще отъ собственнаго движенія: и улитка имѣетъ еще широкую ногу, коею прицѣплена къ своему дому. Чувственные органы сихъ твореній еще большею частію нераздѣльны и погружены въ темную между собою перепутанность; ихъ побужденіе дѣйствуетъ медленно и внутренно; сочетаніе улитки продолжается нѣсколько дней. Такъ Природа избавила сколько возможно сіи начатки одушевленнаго организма отъ многосложности, но за то многосложное облечено у нихъ болѣе темнымъ, единообразнымъ движеніемъ и связано крѣпче. Тугая жизнь улитки почти неразрушима.

4. Возвышая организмъ отъ растеніеживотныхъ къ самодвижущимся одушевленнымъ

твореніямъ, Природа продолжаетъ еще наблюдать постепенную осторожность, пріучая твореніе только исподоволь къ многосложнымъ раздѣленнымъ орудіямъ и побужденіямъ. Насѣкомое не могло вдругъ произвести того, что произвести слѣдовало; оно должно перемѣнить свой образъ и свое существо, дабы слѣдовать, то въ видѣ червяка, побужденію питанія, то въ видѣ бабочки, побужденію плодородія; ибо въ одномъ видѣ оно не было способно къ обоимъ побужденіямъ. Одинъ родъ пчелъ не могъ произвести всего, чего требуютъ прокормленіе и продолженіе его племени; для того Природа раздѣлила оное, учинивъ однихъ работниками, другихъ продолжителями рода, третьихъ родильницами; все сіе произведено посредствомъ малаго въ организмѣ измѣненія, которое даетъ силамъ цѣлаго творенія другое направленіе. Чего нельзя было произвести въ одной формѣ, то расположено раздѣльно въ трехъ формахъ, другъ другу принадлежащихъ. Природа научаетъ пчелу пчелиному ея дѣлу въ трехъ видахъ, точно такъ, какъ научаетъ бабочку и другихъ насѣкомыхъ предназначенному имъ дѣлу въ двухъ различныхъ образахъ.

5. Чѣмъ болѣе Природа возвышаетъ организмъ, чѣмъ болѣе она вводитъ употребленіе разныхъ органовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и

произвольности, тѣмъ болѣе откидываетъ она ненужные члены, и образуетъ тѣлостроеніе проще, какъ внутри, такъ и снаружи. Съ кожею червяка сходятъ и ноги, кои бабочкѣ болѣе не нужны. Великое число ногъ у насѣкомыхъ, различныя ихъ орудія зрѣнія, ихъ рожки и другіе разнаго рода снаряды не обрѣтаются уже у твореній высшаго рода. Первыя имѣютъ мало мозгу: онъ лежитъ у нихъ вдоль по спинѣ, и всякій нервный узелъ есть новымъ средоточіемъ чувственности. Затѣмъ духъ малообразнаго, искуственнаго творенія размѣщенъ по всему существу. Чѣмъ твореніе должно быть обильнѣе произвольностію и умоподобіемъ, тѣмъ голова у него становится больше и богаче мозгомъ; три главныя части тѣла вступаютъ между собою въ бо́льшую соразмѣрность, между тѣмъ какъ таковой вовсе нѣтъ у насѣкомыхъ, червей и проч. Съ какими большими и уродливыми хвостами земноводные ползаютъ по землѣ! ноги ихъ какъ нестройно раздвинуты! Въ земныхъ же животныхъ Природа возвышаетъ твореніе; ноги становятся выше, и болѣе сближаются. Хвостъ съ своими продолжающимися позвонками спины становится тонѣе и короче. Онъ теряетъ грубыя мускульныя силы крокодила и дѣлается гибче, тонѣе, пока у благороднѣйшихъ живот-

ныхъ перемѣняется въ волосяной кончикъ. Напослѣдокъ Природа, приближаясь въ твореніяхъ къ образу прямостоящему, совсѣмъ покидаетъ хвостъ. Мозгъ сего члена направила она выше, и обратила на части благороднѣйшія.

6. Въ органическихъ земныхъ животныхъ видимъ уже совершеннѣйшія созданія; роды ихъ одинъ противъ другаго благоустроеннѣе и способнѣе связывать, соединять и направлять къ одной метѣ нѣсколько чувствованій и мыслей, способнѣе къ свободному употребленію о́ргановъ и членовъ. Такимъ образомъ истощивъ всѣ возможныя формы на землѣ, образующая Художница постепенно возносится и наконецъ восходитъ къ организаціи рода человѣческаго, которая въ сей сферѣ есть самая высшая. Какія несчетныя формы изъ одного общаго образа! Какая постепенность въ ихъ измѣненіяхъ! Одна другой благороднѣе и переходы едва примѣтны: такъ тѣсно всякое звено связано съ другимъ въ цѣпи безпрерывной. Уже ли все сіе есть только произвольная игра? Когда во всякомъ животномъ части онаго находятся въ самой строгой между собою соразмѣрности, сообразно степени, на которой оно находится; когда строеніе и способности онаго принаровлены къ его

свойствамъ и нуждамъ, такъ, что у одного обоняніе, у другаго зрѣніе, у того слухъ, осязаніе и вкусъ есть господствующимъ чувствомъ; когда каждый родъ имѣетъ свой климатъ, свое время къ сочетанію и плодородію, свой ходъ, свои способности, сообразно нуждамъ; когда доселѣ ни одинъ родъ не измѣнилъ своей породѣ; когда на всякомъ шагу въ безчисленныхъ предметахъ оказывается высочайшая мудрость и совершенное соотвѣтствіе: то можемъ ли хотя на одно мгновеніе отвергнуть обдуманную цѣль въ видимой цѣпи постепеннаго организма? Нѣтъ. — Мы въ ней видимъ предвѣчные, непремѣнные законы, удостовѣреніе, что по симъ же законамъ Природа преисполнена разнообразіемъ, что съ каждымъ шагомъ измѣняясь, возвышается къ бо́льшему совершенству, что въ земномъ организмѣ, начиная отъ предметовъ самыхъ грубыхъ, она постепенными переходами возвышается къ благороднѣйшимъ, что всѣ творенія здѣсь болѣе или менѣе подобны человѣку, и чѣмъ твореніе благоустроеннѣе, тѣмъ болѣе имѣетъ съ нами сходства. Человѣку открытъ постепенный рядъ организмовъ, но начало и конецъ того ряда предъ нимъ сокрыты. Однако онъ уже видитъ много; видитъ себя образцемъ, сре-

доточіемъ — видитъ себя на краю.... Тщетно ли ему дано сіе величественнѣйшее, исполненное чудесъ зрѣлище? Какое поле размышленій и догадокъ! Человѣкъ видитъ, даже по самымъ простымъ отношеніямъ, какъ Природа воспитываетъ всякое одушевленное твореніе, сообразно объемлемости его организма и усильно пріучаетъ оное къ дѣятельности, мышленію и добродѣтелямъ. Она предшествуетъ ему своею промыслительностью, вмѣщая силы онаго въ такомъ, а не въ другомъ организмѣ, принуждая твореніе въ семъ организмѣ видѣть, желать, дѣйствовать такъ, какъ она предумыслила и опредѣляя оному въ границахъ сего же организма нужды, силы и мѣсто.

Нѣтъ въ человѣческомъ сердцѣ добродѣтели и побужденія, коимъ подобія не нашлось бы тамъ или сямъ въ области животныхъ, и къ коимъ образовательная Природа органически не пріучила бы животнаго. Оно должно пещись о себѣ, должно учиться любить своихъ; нужда и время года принуждаютъ его вступить въ общество себѣ подобныхъ, хотя только для товарищескаго странствія. Одно твореніе принуждается къ тому побужденіемъ любви, у другаго потребность сія производитъ даже союзъ брачный, родъ республики, общественный

порядокъ. Сколь темно ни происходитъ все сіе, сколь кратковременны ни бываютъ нѣкоторыя сего рода явленія: но всегда впечатлѣніе оныхъ существуетъ въ натурѣ животнаго, и мы видимъ, что оно существуетъ весьма сильно, что оно паки возобновляется, что оно въ томъ твореніи неотвергаемо, неизгладимо. Чѣмъ темнѣе, тѣмъ ретивѣе все дѣйствуетъ; чѣмъ менѣе творенія связываютъ мысли, чѣмъ рѣже ихъ побужденія, тѣмъ сильнѣе бываютъ тѣ побужденія, тѣмъ полнѣе дѣйствуютъ. И такъ въ упражненіяхъ животныхъ представляются всюду образцы человѣческихъ дѣйствій; и если, видя предъ собою нервное ихъ строеніе, подобный намъ составъ ихъ, подобныя нужды и нравы, мы при всемъ томъ хотимъ почитать машинами: то чинимъ самый непростительный противъ Природы грѣхъ.

Затѣмъ неудивительно, что чѣмъ какой родъ животныхъ имѣетъ болѣе сходства съ человѣкомъ, тѣмъ болѣе уменьшается у него механическое искусство; ибо очевидно, что таковый родъ животныхъ состоитъ уже въ предуготовительномъ кругу образованія человѣческихъ мыслей. Бобръ, будучи еще водною крысою, строитъ искусно. Лисица, хомякъ и подобныя животныя имѣютъ свои подземныя искусственныя заведе-

нія. Собака, конь, верблюдъ, слонъ не нуждаются болѣе въ сихъ мелочныхъ искусствахъ; они имѣютъ нѣкоторымъ образомъ человѣкоподобныя мысли, и понуждаемые образовательною Природою, чувствуютъ уже нѣкоторыя побужденія, подобныя человѣческимъ.

VI.

Органическая разность между безсловесными животными и человѣкомъ.

Разсматривая человѣка по одной наружности, находимъ уже между нимъ и прочими земнородными животными чрезвычайную разность и въ порокахъ, и въ добродѣтели, и въ тѣлостроеніи. Ни одно животное не пожираетъ себѣ подобнаго изъ прихоти; ни одно животное хладнокровно не умерщвляетъ своихъ единоплеменниковъ; но также ни одно животное не имѣетъ подобно человѣку и дара слова, еще менѣе письма, преданія, религіи, свободныхъ законовъ и правъ. Ни одно животное не имѣетъ умственнаго образованія, одежды, жилища, искуствъ, неопредѣленнаго образа жизни, неограниченныхъ побужденій, лестныхъ о себѣ

мнѣній, коими каждый почти человѣкъ отличается.

Человѣкъ стоитъ прямо на ногахъ; видъ сей свойственъ ему одному на землѣ. Хотя же медвѣдь имѣетъ широкую лапу, и въ борьбѣ становится на заднія лапы; хотя обезьяна и пигмей ходятъ или бѣгаютъ иногда прямо; со всѣмъ тѣмъ, они принимаютъ сіе положеніе только случайно, кратковременно, а у человѣка оно есть естественное, всегдашнее. У него ступня крѣпче и шире; большой палецъ длиннѣе прочихъ, чего нѣтъ у обезьяны; пятка стянута съ подошвою. Къ сему положенію устроены дѣйствующіе на то мускулы; икры увеличены; нижняя часть брюха подается назадъ; лядвеи раздвинуты; спина прямѣе; грудь шире; онъ имѣетъ ключеобразныя кости подъ шеею, имѣетъ плеча, на рукахъ же остро-осязающіе пальцы; наклоненная на шейныхъ мускулахъ голова возвышена короною надъ тѣлостроеніемъ; человѣкъ есть ανθρωπος, существо зрящее надъ собою, далеко около себя. Прямое хожденіе человѣка сродно единственно ему; оно установлено соотвѣтственно цѣлому назначенію его рода, и составляетъ отличительный его характеръ. Нѣтъ еще примѣра, чтобы нашли гдѣ либо народъ четвероногій. Самые

даже дикіе ходятъ прямо, хотя впрочемъ нѣкоторые изъ нихъ довольно привычками и образомъ жизни еще весьма близки къ безсловеснымъ животнымъ. Безчувственныя Діодоровы и прочія баснословныя творенія Писателей древнихъ и среднихъ вѣковъ ходятъ на двухъ ногахъ.

Въ семъ образѣ, въ сей божественной на землѣ красотѣ, сходятся кажется, и всѣ формы живущихъ на земли твореній; безъ царства человѣчества, земля лишилась бы воего украшенія и владычественнаго вѣнца. Когда образовательная Природа совершила свои дѣла и истощила всѣ формы, возможныя на сей землѣ, она, такъ сказать, остановясь, разсматривала свои созданія, и увидя, что, при всемъ томъ, землѣ недостаетъ преимущественнѣйшаго ея украшенія, владѣтеля и подражателя Творцу, она посовѣтовалась сама съ собою, стѣснила вкупѣ всѣ образы и составила изъ всѣхъ ея главныхъ образовъ человѣческую красоту. Матерински простерла она къ послѣднему искуственному творенію свою десницу и вѣщала: „возстань изъ праха! оставленный самому себѣ, ты былъ бы такимъ же животнымъ, какъ и прочія животныя; но, по особенному моему благоволенію и любви, иди прямо и будь царемъ прочихъ животныхъ.“

Остановимся съ благодарнымъ созерцаніемъ при семъ священномъ, искуственномъ произведеніи, при семъ благотвореніи, коимъ родъ нашъ созданъ родомъ человѣческимъ; разсмотримъ съ удивленіемъ, какая новая организація силъ началась въ прямостоящемъ человѣкѣ, и какъ единственно чрезъ то отличительное свойство человѣкъ учинился человѣкомъ.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

I.

Человѣкъ устроенъ къ способности ума.

Оранг-утангъ внутри и снаружи похожъ на человѣка. Мозгъ его имѣетъ видъ нашего; у него грудь широкая, плеча плоскія, лице и головный черепъ подобныя человѣческимъ; сердце, лёгкое, печень, селезенка, желудокъ, кишки — какъ у человѣка. Тиссотъ описалъ болѣе 48 частей, коими сіе твореніе болѣе подобно нашему племени, нежели родамъ обезьянъ; повѣствуемыя занятія его, самыя его дурачества, пороки, а можетъ быть, даже періодическая болѣзнь, дѣлаютъ его подобнымъ человѣку.

Конечно и въ его внутренности, въ дѣйствіяхъ его души должно также быть нѣчто человѣку подобное; и нѣкоторые мудрецы, полагая его въ число малыхъ искусныхъ твореній, погрѣшили, какъ мнѣ кажется, противу правилъ сравненія. Бобръ

строитъ, но, по слѣпому влеченію Природы; къ тому устроена вся его машина; болѣе ничего онъ не умѣетъ; онъ неспособенъ къ обхожденію съ людьми, къ участвованію въ нашихъ мысляхъ и страстяхъ. Напротивъ того, обезьяна не имѣетъ уже опредѣлительнаго инстинкта; образъ мыслей ея близокъ къ предѣлу ума, къ предѣлу переимчивости. Она все перенимаетъ, и слѣдовательно должна быть способною къ безчисленнымъ въ мозгу своемъ соображеніямъ мысленныхъ впечатлѣній, какихъ никакое другое животное не имѣетъ. Ни мудрый слонъ, ни способный къ ученію пёсъ не можетъ дѣлать того, что она дѣлаетъ. Она ищетъ усовершенствованія, но не успѣваетъ; предъ нею заперта дверь. Присоединеніе чужихъ мыслей къ своимъ и вмѣстѣ съ тѣмъ присвоеніе перенятаго себѣ, есть для ея мозгу дѣло невозможное. Обезьяна самка, которую описывалъ Бонціусъ, имѣла стыдливость и прикрывалась, когда чужой приходилъ; она вздыхала, плакала и, казалось, исправляла нѣкоторыя дѣла человѣческія. Обезьяны, описанныя Бателемъ, выходили обществами въ поле, вооружались палками и выгоняли слоновъ изъ своихъ округовъ; онѣ нападали на Негровъ и садились у ихъ огня, не имѣя однако разсудка поддерживать оный. Обезьяна де ла-Бросса садилась къ столу, употребляла ножъ и вилку, сердилась, грустила, и оказывала всѣ человѣческія побужденія. Любовь матери къ дѣтямъ, воспитаніе и обученіе ихъ обезьянскимъ уловкамъ и лукавствамъ, порядокъ въ ихъ обществахъ и походахъ, наказанія, совершаемыя ими надъ своими, такъ сказать, государственными преступниками, самыя ихъ забавныя хитрости и злости, все то, при прочихъ многочисленныхъ ихъ свойствахъ, достовѣрно извѣстныхъ, доказываетъ, что онѣ внутренно столько же подобны человѣку, какъ и снаружи. Тщетно Бюффонъ истощаетъ свое краснорѣчіе, отрицая единообразіе организма во внутренности и въ наружности сихъ животныхъ. Событія, самимъ имъ объ нихъ собранныя, довольно его опровергаютъ, и единообразіе организма Природы внутри и снаружи, если оный съ точностію опредѣлить, остается во всѣхъ одушевленныхъ твореніяхъ, явнымъ и несомнительнымъ.

Чего же недостаетъ у сего человѣкоподобнаго творенія, чтобы быть человѣкомъ? Можетъ быть, слова? Надъ многими прилагаемо было стараніе къ ихъ воспитанію, и если бъ они имѣли къ тому способность, то, перенимая все, онѣ конечно прежде всего переняли бы употребленіе слова, не дожидаясь никакого наставленія. Или, можетъ

быть, сей недостатокъ заключается въ ихъ органахъ? Также нѣтъ; ибо хотя и могутъ онѣ иногда понимать содержаніе человѣческихъ словъ, совсѣмъ тѣмъ еще ни одна обезьяна, всегда еще коверкаясь, не пріобрѣла возможности разговаривать пантомимами съ своимъ господиномъ, и объясняться по человѣчески посредствомъ движеній. Затѣмъ конечно должно быть нѣчто другое, затворяющее грустному творенію двери къ разуму человѣческому, оставляя ему, можетъ быть, нѣкоторое унылое, темное чувство, быть такъ близкимъ къ предмету и къ оному не принадлежать.

Какое же то нѣчто? Странно, что по разбору членовъ, почти вся разность заключается, какъ кажется, только въ частяхъ принадлежащихъ къ хожденію. Обезьяна образована довольно къ тому, чтобы ходить нѣсколько прямо, а потому она болѣе, нежели прочія животныя, подобна человѣку; но она не совсѣмъ къ тому устроена, и сія-то разность, кажется, всего ее лишаетъ. Послѣдуемъ за симъ примѣчаніемъ, и сама Природа наведетъ насъ на тѣ пути, по которымъ надлежитъ искать первоначальнаго расположенія къ отличительному достоинству человѣка.

Оранг-утангъ имѣетъ длинныя мышцы, большія руки, короткія бедра, большія ноги съ длинными пальцами; на рукахъ и на ногахъ большіе пальцы малы: для того Бюффонъ, и прежде его Тиссотъ, называли сей родъ обезьянъ четвероручнымъ; и сему творенію, по малости тѣхъ членовъ, явно недостаетъ опоры къ плотному на подобіе человѣка стоянію на ногахъ. Задняя его часть худощава, колѣна шире, и не такъ глубоки, какъ у человѣка; мускулы, приводящіе колѣна въ движеніе, лежатъ у него глубже къ лядвейной кости: для того-то не можетъ онъ стоять совершенно прямо, но стоитъ всегда съ согнутыми колѣнами. Головка лядвейной кости виситъ въ своей чашкѣ безъ связки; кости нижней части брюха стоятъ какъ у четвероногихъ животныхъ; послѣдніе пять шейныхъ позвонковъ имѣютъ длинные, острые отростки, мѣшающіе повороту головы; онъ никакъ не созданъ къ прямому стоянію, и происходящія отъ того послѣдствія ужасны. Шея у него становится короткою, ключицы подъ нею длинны такъ, что голова кажется воткнутою между плечами. Затѣмъ передняя часть его становится большею, онъ получаетъ выпуклыя челюсти, плоскій носъ; глаза лежатъ близко другъ возлѣ друга; зѣница ока такъ мала,

что не видно бѣлка около зрачка. Напротивъ, ротъ великъ, брюхо толстое, грудь длинна, спина какъ бы горбата, уши подняты вверхъ, какъ у прочихъ животныхъ; глазныя ямы весьма между собою сближены; составныя плоскости головы находятся не въ срединѣ главной ея плоскости, какъ у человѣка, но позади, какъ у скота. Верхняя челюсть выдается впередъ, и вставная особенная междучелюстная кость есть послѣднiй покрой человѣческаго лица. И такъ по сему образованiю головы, снизу впередъ, сзади далѣе, по сему положенiю ея на шеѣ, по всей чертѣ спинной дуги, остается обезьяна всегда лишь скотомъ, сколь впрочемъ ни кажется подобною человѣку.

Дабы приготовить насъ къ сему заключенiю, то обратимъ вниманiе на тѣ человѣческiя лица, кои издалека кажутся близкими къ лицамъ скотовъ. Что дѣлаетъ ихъ скотообразными? Что даетъ имъ сей унизительный, грубый видъ? Подающаяся впередъ челюсть, подвигнутая назадъ голова, кратко, нѣкоторое сходство съ образованiемъ къ четвероножному ходу. Коль скоро измѣняется средоточiе тяжести, на которомъ почиваетъ человѣческiй черепъ въ возвышенныхъ своихъ сводахъ, то голова кажется прикрѣпленною къ спинѣ, зубы

и ротъ выступаютъ впередъ, носъ расширяется и расширяется скотообразно. Выше сближаются впадины глазъ, лобъ подается назадъ и получаетъ съ обѣихъ сторонъ бездушный отпечатокъ черепа обезьяны. Голова вверху и внизу дѣлается острою; впадина мозговаго черепа получаетъ меньшее пространство, — а все сiе для того, что въ передвинутомъ видѣ представляется направленiе формы, сiе красивое, свободное образованiе головы къ прямому ходу человѣка.

Содвиньте сiе средоточiе тяжести на другое мѣсто, и все образованiе содѣлается красивымъ, благороднымъ. Чело выступаетъ впередъ, открывая богатый даръ мыслей, и своды черепа образуются съ возвышеннымъ спокойнымъ достоинствомъ. Широкiй скотообразный носъ стягивается и образуется выше и тонѣе; назадъ подавшiйся ротъ можетъ красивѣе быть покрытымъ; и такъ образуются уста у человѣка, коихъ нѣтъ у самой умной обезьяны. Затѣмъ нисходитъ подбородокъ, дабы округлить прекраснѣйшiй ниспадающiй овалъ; къ тому присоединяются ланиты; око созерцаетъ изъ подъ выступающаго впередъ чела, какъ бы изъ священнаго храма благомыслiя. Отъ чего все сiе? — отъ устроенiя

головы къ прямостоянію, отъ внутренняго и внѣшняго образованія ея на средоточіи тяжести. Кто въ томъ сомнѣвается, тотъ пусть разсматриваетъ черепы человѣковъ и обезьянъ, и тогда не останется ему и тѣни сомнѣнія.

Всѣ внѣшнія формы Природы представляютъ ея внутреннія произведенія. И такъ, великая матерь! приближаемся къ Святому Святыхъ твоего земнаго созданія, къ орудіямъ человѣческаго ума.

* 8

*

Много прилагали старанія въ сравниваніи мозга человѣческаго съ составомъ мозга другихъ животныхъ, съ его количествомъ и вѣсомъ, и на сей конецъ взвѣшивали и мозгъ и животное; но сей способъ не можетъ вести насъ къ истиннымъ заключеніямъ; ибо:

1. Одна отрасль предметовъ сравненія, и именно масса тѣла, слишкомъ неопредѣлительна, и не представляетъ ясной пропорціи въ отношеніи къ мозгу, другой съ большею точностію опредѣленной отрасли. Сколь разнородны вещи, составляющія вѣсъ тѣла! Сколь различны могутъ быть и соотношенія, поставленныя между ими Природою! Она умѣла

тяжеловѣсному тѣлу слона, самой огромной головѣ его, дать посредствомъ воздуха легкость, и, не смотря на умѣренное количество его мозга, онъ однако есть мудрѣйшее изъ безсловесныхъ животныхъ. Что болѣе въ тѣлѣ животнаго имѣетъ вѣсу? кости; а мозгъ не имѣетъ никакого безпосредственнаго съ оными соотношенія.

2. Много зависитъ неоспоримо отъ того, къ чему гдѣ мозгъ служитъ для тѣла, куда и на какое употребленіе распростираетъ онъ свои нервы. И такъ сравненіе вѣса между составами мозговымъ и нервнымъ, хотя и открыло бы нѣкоторое тончайшее между ними соотношеніе, однако не совсѣмъ ясное; ибо вѣсъ обоихъ не показываетъ ни тонкости нервовъ, ни назначенія ихъ путей.

3. Гдѣ же наконецъ лежитъ вся сила? Въ чистѣйшей отдѣлкѣ, въ соразмѣрномъ расположеніи частей, и, какъ кажется, наиболѣе въ устроеніи пространнаго и свободнаго сборнаго мѣста. Тамъ-то лежитъ вся сила связывать впечатлѣнія и ощущенія всѣхъ нервовъ съ большею крѣпостію, съ совершенною истиною, а напослѣдокъ также съ свободнѣйшею игрою разнообразія; тамъ лежитъ сила, которая совокупляетъ все то въ Божественное единое, называемое мыслію.

А потому величина мозга сама собою ничего нам не доказываетъ.

Со всѣмъ тѣмъ однако упомянутые расчетливые опыты драгоцѣнны, представляя хотя несовершенныя, но по крайней мѣрѣ весьма поучительныя и далѣе ведущія заключенія, изъ коихъ я осмѣливаюсь упомянуть о нѣкоторыхъ, дабы и здѣсь показать, какъ Природа вездѣ одинакимъ образомъ продолжаетъ постепенно восходящій путь свой.

1. Въ меньшихъ животныхъ, коихъ кругообращеніе и органическая теплота еще несовершенны, мозгу меньше и нервовъ менѣе. Природа вознаградила ихъ, какъ нами уже замѣчено, за недостающую у нихъ чувствительность, ретивымъ, или тонко распредѣленнымъ раздраженіемъ. Ибо, вѣроятно, организмъ сихъ твореній не могъ ни произвесть, ни снести бо́льшаго мозгу.

2. У животныхъ теплѣйшей крови возрастаетъ масса мозгу также по мѣрѣ того, какъ возрастаетъ ихъ искуственнѣйшее образованіе; тутъ являются еще и другія обстоятельства, кои, кажется, особенно опредѣляютъ соотношеніе между нервными и мускульными силами. У хищныхъ звѣрей мозгъ меньше; у нихъ господствуютъ мускульныя силы, и даже нервы ихъ суть большею частію служителями оныхъ и раздраже-

нія плоти. У животныхъ травопитательныхъ и спокойнѣйшихъ мозгъ становится больше, хотя, кажется, оный и у нихъ еще большею частію расходится по нервамъ чувствъ. Птицы имѣютъ много мозгу; ибо онѣ въ своей хладнѣйшей стихіи должны имѣть теплѣйшую кровь; также обращеніе оной скоротечнѣе, въ ихъ по большей части маломъ тѣлѣ. Такимъ образомъ у влюбчиваго воробья мозгъ наполняетъ всю голову и составляетъ пятую часть вѣса всего тѣла.

3. У молодыхъ твореній мозгъ больше, нежели у взрослыхъ, явно для того, что оный жиже и нѣжнѣе, слѣдственно занимаетъ большее мѣсто, однако не имѣетъ большаго вѣса. Въ немъ содержится еще запасъ того нѣжнаго намащенія ко всѣмъ жизненнымъ исправленіямъ и внутреннимъ дѣйствіямъ, коими молодое твореніе должно въ молодыя лѣта образовать себѣ способности, и слѣдственно много на то издерживать. Съ лѣтами дѣлается оный суше и крѣпче; ибо способности уже образованы и человѣкъ, такъ какъ и животное, неспособны болѣе къ столь легкимъ, столь веселымъ и столь быстрымъ впечатлѣніямъ. Короче сказать, величина мозга у творенія, кажется хотя необходимымъ соусловіемъ, однако не единственнымъ, не главнымъ условіемъ къ

большей способности и дѣятельности ума. Между всѣми твореніями человѣкъ, какъ сіе было извѣстно уже и древнимъ, имѣетъ въ соразмѣрности самый большой мозгъ, въ чемъ однако обезьяна ему не уступаетъ: предъ лошадью имѣетъ въ томъ превосходство оселъ.

* *
*

И такъ для физіологическаго произведенія чистѣйшей силы мысленія въ твореніи, нужно, чтобы къ величинѣ мозга присоединилось еще что либо другое. По отверзаемому Природою предъ нашими очами постепенному ряду организацій, можетъ ли сіе быть иное что, какъ не самое устроеніе мозга, совершеннѣйшая отдѣлка его частей и соковъ, наконецъ превосходнѣйшее его положеніе и соразмѣрность къ воспріятію душевныхъ чувствованій и понятій въ счастливѣйшей жизненной теплотѣ. Раскроемъ въ книгѣ Природы тончайшіе листы, коимъ подобные едва ли она для насъ гдѣ начертала; раскроемъ, говорю, самыя мозговыя скрижали. Поелику же во всякомъ одушевленномъ животномъ голова есть главный предводитель, средоточіе душевныхъ силъ:

то въ головѣ и поищемъ мыслей Природы; тамъ хранилище ея таинствъ.

1. Въ тѣхъ твореніяхъ, у коихъ мозгъ едва начинаетъ образоваться, онъ еще весьма простъ; похожъ на почку, или пару почекъ, продолжающихся по спинѣ мозговаго тука и проводящихъ нервы только къ нужнѣйшимъ органамъ. У рыбъ и птицъ (кои, по замѣчанію Виллиса, имѣютъ во всемъ строеніи мозга между собою сходство) число возвышеній прибавляется до пяти и болѣе, кои также яснѣе между собою раздѣляются. Наконецъ, въ твореніяхъ теплѣйшей крови малый мозгъ примѣтно отдѣляется отъ большаго; крылья послѣдняго, согласно съ организмомъ творенія, простираются врознь, и на сей самый конецъ отдѣльныя части вступаютъ во взаимное между собою соотношеніе. Затѣмъ, какъ при образованіи цѣлыхъ организмовъ, такъ и при устроеніи въ нихъ мозгу, яко важнѣйшей части, Природа имѣла въ виду главный свой чертежъ, и хотя при всякомъ родѣ надлежало по различію наружныхъ составовъ допускать измѣненія; но съ сими измѣненіями Художница, продолжала устроеніе мозга, начиная отъ самаго низшаго червя и насѣкомаго, и слѣдуя по порядку постепеннаго возвышенія твореній къ благороднѣйшему и высшему пред-

назначенію, на каждомъ шагу, съ бо́льшею полнотою и съ бо́льшею выразительностію; наконецъ въ человѣкѣ привела свое начертаніе къ самой высшей степени искусства и совершенства. Она скорѣе управляется малымъ мозгомъ, нежели большимъ; ибо первый по своему происхожденію ближе и сопричастнѣе къ спинному туку, а за тѣмъ и проще у многихъ тѣхъ родовъ, у коихъ видъ большаго мозга еще весьма разнообразенъ. Это и не удивительно; ибо отъ меньшаго мозга происходятъ толь важные нервы для плотянаго состава животнаго; и потому въ образованіи благороднѣйшихъ мысленныхъ силъ, Природа должна была направить свой путь отъ спины къ переднимъ частямъ.

2. У большаго мозга является различнымъ образомъ совершеннѣйшая отдѣлка его крыльевъ въ частяхъ благороднѣйшихъ. Не только морщины его искуственнѣе и глубже, а у человѣка ихъ болѣе и онѣ разнообразнѣе, нежели у всякаго другаго творенія; не только кора мозгу у человѣка составляетъ тончайшую и нѣжнѣйшую часть членовъ онаго, и она испаряясь, уменьшается до $\frac{1}{25}$; но и кладъ, сокрываемый и переплетаемый сею корою, мозговый тукъ, бываетъ въ частяхъ своихъ, у благороднѣйшихъ твореній, особенно у человѣка, явственнѣе различенъ и опредѣленъ, а по соразмѣрности и больше, нежели у всѣхъ другихъ твореній. У человѣка большой мозгъ содержитъ въ себѣ болѣе вѣсу, нежели малый, и большій его вѣсъ доказываетъ внутреннюю его полноту и совершеннѣйшую отдѣлку.

3. Собранные доселѣ ученѣйшимъ между всѣми народами Физіологомъ Галлеромъ опыты показываютъ, сколь тщетно, въ раздѣльныхъ плотяныхъ частяхъ мозга, стали бы плотянымъ и раздѣлительнымъ образомъ отыскивать нераздѣлимую мыслительную силу. Впрочемъ хотя бъ и не было сихъ опытовъ, надлежало бы и безъ оныхъ угадать сію истину по одному свойству предмета. Что это такое — сила нашего мышленія, которую въ разныхъ отношеніяхъ называемъ мы то вообреженіемъ и памятію, то остроуміемъ и разумомъ? что мы отдѣляемъ побужденія къ желаніямъ отъ чистой воли, и наконецъ даже находимъ различіе между силами чувствованій и силами побужденій? Малѣйшее, ближайшее вниманіе доказываетъ, что всѣ сіи способности не могутъ быть раздѣляемы мѣстностями, какъ бы въ томъ мѣстѣ мозга обиталъ разумъ, въ другомъ память и вооброженіе, въ третьемъ силы чувствованій и страстей. Мысль души нашей нераздѣли-

ма, и всякое изъ сихъ дѣйствій есть плодъ той же самой мысли. Нелѣпостію было бы то, когда бы мы захотѣли раздроблять отвлеченныя отношенія, такъ какъ раздробляютъ тѣло, и разбрасывать душу нашу такъ, какъ Медея разбрасывала члены своего брата. Когда при грубѣйшемъ чувствѣ непонятна для насъ вещественность ощущенія, которое есть вещію такъ отличною отъ нервнаго сока (если бы таковый и былъ), то сколь менѣе духовная связь всѣхъ органовъ и чувствъ можетъ быть для насъ ощутительна такъ, чтобы мы въ состояніи были оную не только видѣть и слышать, но и возбуждать въ разныхъ частяхъ мозга произвольно, какъ бы играя на инструментѣ. Даже ожиданіе таковой возможности есть уже мыслію для меня чуждою; ибо для мысли нужна точка соединенія всѣхъ частей, составляющихъ организмъ, нужно единство въ оныхъ; слѣдственно сила, производящая мысли, есть несложная, но простая, уже болѣе нераздѣлимая; всякое же простое существо нераздѣлимо и не можетъ быть ощущаемо сложнымъ организмомъ нашимъ.

4. Еще нелѣпѣе покажется та мысль, когда станемъ разсматривать составъ мозга и его нервовъ. Домостроительство Природы здѣсь совсѣмъ иное, нежели отвлеченная

Психологія наша описываетъ органы и силы души! Кто по Метафизикѣ отгадаетъ, что нервы чувствъ такъ начинаются, такъ расходятся и такъ соединяются? Между тѣмъ однако, сіи мѣста мозга суть единственныя, которыя мы познаемъ въ ихъ органическихъ назначеніяхъ, для того, что ихъ дѣйствія представляются нашему оку. За тѣмъ остается намъ только сіи священныя орудія мыслей, внутренность мозга, гдѣ чувства между собою сближаются, считать за матку, гдѣ невидимо и нераздѣлимо образуется плодъ мыслей. Если она, будучи здрава и свѣжа, доставляетъ плоду не только надлежащую душевную и жизненную теплоту, но и довольное, удобное мѣсто, гдѣ чувства органовъ и цѣлаго тѣла, объемлемыя невидимою органическою, всепроницающею силою, могутъ (если мнѣ вольно метафорически изъясняться) соединиться въ свѣтлой точкѣ, называемой высшимъ упамятованіемъ: то при внѣшнихъ дѣйствіяхъ наставленій и возбужденія идей, твореніе благородно образованное получаетъ даръ разума. Въ противномъ случаѣ, буде недостаетъ въ мозгу существенныхъ частей, или благороднѣйшихъ соковъ; буде занимаютъ то мѣсто грубѣйшіе органы, или наконецъ, буде онъ находится въ сжатомъ, тѣсномъ мѣстѣ:

тогда какое должно быть послѣдствіе? Такое, что благородное стеченіе мысленныхъ лучей не имѣетъ мѣста; душа не можетъ развивать своей силы; твореніе остается рабомъ чувствъ. Чтобъ имѣть душу человѣческую, надобно быть устроеннымъ по человѣчески.

5. Различное образованіе мозга у животныхъ, кажется, представляетъ намъ въ томъ очевидное удостовѣреніе. Изъ сего образованія, при сравненіи съ наружнымъ тѣлостроеніемъ и образомъ жизни животнаго, можно извлечь нѣкоторое заключеніе: для чего Природа, слѣдуя вездѣ одному чертежу, не могла достигнуть онаго повсюду вполнѣ, но то такъ, то иначе допускаетъ измѣненія? У многихъ животныхъ главнымъ чувственнымъ орудіемъ есть обоняніе, необходимѣйшее для ихъ содержанія и къ путеводительству ихъ инстинкта. Посмотрите же: какъ на лицѣ у животнаго тѣснится впередъ носъ, такъ и въ мозгу тѣснятся впередъ нервы обонянія, будто бы для нихъ однихъ создана была передняя часть головы. Онѣ продолжаются широко, дупловато, тучно, образуя какъ бы мозговыя коморочки; у нѣкоторыхъ родовъ лобныя пазухи тянутся вверхъ весьма далеко, также можетъ быть для того, чтобы подкрѣпить чувство обонянія; и такъ, если можно сказать, духъ животнаго большею частію обоняніе-образенъ. За ними слѣдуютъ нервы зрѣнія, нужнѣйшаго послѣ обонянія чувства; они уже болѣе проницаютъ въ средину мозга, такъ, какъ и служатъ благороднѣйшему органу. Прочіе нервы, здѣсь неупоминаемые, слѣдуютъ по мѣрѣ того, какъ внѣшній и внутренній организмъ требуетъ связи частей, такъ, что напримѣръ нервы и мускулы задней части головы поддерживаютъ и одушевляютъ ротъ, челюсти и т. п. Такимъ образомъ они оканчиваютъ обликъ и вмѣстѣ дѣлаютъ изъ наружнаго вида такое же цѣлое, каковымъ есть внутренній, по соразмѣрности внутреннихъ силъ; надлежитъ только разумѣть сіе не объ одномъ лицѣ, но обо всемъ тѣлѣ. Весьма любопытно проходить въ сравненіяхъ разныя отношенія различныхъ видовъ и разсматривать внутреннія тяжести, коими Природа обременила всякое твореніе. Гдѣ отказываетъ она, тамъ дополняетъ; гдѣ должна запутать, запутываетъ мудро, т. е. въ согласіи съ наружнымъ организмомъ творенія и со всѣмъ образомъ его жизни. Но она имѣетъ всегда въ виду главный свой чертежъ, отъ коего неохотно отступаетъ; какое-то подобіе въ томъ,

чтобы *чувствовать* и *познавать* — есть главною цѣлію, къ которой она хотѣла устроить всѣ земныя одушевленныя организаціи. У птицъ, рыбъ и различнѣйшихъ земныхъ животныхъ, можно показать это въ постепенно-продолжительномъ сравненіи.

6. И такъ приступаемъ къ преимуществу человѣка въ мозговомъ образованіи. Отъ чего зависитъ сіе? Явно, отъ совершеннѣйшей организаціи въ цѣломъ, и напослѣдокъ отъ того, что онъ стоитъ прямо. Всякій мозгъ животнаго принаровленъ къ устройству его головы, или, лучше сказать, голова принаровлена къ мозгу, ибо Природа дѣйствуетъ изъ внутренности на наружность. Къ какому ходу, къ какому соотношенію частей, къ какой наконецъ склонности назначено твореніе: сообразно тому Природа смѣшала и распорядила его органическія силы. И такъ мозгъ устроенъ малый или великій, широкій или узкій, тяжелый или легкій, многосложный или единообразный, по мѣрѣ того, какъ были его силы и въ какомъ отношеніи находились взаимныя ихъ дѣйствія. Сообразно сему устроены и чувства у животнаго, сильными или слабыми, господствующими или подчиненными. Впадины и мускулы передней и задней части головы образовались соотвѣтственно тяжести кровяной жидкости, кратко, сообразно углу главнаго органическаго направленія. Изъ многочисленныхъ по сей части опытовъ, кои можно бы было здѣсь привести въ примѣръ, я для краткости упомяну только о нѣкоторыхъ. Что составляетъ органическую разность между головою человѣка и головою обезьяны? Уголъ главнаго ея направленія. Обезьяна имѣетъ всѣ части мозга, какъ у человѣка; но она имѣетъ ихъ, по образу своего черепа, въ положеніи, подавшемся назадъ, а сіе положеніе свойственно ей для того, что у нея голова образована подъ другимъ угломъ, и что она не устроена къ прямому хожденію. Затѣмъ иначе уже дѣйствуютъ у нея всѣ органическія силы: голова не такъ высока, не такъ широка, не такъ длинна, какъ наша; низкіе органы съ нижнею частію лица выступаютъ впередъ, и лице учинилось скотообразнымъ, такъ какъ и отодвинутый назадъ мозгъ остается всегда мозгомъ безсмысленнаго животнаго. Хотя бы она имѣла всѣ части человѣческаго мозга, она имѣла бы ихъ однако въ другомъ положеніи, въ другой соразмѣрности. Парижскіе Анатомики находили въ своихъ обезьянахъ переднія части подобныя человѣческимъ, внутреннія же малаго мозгу всѣ по соразмѣрности

глубже: мозговая желѣза была на подобіе конуса, конецъ ея обращенъ къ задней части головы и т. д. все соотношенія отъ сего угла главнаго направленія къ ходу животнаго, къ его виду и образу жизни. Обезьяна, которую разбиралъ Блюменбахъ, была еще скотообразнѣе, вѣроятно, отъ того, что принадлежала къ нижшему роду: отсюда ея малый мозгъ, отсюда и прочія недостающія различія въ важнѣйшихъ мѣстахъ. У орангутанга ихъ нѣтъ, для того, что его голова менѣе погнута назадъ, мозгъ его менѣе стѣсненъ взадъ; однако еще довольно подвинутъ назадъ въ сравненіи съ человѣческимъ, такъ высоко, кругло и свободно сведеннымъ мозгомъ, съ сею отлично-красивою палатою умственнаго мыслеобразованія. Для чего не имѣетъ конь чудесной сѣти, подобно другимъ животнымъ? Для того, что голова его подносится вверхъ, и становая жила нѣкоторымъ образомъ, подобно какъ у человѣка, поднята безъ того изсяканія, свойственнаго низвисящимъ головамъ животныхъ. За тѣмъ-то конь и есть благороднѣйшее животное, бодрое, отважное, исполненное жару, мало-сонливое; напротивъ, у животныхъ съ наклонною внизъ головою, Природа въ строеніи мозга должна была иначе распорядиться, такъ, что заслонила даже глав-

ныя части онаго костяною стѣною. Все зависитъ отъ направленія, по которому она образовала голову, соотвѣтственно организму всего тѣла. Я умалчиваю о прочихъ примѣрахъ, желая, чтобы членоразбиратели разсматривая животныхъ, особенно приближающихся болѣе къ подобію человѣка, обратили вниманіе на сіе внутреннее соотношеніе частей, по взаимному ихъ между собою положенію и по направленію головы въ ея организаціи къ цѣлому. Здѣсь, кажется, обитаетъ разность въ соотвѣтствіи организма къ тому, или другому инстинкту, къ дѣйствію души животнаго, или человѣка; ибо всякое твореніе есть во всѣхъ своихъ частяхъ одно одушевленное и совокупно дѣйствующее цѣлое.

7. Самый даже уголъ человѣческой красоты, или безобразія, кажется, можетъ быть опредѣленъ симъ простымъ, общимъ закономъ образованія головы къ прямохожденію; ибо если сія форма головы, сіе размѣщеніе мозга въ его пространномъ и красивомъ полушаріи, а вмѣстѣ внутренняя организація къ разуму и свободѣ, могли только имѣть мѣсто на прямо-стоящемъ образѣ (какъ сіе доказывается соотношеніемъ давленій самыхъ же сихъ частей, пропорціею ихъ теплоты, — кровообращенія),

то изъ такихъ внутреннихъ соотвѣтствій и могла только состояться человѣческая благовидность. Для чего Греческая форма верхней части головы такъ пріятно наклоняется впередъ? Для того, что заключаетъ въ себѣ пространнѣйшее мѣсто свободнаго мозга, обнаруживая тѣмъ красивыя, здравыя впадины чела, слѣдственно храмъ юно-красивыхъ и чистыхъ человѣческихъ мыслей. Задняя часть головы, напротивъ, мала; животнообразный малый мозгъ не долженъ имѣть перевѣса. То самое и съ прочими частями лица; онѣ, яко чувственныя орудія, показываютъ превосходнѣйшую пропорцію чувственныхъ силъ мозга. Каждое отъ того отступленіе нисходитъ къ состоянію животнаго. Я увѣренъ, что о согласіи сихъ частей будемъ нѣкогда имѣть такую изящную науку, какую едва ли доставитъ можетъ одна гадательная Физіогномика. Внутри лежитъ основаніе наружности, для того, что органическими силами все образовано снутри наружу, и всякое твореніе имѣетъ такую полную форму Природы, какъ бы болѣе его ничего не было создано.

И такъ, возведи свой взоръ, о человѣкъ, на небо! и съ благоговѣніемъ возрадуйся своему непомѣрному преимуществу, привязанному Творцемъ міра къ одному простому

началу, твоему прямостоянію. Буде бы ты ходилъ наклонно, подобно безсмысленному животному, буде бы твоя голова имѣла въ образованіи своемъ направленіе скотское съ рыломъ обжорливымъ, и къ тому было бы принаровлено все твое членостроеніе: тогда прощай дарованная тебѣ невидимая, Божественная сила души! Въ такомъ искаженномъ сосудѣ могла ли бы она обитать и развиваться? И злополучные, попавшіеся между животныхъ, потеряли ту силу; коль скоро голова ихъ приняла другой низкій образъ, то одичали вмѣстѣ съ тѣмъ и внутреннія силы; грубѣйшія чувства низвлекали твореніе къ землѣ. Нынѣ же устройствомъ твоихъ членовъ къ прямохожденію голова получила свое красивое положеніе и направленіе; вмѣстѣ съ тѣмъ получилъ мозгъ — сіе ѳирное, небесное растеніе — полное пространство къ своему приготовленію, къ раздѣленію и развитію своихъ вѣтвей. Богатомысленно устроились мозговые своды; скотообразные органы поотдалилися назадъ, возстало образованіе человѣческое. Чѣмъ болѣе возвышается черепъ, тѣмъ ниже спускается чувство слуха и дружественнѣе сближается съ зрѣніемъ, и оба сіи чувственныя орудія получаютъ внутренній доступъ къ палатѣ мыслеобразованія. Мень-

шій мозгъ, сей возникающій цвѣтъ спины и чувственножизненныхъ силъ, бывающій у животныхъ болѣе господствующимъ, вступаетъ у человѣка съ другимъ мозгомъ въ приличнѣйшее подчиненное соотношеніе. Лучистыя, чудеснокрасивыя полосатыя части тѣла получили у человѣка болѣе рѣзкости и тонкости; указаніе на безконечно-тончайшій свѣтъ, который въ семъ средоточномъ мѣстѣ совокупляетъ и разбрасываетъ лучи.

Ибо далѣе: вся пропорція органическихъ силъ животнаго, еще не благопріятствуетъ уму. Въ его образованіи господствуютъ мускульныя силы и чувственная раздражительность, кои раздѣлены въ каждомъ организмѣ, соотвѣтственно предназначенію творенія и образуютъ господствующій инстинктъ каждаго рода. Въ прямомъ же образѣ человѣка стоитъ, такъ сказать, дерево, коего силы принаровлены къ тому, чтобы мозгу, яко своему цвѣту и вѣнку, доставлять тончайшіе и богатѣйшіе соки. Съ каждымъ удареніемъ пульса поднимается въ человѣческомъ тѣлѣ болѣе, нежели шестая часть крови единственно къ головѣ; главное теченіе крови, поднимаясь прямо, нѣжно принимаетъ излучистое направленіе и исподоволь раздѣляется такъ, что и отдаленнѣйшія части головы получаютъ отъ ея вліяній и союзныхъ членовъ пищу и теплоту. Природа употребила все свое искуство, чтобъ укрѣпить сосуды крови, ослабить и облагородить ея могущество, удерживать ее долго въ мозгу, и по совершеніи своего дѣла, нѣжно спускать оную изъ головы обратно. Она (кровь) возникла отъ корней, кои будучи близки къ сердцу, еще дѣйствуютъ со всею силою перваго движенія; отъ перваго начатія жизни дѣйствуетъ вся сила молодаго сердца на сіи чувствительнѣйшія и благороднѣйшія части. Тогда наружные члены остаются еще необразованными, дабы прежде однѣ главныя и внутреннія части приготовлялись самымъ нѣжнымъ образомъ. Съ удивленіемъ видятъ не только бо́льшую ихъ по соразмѣрности величину, но и тонкое ихъ устройство въ единственныхъ чувственныхъ орудіяхъ еще нерожденнаго младенца, изъ чего и выводится заключеніе, что великая художница хотѣла созидать его единственно мозгомъ и силами внутреннихъ движеній, пока она исподоволь прибавитъ и прочіе члены, яко орудія и представителей внутренности. За тѣмъ уже во чревѣ материнскомъ человѣкъ образуется къ прямостоянію и ко всему, отъ того зависящему.

Его не носитъ висящая утроба скотообразная; ему назначено искуственнѣйшее образовательное мѣсто, почивающее на своемъ основаніи. Тамъ сидитъ малый спящій, и кровь стремится къ его головѣ, доколѣ она собственною тяжестію низпадаетъ. Словомъ, человѣкъ есть то, чѣмъ онъ быть долженъ (къ чему содѣйствуютъ всѣ органы), выспрь воздымающееся древо, увѣнчанное прекраснѣйшимъ вѣнцемъ благороднѣйшаго мыслеобразованія.

II.

Возвратный взглядъ отъ организма человѣческой головы на низшія творенія, приближающіяся къ его организаціи.

Буде нашъ путь доселѣ правиленъ, то, поелику Природа всегда дѣйствуетъ единообразно, должно и у низшихъ твореній господствовать тоже подобіе, въ отношеніи ихъ головы къ прочимъ членамъ; и сіе подобіе существуетъ самымъ ощутительнымъ образомъ. Какъ растеніе дѣйствуетъ къ тому, чтобы произвести искуственное строеніе цвѣтка, яко вѣнца творенія: такъ у существъ одушевленныхъ дѣйствуетъ все

членостроеніе къ тому, чтобы питать и поддерживать голову, яко вѣнецъ животнаго. При воззрѣніи на рядъ всѣхъ земныхъ твореній, коихъ роды одинъ другаго постепенно совершеннѣе, можно бы сказать, что въ сей постепенности Природа употребляетъ весь свой организмъ къ тому, чтобы мало по малу болѣе и болѣе приготовлять въ нихъ тончайшаго мозга, и слѣдственно собирать для творенія болѣе свободнѣйшаго средоточія чувствованій и мыслей. Чѣмъ восходитъ она выше, тѣмъ болѣе умножаетъ свое дѣло, поколику то возможно, не отягощая головы творенія и не препятствуя его тѣлеснымъ упражненіямъ, потребнымъ для жизни. Замѣтимъ нѣкоторые члены сей восходящей органической цѣпи чувствъ, также и въ наружныхъ формахъ и направленіяхъ головы.

1. У животныхъ, коихъ головы лежатъ еще горизонтально съ тѣломъ, менѣе примѣтно обработыванія мозга; Природа разсѣяла ниже ихъ раздраженія и побужденія. Таковыми суть черви, растеніеживотныя, насѣкомыя, рыбы, земноводныя. Въ нижнихъ членахъ органической цѣпи голова еще едва примѣтна: у нѣкоторыхъ, кажется она только окомъ. У насѣкомыхъ она мала; у рыбъ голова и тѣло еще одно; у земноводныхъ со-

храняетъ она еще по большой части горизонтальную свою линію съ цѣлымъ пресмыкающимся тѣломъ. Чѣмъ болѣе у нѣкотораго рода животныхъ голова отдѣляется отъ тѣла, и поднимается вверхъ, тѣмъ болѣе пробуждается твореніе отъ своей плотяной сырости, тѣмъ болѣе кусало подается назадъ и уже не кажется цѣлою выдавшеюся впередъ силою горизонтальнаго тѣла. Сравните аккулу, которая кажется вся пастью и кусаломъ, или глотающаго, пресмыкающагося крокодила съ благороднѣйшими организмами, и тогда многочисленные примѣры приведутъ васъ къ заключенію: *что чѣмъ болѣе у какого творенія голова и тѣло составляютъ нераздѣлимую горизонтальную линію, тѣмъ менѣе у него мѣста къ возвышенному мозгу, тѣмъ болѣе подающаяся неповоротливая пасть есть метою его дѣйствій.*

Чѣмъ твореніе совершеннѣе, тѣмъ выше поднимается оно отъ земли; оно получаетъ высшія ноги, кольца его шеи имѣютъ связь съ прочими членами сообразно организму его состава, и наконецъ голова, соотвѣтственно цѣлому, получаетъ *мѣсто и направленіе.* И тутъ сравните армадилла, двуутробку, ежа, крысу, россомаху и другіе низкіе роды животныхъ съ благороднѣйшими. У первыхъ ноги

коротки, голова воткнута между плечами, рыло длинно и торчитъ впередъ; у послѣднихъ ходъ и голова имѣютъ больше легкости, шея суставистѣе, ротъ короче; естественно чрезъ то и мозгъ у нихъ получаетъ мѣсто высшее, пространнѣйшее. За тѣмъ можно принять второе правило, что: *чѣмъ болѣе тѣло поднимается, а голова отъ туловища отдѣльно суставится, тѣмъ благороднѣе становится организація творенія.* Надлежитъ однако примѣнять сіе правило, такъ какъ и предъидущія, не къ однимъ которымъ либо членамъ, но къ цѣлому соотношенію и строенію животнаго.

3. Чѣмъ болѣе у возвышенной головы низшія части лица уменьшаются, или подаются назадъ, тѣмъ благороднѣе становится направленіе животнаго, тѣмъ разсудительнѣе его обликъ. Сравните волка и собаку, кошку и льва, носорога и слона, коня и бегемота. Чѣмъ напротивъ низшія части лица шире, толще и болѣе подаются внизъ, тѣмъ менѣе голова получаетъ черепа, а вышняя часть лица облика. По этому различаются не только роды животныхъ вообще, но одинъ и тотъ же родъ по климатамъ. Разсмотрите сѣвернаго бѣлаго медвѣдя и медвѣдя теплѣйшихъ земель, или различные роды собакъ, оленей, дикихъ козъ; коротко,

чѣмъ у животнаго менѣе челюсти, а вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе головы, тѣмъ организація его умоподобнѣе. Дабы яснѣе видѣть сіе соображеніе, протяните отъ послѣдняго шейнаго позвонка линіи, къ высшей впадинѣ головнаго черепа, къ передней кости лба и къ крайнему пункту верхней челюсти, и въ различныхъ углахъ по племенамъ и родамъ увидите различныя измѣненія; вмѣстѣ съ тѣмъ удостовѣритесь также, что все сіе имѣетъ коренное начало въ бо́льшемъ или меньшемъ горизонтальномъ ходѣ, и оному служитъ.

Здѣсь я встрѣчаюсь съ тѣмъ тонкимъ замѣчаніемъ, которое сдѣлалъ Камперъ объ организаціи обезьянъ и людей, а между сими послѣдними о различіяхъ въ организаціи народовъ, протягивая самою рѣзкою профилью одну простую линію сквозь впадины уха ко дну носа, а другую линію отъ высшей выпуклости лобной кости къ высшей выпуклости верхней челюсти. Думая найти въ семъ углу не только различіе животныхъ, но и различіе народовъ, онъ полагаетъ, что Природа употребила сей уголъ для опредѣленія всѣхъ разностей между животными, и для постепеннаго возвышенія ихъ къ красивѣйшему изъ красивыхъ людей. Птицы описываютъ меньшіе круги, и сіи круги увеличиваются по мѣрѣ того, какъ живот-

ное сближается къ человѣческому образу. Головы обезьянъ поднимаются отъ 42 до 50 градусовъ; послѣдняя подобна уже человѣку. Негръ и Калмыкъ имѣютъ 70°, Европеецъ 80°, а Греки украсили свой идеалъ отъ 90 до 100°. Что попадаетъ за сію линію, есть уже чудовище; за тѣмъ сія степень есть высшая, до которой Древніе довели красоту своихъ головъ. Сколь замѣчаніе сіе ни поразительно, однако съ удовольствіемъ думаю быть въ состояніи низвести оное къ естественному основанію, заключающемуся въ отношеніи творенія къ горизонтальному и перпендикулярному состоянію головы и организаціи, отъ чего зависитъ наконецъ счастливое положеніе мозга, такъ какъ и красота и соразмѣрность всѣхъ частей лица. За тѣмъ если хотятъ сдѣлать полнымъ Камперово замѣчаніе и доказать его основательность, то стоитъ только вмѣсто уха избрать точкою послѣдній позвонокъ шеи и отъ онаго протянуть линіи къ нижней точкѣ задней части головы, къ верхней черепа, къ передней чела, къ выпуклѣйшей челюсти; тогда сдѣлаются примѣтными не только различія въ образѣ головы, но и основаніе онаго, состоящее въ томъ, что все зависитъ отъ устройства и направленія сихъ частей къ горизонтальному или пер-

пендикулярному ходу, а вмѣстѣ ко всему наклоненію творенія. Такимъ образомъ, по простому началу организаціи, можетъ все то быть произведено въ величайшее разнообразное единство.

О если бы вторый Галенъ возобновилъ въ наши времена книгу древняго мудреца о частяхъ человѣческаго тѣла, на тотъ въ особенности конецъ, дабы отверзлось и обнаружилось совершенство нашего образа въ прямомъ ходѣ по всѣмъ соразмѣрностямъ и дѣйствіямъ!

Продолжая сравненія съ ближайшими къ намъ животными, да слѣдуетъ онъ за человѣкомъ отъ перваго начала его изъявленія, въ его плотяныхъ и душевныхъ исправленіяхъ, въ благородной соразмѣрности его частей между собою, и наконецъ да слѣдуетъ за цѣлымъ симъ живущимъ и прозябающимъ деревомъ до самаго его вѣнка, мозга, и посредствомъ сравненій да покажетъ, что таковый только въ семъ мѣстѣ можетъ произрастать. Прямо воздвигнутый видъ есть красивѣйшій и самый естественный для всѣхъ растеній на земли. Какъ дерево прямо растетъ, какъ растеніе цвѣтетъ вверхъ, такъ уповательно всякое благородное твореніе должно имѣть такой же ростъ, такое же стояніе, а не ползать, подобно низпростертому на четырехъ подпорахъ разбитому остову. Но животное долженствовало въ сіи предварительныя смутныя времена свои вырабатывать еще плотяныя силы и пріучаться къ чувствамъ и побужденіямъ прежде, нежели пришло въ состояніе достигнуть нашего свободнѣйшаго, совершеннѣйшаго состоянія. Постепенно сближаяся къ оному, пресмыкающійся червь, сколько можетъ, возноситъ изъ праха свою голову, и морское животное согбенно припалзываетъ къ берегу. Возноситъ шею свою гордый олень, благородный конь, и у домашняго животнаго побужденія начинаютъ уже укрощаться. Душа его питается предуготовленными понятіями, коихъ хотя еще обнять не въ состояніи, но принимая оныя, такъ сказать, въ доброй вѣрѣ, слѣпо къ нимъ привыкаетъ. Послѣдовало мановеніе безпрерывно образующей Природы въ свое невидимое органическое царство, и животнообразная долу наклоненная плоть возстаетъ; древо ея спины возникаетъ прямѣе, цвѣтетъ тонѣе, грудь получаетъ круглость; бедра сомкнуты; шея возвышена; чувства же устроены красивѣе и совокупно отражаютъ лучъ яснѣйшаго самопознанія, проницающій даже наконецъ въ душу богомысленную. А все сіе чѣмъ совершается? Можетъ быть

по исполненіи уроковъ органическихъ силъ, единымъ могущественнымъ изреченіемъ Творца: твореніе, возстань отъ земли!

Такъ обнимая общій составъ всѣхъ живущихъ на земли, видимъ въ нихъ единъ образъ, постепенно въ многоразличныхъ видахъ возстающій отъ земли, и возносящійся къ небу, до совершенства человѣка; дальнѣйшее продолженіе сей цѣпи сокрыто предъ нашими плотяными, тупыми чувствами.

III.

Человѣкъ устроенъ къ тончайшимъ чувствамъ, къ искусству и слову.

Близко земли всѣ чувства человѣка имѣютъ кругъ весьма малый; низкія берутъ верхъ надъ высшими. Свыше земли и произрастеній господствуетъ уже не обоняніе, но зрѣніе. Оно отъ самаго младенчества имѣетъ, около и надъ собою, пространнѣйшую область въ тончайшей Геометріи линій и цвѣтовъ. У человѣка ухо подъ подающимся впередъ черепомъ глубоко подвинутое внизъ, проницаетъ ближе во внутренность палаты мыслесборной; у животныхъ же, подстерегая, стоитъ натянуто вверхъ, а у многихъ, остро свиваясь, подслушиваетъ.

Съ прямообразнымъ ходомъ человѣкъ учинился твореніемъ искуственнымъ; посредствомъ сего-то первѣйшаго и труднѣйшаго изъ искусствъ, коему обучается человѣкъ, пріобрѣтаетъ онъ удобность учиться всѣмъ искусствамъ, а вмѣстѣ и самому учиниться одушевленнымъ искуствомъ. Посмотри на скотину: она имѣетъ уже отчасти пальцы подобно человѣку, но они заключены у одной въ копытѣ, у другой въ когтяхъ или въ другомъ какомъ составѣ, и чрезъ опухоль лишены превосходныхъ качествъ человѣческихъ пальцевъ. Посредствомъ устроенія къ прямообразному ходу, человѣкъ получилъ свободныя и искуственныя руки, орудія тончайшихъ работъ; орудія, коими онъ безпрестанно, такъ сказать, выщупываетъ новыя, чистыя понятія. Гельвецій правъ въ томъ, что рука была у человѣка великимъ для ума его пособіемъ; ибо сколь много уже значитъ хоботъ у слона! Нѣжное чувство рукъ разлито по всему тѣлу человѣка, и нерѣдко у людей уродливыхъ пальцы ногъ исправляютъ то, чего пальцы рукъ исправлять не могутъ. Мизинецъ на рукѣ и большой палецъ на ногѣ, кои даже по строенію своихъ мускуловъ совершенно отлично образованы, хотя и кажутся членами незначительными, однако же суть самые

необходимые искуственные помощники, пособляющіе намъ стоять, ходить, брать и исправлять многія нужды, требуемыя всегда дѣятельною художницею, душею.

Столь часто утверждали, будто бы человѣкъ созданъ беззащитнымъ, и немощь есть отличительнымъ его свойствомъ. Не такъ; онъ, подобно прочимъ твореніямъ, имѣетъ оборонительныя орудія. Уже обезьяна держитъ палку и защищается пескомъ и каменьями; лазитъ высоко и спасается отъ змѣй, жесточайшихъ ея непріятельницъ, отрываетъ крыши съ домовъ и можетъ убивать людей. При прямообразномъ же ходѣ и при общественномъ образованіи человѣка, какое животное имѣетъ столь многообразныя и искуственныя орудія въ мышцахъ, въ рукахъ, въ гибкости тѣла, во всѣхъ силахъ? Искусство есть крѣпчайшая броня, а человѣкъ весь искусство, весь и вездѣ органическая броня. Къ нападенію недостаетъ у него только когтей: ибо ему должно быть твореніемъ кроткимъ, миролюбивымъ; онъ не созданъ къ людоѣдству.

Какое сокрыто въ человѣческомъ организмѣ глубокое чувственное искусство, обнаруживающееся иногда тамъ и сямъ большею частію только по нуждѣ, по недостаткамъ, по болѣзнямъ, отъ потери какого либо

чувственнаго орудія, отъ уродливости или наконецъ по случаю! Не явно ли, что въ насъ находятся и другія сокровенныя искуственныя силы, еще донынѣ нераскрытыя, или для здѣшняго міра неразрѣшимыя? Если нѣкоторые слѣпые могутъ до невѣроятной для людей съ обыкновенными чувствами степени усилить чувства осязанія и слухъ, возвысить чистѣйшій умъ, и укрѣпить память; то не могутъ ли въ другихъ чувствахъ обитать также сокровенные міры разнообразія и тончайшаго существа, неудобные только къ развитію въ теперешней многообразной машинѣ нашей. Какихъ уже достигъ тонкостей человѣкъ посредствомъ зрѣнія и слуха! Въ высшемъ состояніи достигнетъ онъ конечно еще бо́льшаго совершенства; ибо, по изреченію Берклея, свѣтъ есть языкъ Бога, складываемый, такъ сказать, безпрерывно только нашимъ тончайшимъ чувствомъ въ тысячныхъ образахъ и цвѣтахъ. Благозвучіе, чувствуемое человѣческимъ слухомъ и развиваемое только искусствомъ, есть тончайшее искусствомѣріе, которое производитъ душа темно посредствомъ чувственнаго орудія, такъ какъ она посредствомъ ока, когда на оное дѣйствуетъ лучъ свѣта, показываетъ тончайшую Геометрію. Удивленіе наше будетъ

безконечное, когда мы въ существѣ нашемъ ясно узримъ хотя бы на одинъ шагъ далѣе все то, что мы чувствами и силами темно только постигаемъ въ божественной, многосложной нашей машинѣ. И безсловесныя животныя начинаютъ уже, кажется, упражняться, по соразмѣрности ихъ организма, въ развитіи ихъ силъ и способностей.

Тѣмъ не менѣе всѣ сіи искуственныя орудія, мозгъ, óрганы, руки, оставались бы, даже при прямообразномъ видѣ человѣка, недѣйствительными, если бы Богъ не насадилъ въ насъ пружины, приводящей всѣ тѣ орудія въ движеніе: это Божій даръ слова. Словомъ пробуждается дремлющій умъ, или, иначе сказать, нагая способность, которая сама собою вѣчно пребывала бы мертвою, становится посредствомъ животворнаго языка, силою и дѣйствіемъ. И зрѣніе, и слухъ, и чувства всѣхъ óргановъ, сливаются во едино силою слова, и сливаются въ творческую мысль, которой искуственное дѣло рукъ и прочихъ членовъ только повинуются. Можно и должно считать тонкія орудія слова за кормило нашего ума, а самое слово за небесную искру, которая постепенно подпаляя органы и мысли, облекаетъ ихъ чудеснымъ пламенемъ души нашей.

У животныхъ видимъ предварительныя приготовленія къ слову; и въ семъ отношеніи видимъ постепенное дѣйствіе Природы въ твореніяхъ отъ низшихъ до высшихъ разрядовъ, пока наконецъ она усовершаетъ сіе искусство въ человѣкѣ. Къ дѣйствію дыханія потребна вся грудь со всѣми ея костями, связками и мускулами; потребны ея оболочки и даже части брюха, затылка, шеи и верхней мышицы; и такъ для сего важнаго дѣла, Природа соорудила весь столбъ спинныхъ позвонковъ со всѣми связками и ребрами, мускулами и жилами; она снабдила грудныя части надлежащею твердостію и движимостію. Начиная отъ низшихъ животныхъ, чѣмъ родъ становится возвышеннѣе, тѣмъ совершеннѣе образовала она въ нихъ легкія и дыхательныя трубочки. Новорожденное животное алчно втягиваетъ въ себя первое дыханіе, стремится къ оному такъ, какъ бы не могло онаго дождаться. Къ тому устроены удивительнымъ образомъ многія части; ибо почти всѣ части тѣла имѣютъ нужду въ воздухѣ для своего возращенія. Между тѣмъ сколько ни стремится всякое животное къ сему божественному дыханію, однако не всякое твореніе имѣетъ голосъ и даръ слова, которые на-

конецъ суть произведеніемъ малыхъ орудій, головы, дыхательныхъ трубочекъ, нѣкоторыхъ хрящей и мускуловъ, напослѣдокъ простаго члена — языка. Въ самомъ простомъ видѣ является языкъ, сей тысячеобразный Художникъ многоразличныхъ божественныхъ мыслей и выраженій, кои немногимъ воздухомъ чрезъ узкую щель, не только привели въ движеніе все царство человѣческихъ понятій, но произвели въ дѣйствіе все то, что люди созидали на земли. Чрезвычайно восхитительное чувствованіе объемлетъ насъ, когда мы обращаемъ вниманіе на постепенность, съ каковою Природа, начиная отъ нѣмой рыбы, червя и насѣкомаго, и слѣдуя по порядку къ животнымъ возвышеннѣйшимъ, все болѣе и болѣе взываетъ оныя ко звуку и голосу. Уже птица радуется своему пѣнію, яко искуснѣйшему дѣлу, а вмѣстѣ прекраснѣйшему преимуществу, Творцемъ ей данному; животное, имѣющее голосъ, призываетъ его на помощь, коль скоро чувствуетъ склонности, и коль скоро внутреннее состояніе его существа, радостно или страдательно, хочетъ исторгнуться наружу. Оно показываетъ мало тѣлесныхъ движеній, и знаками изъясняются только тѣ животныя, коимъ отказано въ живомъ звукѣ голоса. У нѣкоторыхъ животныхъ языкъ со-

дѣланъ уже способнымъ подражать человѣческимъ словамъ, коихъ смысла они однако не понимаютъ; наружная ихъ организація, особенно при воспитаніи человѣка, опережаетъ внутреннее ихъ достояніе. Но здѣсь затворяется дверь. И подобнѣйшей человѣку обезьянѣ, посредствомъ нѣкоторыхъ боковыхъ мѣшечковъ, привѣшенныхъ Природою къ ея дыхательнымъ трубкамъ, отказано въ словѣ нарочно и насильственно.

Для чего устроилъ такъ Отецъ человѣческаго слова? Для чего скотинѣ, коея главное свойство есть — всюду подражать, воспрещено подражать человѣку — именно въ сей способности, и къ тому всякими препятствіями неумолимо преграждены оной всѣ пути? — Идите въ домы лишенныхъ ума и слушайте ихъ болтаніе; послушайте разговоры нѣкоторыхъ уродовъ, или совершенно безумныхъ, и сами познаете причину. Сколь прискорбны намъ ихъ бесѣды, заключающія въ себѣ одно оскверненіе дара человѣческаго слова! И сколь бы еще были они осквернительнѣе въ устахъ похотливыхъ, грубыхъ, звѣрообразныхъ обезьянъ, когда бы онѣ могли переобезьянивать человѣческія реченія, безъ сомнѣнія съ полоуміемъ человѣческимъ? Отвратительное смѣшеніе человѣкоподобныхъ звуковъ съ мыслями обезьянъ. — Нѣтъ; Божествен-

ное слово да не ввергнется въ такое уничиженіе, и обезьяна содѣлалась нѣма, нѣмѣе другихъ четвероногихъ животныхъ, изъ коихъ всякое, до лягушки и ящерицы, имѣетъ свой звукъ.

Но человѣкъ устроенъ Природою къ слову; къ сему дару возстановленъ его ростъ и грудь его сведена поднимающимся вверхъ столбомъ. Хотя разныя животныя имѣютъ человѣкоподобные органы слова; однако въ подражаніи ни одно не способно къ тому плавному теченію рѣчи, какое происходитъ изъ нашей возвышенной, свободной, человѣческой груди, изъ нашихъ узкихъ, искуственно-сомкнутыхъ устъ. Напротивъ того, человѣкъ не только можетъ подражать всѣмъ ихъ звукамъ и тонамъ, и, по сказанію Монбоддо, есть передразнивающее твореніе между земными животными; но нѣкій Богъ обучилъ его искусству изображать въ тонахъ мысли, понятія, звуками чертить образы и обладать землею посредствомъ слова устъ своихъ. За тѣмъ умъ его начинается отъ слова; ибо посредствомъ слова владѣетъ онъ и самъ собою, и пріобрѣтаетъ силу размышленія и выбора, къ чему учинился способнымъ только отъ тѣлеснаго и душевнаго своего образованія. Можетъ статься, у высшихъ существъ пробуждается умъ единымъ окомъ; для нихъ, можетъ быть, видимаго знака достаточно къ тому, чтобъ образовать мысли и различно ихъ опредѣлять; земнородный же человѣкъ есть еще воспитанникъ слуха, посредствомъ коего онъ исподоволь учится еще только понимать языкъ свѣта. Восточный житель выразительно изъясняется, называя *животныхъ нѣмыми земли*; только съ организмомъ языка воспріялъ человѣкъ дуновеніе Божіе, сѣмя ума и вѣчнаго усовершенствованія, отголосокъ творческаго гласа къ обладанію землею, коротко — Божіе искусствомысліе, матерь всѣхъ искусствъ.

IV.

Человѣкъ устроенъ къ благороднѣйшимъ побужденіямъ, при свободной волѣ управлять оными.

Въ видѣ преданія говорятъ, будто бы у человѣка нѣтъ инстинкта, и что лишеніе онаго составляетъ характеръ рода человѣческаго. Въ самомъ же дѣлѣ, онъ имѣетъ всѣ инстинкты, какіе только свойственны окружающимъ его земнымъ животнымъ, только у него укрощены они отличительнымъ организмомъ.

Младенецъ во чревѣ матери, кажется, проходитъ всѣ тѣ состоянія, кои принадлежатъ земнородному творенію. Онъ плаваетъ въ водѣ; лежитъ съ открытымъ ртомъ, челюсть его велика, пока не покрывается губою, которая только поздно образуется; коль скоро является на свѣтъ, то ищетъ воздуха, и сосаніе есть первымъ его невыученнымъ дѣломъ. Голодъ, жажда, утоленіе оныхъ водимы инстинктомъ, или еще темнѣйшими чувствами. Мускулы и плодородныя силы такимъ же образомъ созрѣваютъ, и какъ скоро человѣкъ, отъ болѣзни, или отъ великаго прискорбія терпитъ помѣшательство въ умѣ, то уже въ немъ видны всѣ побужденія звѣрскія. У

человѣка, даже у цѣлыхъ народовъ, ведущихъ звѣрскую жизнь, нужда и опасность раскрываютъ звѣрскія искусства, чувства и силы.

И такъ побужденія у человѣка не похищены, но придавлены и подчинены благоустройству во власть нервовъ и благороднѣйшихъ чувственныхъ орудій. Безъ тѣхъ побужденій не могло бы существовать твореніе, которое большею частію есть еще животное.

И какимъ образомъ они придавляются? Какимъ образомъ Природа приводитъ ихъ подъ власть нервовъ? Разсмотримъ ходъ ихъ съ самаго младенчества; то, что иногда по неразумѣнію оплакиваютъ такъ, какъ слабость человѣческую, покажется совсѣмъ въ иномъ видѣ.

Человѣческій младенецъ приходитъ на свѣтъ слабѣе, нежели всякое другое животное; явно потому, что онъ устроенъ къ таковому соотвѣтствію, которое во чревѣ матери не можетъ получить совершеннаго образованія. Четвероногое животное принимаетъ во чревѣ видъ четвероножный и пріобрѣтаетъ уже при концѣ полную свою соразмѣрность, хотя сначала оно также, какъ и человѣкъ, испытываетъ несоразмѣрность въ головѣ; а у животныхъ, богатыхъ нерва-

ми, раждающихъ дѣтей слабыми, усовершается однако соотвѣтствіе силъ въ теченіе нѣсколькихъ недѣль или дней. Одинъ человѣкъ остается долго немощнымъ; ибо все строеніе его членовъ есть только придѣлка къ головѣ, которая во чревѣ матери прежде всего образуется въ непомѣрной величинѣ, съ совершенною полнотою и въ томъ видѣ является на свѣтъ. Прочіе члены, для роста коихъ требуются земныя питательныя средства, воздухъ и движеніе, долго еще отстаютъ отъ головы; во всѣ лѣта отрочества и юношества, они къ ней, а не она въ соразмѣрности къ нимъ приподрастываютъ. Прежде, нежели дитя учится ходить, оно учится видѣть, слышать, осязать и заниматься тончайшею механикою и искуствомѣріемъ сихъ о́рагановъ. Правда, онъ занимается ими по инстинкту, какъ и животное, только благороднѣйшимъ образомъ; не по врожденнымъ готовымъ способностямъ и искуствамъ. Всѣ способности безсловесныхъ животныхъ суть лишь послѣдствія грубѣйшихъ плотяныхъ раздраженій; если бы они были господствующими также у человѣка отъ его дѣтства: то онъ оставался бы ничѣмъ инымъ, какъ простымъ безсмысленнымъ животнымъ; умѣя уже все, не обучался бы ничему человѣческому. Умъ долженъ либо быть

врожденнымъ человѣку, какъ инстинктъ, что однако было бы само по себѣ противорѣчіемъ; либо человѣкъ долженъ какъ нынѣ, родиться на свѣтъ слабымъ, и послѣ уже учиться разсуждать и усовершать свой умъ.

Отъ младенчества обучается человѣкъ, образуясь вмѣстѣ къ искуственному ходу и къ свободному управленію своею волею. Млекососецъ лежитъ у груди матери надъ ея сердцемъ; плодъ ея плоти дѣлается воспитанникомъ ея рукъ. Его благороднѣйшія чувственныя орудія, зрѣніе и слухъ, прежде всѣхъ пробуждаются и бываютъ управляемы видами и звуками; блаженъ, если управляются счастливо! Исподоволь развивается его зрѣніе и обращается около себя къ очамъ людей, такъ какъ и слухъ обращается къ словамъ людей, и помощію ихъ научается онъ различать первыя понятія. Такимъ же образомъ и рука его мало по малу научается осязать; тогда уже и прочіе члены устремляются къ свойственнымъ имъ упражненіямъ. Въ началѣ былъ онъ ученикомъ благороднѣйшихъ о́рагановъ; искуственный же инстинктъ, который онъ долженъ въ послѣдствіи пріобразовать себѣ наукою, есть умъ, достоинство человѣка и всѣ тѣ качества, коихъ никакое безсловесное животное не имѣетъ и къ изученію которыхъ оно

неспособно. Даже кроткія животныя, перенимающія нѣчто отъ человѣка, перенимаютъ оное по скотски и никогда не могутъ быть человѣками.

Таковъ-то умъ человѣческій; наименованіе, употребляемое въ новѣйшихъ писаніяхъ къ изображенію какой-то врожденной сущности, и только ведущее къ погрѣшительнымъ толкованіямъ. По умозрительнымъ понятіямъ и по опыту, умъ есть не иное что, какъ нѣчто заимствованное свыше, изученная способность направлять понятія и силы къ той соразмѣрности, къ коей человѣкъ устроенъ своимъ организмомъ и образомъ жизни. Умъ высшихъ, непостижимъ для нашего организма. Мы даже не въ состояніи съ точностію проникнуть во глубину души тѣхъ твореній, кои ниже насъ поставлены; умъ человѣка не болѣе и не менѣе, какъ умъ человѣческій, имѣющій свои предѣлы. Съ младенчества онъ сравниваетъ понятія и впечатлѣнія своихъ, особенно благороднѣйшихъ, чувственныхъ орудій, дѣйствуя съ тою тонкостію и истиною, какія позволяютъ ему тѣ впечатлѣнія, въ такомъ количествѣ, какое онъ воспріемлетъ, и наконецъ соображаетъ понятія и впечатлѣнія по мѣрѣ той внутренней быстротекущей силы, коею обучается ихъ связы-

вать. Происходящее изъ всѣхъ сихъ движеній *одно* есть его мысль; разнообразныя же совокупленія сихъ мыслей и чувствованій для сужденія объ истинѣ и лжи, о добрѣ и злѣ, о счастіи и несчастіи, составляютъ его *умъ*, безпрерывно текущій образъ человѣческой жизни. Умъ не начинается съ рожденіемъ; человѣкъ долженъ его пріобрѣсть, надобно къ сей искрѣ души придать орудія и силы вещественныя, чтобы раздувая ее, произвести и поддерживать пламя; и каковы были впечатлѣнія, надъ человѣкомъ произведенныя, образцы, коимъ онъ слѣдовалъ, каковы у него душевныя силы и крѣпость сердца, коими принаравливалъ сіи различныя впечатлѣнія къ пропорціи своей внутренности; въ такой точно мѣрѣ умъ его бываетъ богатъ, или бѣденъ, слабъ или здравъ, изуродованъ или благообразенъ.

Предвѣчные законы Провидѣнія, объемлющіе и цѣлое и части съ одинакою силою, опредѣляютъ судьбы каждаго. Человѣкъ, уповай на своего Творца, и дѣйствуй по даннымъ тебѣ силамъ! Обольщаетъ ли насъ Природа обманчивыми впечатлѣніями чувствъ нашихъ, мы должны, повинуясь ей, давать себя обольщать; но въ такомъ случаѣ, сколько бы было людей одинакихъ органовъ, столько бы было и обольщаемыхъ однооб-

разно. Обольщаютъ ли насъ люди, и мы не имѣемъ столько силы или óргана, чтобы проникнуть обольщеніе и соединить наши впечатлѣнія въ лучшей пропорціи: тогда умъ нашъ впадаетъ въ состояніе уродливое, и часто остается таковымъ на всю жизнь. Поелику человѣкъ, по своему инстинкту и предназначенію, долженъ всему учиться, подобно тому, какъ учится прямо ходить; поелику научается ходить посредствомъ паденія: то часто посредствомъ заблужденій и достигаетъ до истины. Гдѣ надобно учиться, тамъ предполагаются трудности и погрѣшности. Вмѣсто того, безсмысленное животное носится на своихъ четырехъ ногахъ; ибо его ведетъ ярче изрытая пропорція óргановъ и побужденій. Человѣкъ возносятъ голову и стоя прямо, имѣетъ царское преимущество, созерцать окрестъ себя далеко. И хотя въ семъ мірѣ созерцаетъ онъ многое не ясно и обманчиво, хотя иногда забываетъ даже свои шаги, доколѣ спотыканіе не припоминаетъ ему, на какомъ зыбкомъ основаніи опирается все зданіе его понятій и разсужденій: со всѣмъ тѣмъ онъ созерцаетъ многое, и по образованію своего ума остается всегда тѣмъ, чѣмъ никакое другое земнородное твореніе быть не можетъ, остается божественнымъ обладателемъ земли.

Дабы возчувствовать всю высокость сего назначенія, размыслимъ, чтó заключается въ превосходныхъ дарахъ: *умѣ* и *свободной волѣ*, и сколь велика была отвага Природы, когда ввѣрила оныя столь слабому, многосложному земному организму, каковъ человѣкъ. Безсмысленное животное есть только согбенный рабъ, не взирая на то, что нѣкоторыя благороднѣйшія изъ нихъ возносятъ головы свои, или по крайней мѣрѣ вытянутыми впередъ шеями ищутъ свободы. Душа ихъ, къ уму еще несозрѣвшая, должна служить самымъ грубымъ нуждамъ, и въ сей службѣ только издалека приготовляется къ настоящему употребленію чувственныхъ орудій и склонностей. Человѣкъ есть на землѣ первый отпущенный на волю; онъ стоитъ прямо, держа въ рукахъ вѣсы добра и зла, истины и лжи; умѣя изслѣдывать, онъ долженъ избирать. Природа одарила его свободными руками для дѣйствія; многозрящимъ окомъ, для освѣщенія пути; затѣмъ во власти его не только устанавливать гири, но, если позволено сказать, и самаго себя поставить на вѣсы. Онъ умѣетъ самому обманчивому заблужденію дать благій видъ и добровольно себя обманывать; даже цѣпи страстей, коими иногда окованъ вопреки своей Природѣ, научается онъ со временемъ любить и укра-

шать разными цвѣтами. Что случилось съ обманутымъ умомъ, случается и съ свободною волею, которую иногда человѣкъ по ложнымъ призракамъ употребляетъ во зло, или заключаетъ въ оковы пагубныя. Она у многихъ состоитъ въ соотвѣтствіи съ тѣмъ состояніемъ силъ и побужденій, какое дано имъ прихотями и навыкомъ. Рѣдко человѣкъ далѣе ихъ простираетъ взоры; бывъ же связанъ низкими побужденіями и окованъ отвратительными привычками, можетъ учиниться хуже безсмысленнаго животнаго.

Со всѣмъ тѣмъ, по свободной своей волѣ, онъ и при самомъ злоупотребленіи оной остается еще обладателемъ. Хотя избираетъ худшее, но всегда избирать можетъ; и низведши себя по собственному выбору до самой низкой степени, онъ все имѣетъ еще власть надъ собою. Предъ Всевидящимъ, насадившимъ въ немъ сіи силы, конечно и умъ, и воля человѣка ограничены, и ограничены счастливо, ибо сотворившій источникъ, умѣлъ также предвидѣть и всякое его разлитіе, умѣетъ управлять имъ такъ, что разливающаяся рѣка при всей буйности не можетъ исторгнуться изъ его рукъ; но чрезъ то въ самой вещи и въ натурѣ человѣка ничто не перемѣняется. Воля его сама по себѣ есть и остается

всегда свободною, хотя благость Вседержителя ее объемлетъ, и въ самыхъ заблужденіяхъ направляетъ къ собственному ея и къ общему благу. Никакая брошенная вверхъ частица атмосферы не можетъ улетать за ея предѣлы, и падая обратно, движется по однимъ и тѣмъ же законамъ Природы; такъ и человѣкъ, въ истинѣ или заблужденіи, въ паденіи или пареніи, всегда тотъ же человѣкъ: хотя слабый младенецъ, однако свободнорожденный; если не совсѣмъ еще умный, однако способный къ лучшему уму; если еще необразованный къ человѣческому достоинству, но имѣющій все къ тому удобства. И людоѣдъ въ Новой Зеландіи и Фенелонъ, и извергъ Пешерей и Ньютонъ суть творенія одного и того же рода.

За тѣмъ кажется, что и въ отношеніи сихъ даровъ совершены на землѣ всѣ, на ней возможныя измѣненія; является постепенный рядъ существъ хотя одного рода, но одно совершеннѣе другаго, рядъ, начинающійся отъ людей, смежныхъ уже съ животными и досягающій до самаго превосходнаго генія въ образѣ человѣческомъ. Мы не должны сему удивляться, видя въ твореніяхъ ниже себя ту постепенность, съ каковою одинъ родъ становится выше другаго, образуя собою безпрерывную, величайшую цѣпь

до самаго рода человѣческаго. Какой дальній путь Природа должна была пройти въ постепенныхъ разновидныхъ образованіяхъ, предуготовляя для насъ малый, возникающій цвѣтъ ума и свободной воли! Не подлежитъ сомнѣнію, что на землѣ нашей существуетъ все то, что на ней существовать можетъ, но что мы въ состояніи будемъ удовлетворительно себѣ объяснить порядокъ и мудрость сей богатой полноты только тогда, когда однимъ шагомъ далѣе узримъ цѣль, для коей надлежало тому и другому возникать въ великомъ вертоградѣ Природы. Здѣсь видимъ только законы необходимости: вся земля и въ самыхъ дикихъ пространствахъ должна быть обитаема, и единственно тотъ, кто ее такъ расширилъ, знаетъ причину, для чего допустилъ существованіе и Пешереевъ и Ново-Зеландцевъ въ сихъ мірахъ своихъ.

Между тѣмъ и самый величайшій презиратель рода человѣческаго не можетъ отрицать того, что даже въ толь многихъ дикихъ развитіяхъ умъ и свободная воля раскрыты въ чадахъ земли; что и сіи благородныя, одушевленныя растенія, подъ сіяніемъ небеснаго солнца также приносили превосходные плоды. Кто не знаетъ Бытописанія, едва ли вообразитъ, до какихъ вы-

сотъ достигаетъ человѣческій умъ, дерзая не только наблюдать Творческую Вседержительную силу, но даже ей подражать въ созиданіяхъ. Въ хаосѣ существъ, показываемыхъ ему чувствами, искалъ онъ единства и ума, законовъ, порядка и изящности, искалъ и находилъ. Самыя сокровенныя силы, коихъ внутренности онъ вовсе не знаетъ, подстерегалъ онъ въ ихъ наружномъ ходѣ; изыскивалъ движеніе, количество, мѣру, жизнь и даже сущность, гдѣ только въ небѣ и на земли примѣчалъ ихъ дѣйствія. Всѣ въ томъ испытанія его, даже тамъ, гдѣ онъ заблуждался, или только могъ мечтать, суть доказательства его величія, богоподобной силы и возвышенности. Всесозидавшее Существо и подлинно вложило въ слабую нашу организацію лучь своего свѣта, отпечатокъ свойственной ему крѣпости; и сколь впрочемъ степень человѣка ни есть еще самая низкая, однако жъ онъ можетъ сказать самому себѣ: „Я имѣю въ себѣ нѣчто подобное „Богу; я одаренъ способностями, кои дол„жно имѣть и самое возвышенное изъ по„знаваемыхъ мною Его созданій; ибо ихъ „откровеніе совершается окрестъ меня.“ Явно, что подобіе сіе было *итогомъ* земнаго творенія; выше уже оно здѣсь идти не могло, до сей степени достигло оно чрезъ длин-

ный рядъ организмовъ, кои въ частныхъ видахъ, испытывая безчисленныя измѣненія, въ совокупности однако же являютъ общее единообразіе.

Равномѣрно и свободная воля въ образѣ человѣческомъ какія производила чудесныя явленія! Какое презрѣніе плотскихъ побужденій и неимовѣрное стремленіе къ достиженію своихъ предпріятій! Человѣкъ, преодолѣвая произвольное влеченіе страстей, добровольно подвергается узамъ брачныхъ союзовъ, узамъ товарищественной дружбы, взаимнаго вспомоществованія и вѣрности на жизнь и смерть; ограничивая собственную волю, подвергается законамъ общественнымъ, и защищаетъ ихъ правленіе своею кровію и жизнію. Сего мало. Чего не предпринимаютъ доблестные мужи для своего отечества! Въ бурныя минуты не дорожатъ ни жизнію, ни стяжаніемъ времени и трудовъ; съ умиленіемъ приносятъ ихъ въ жертву для спасенія другихъ. Какимъ страданіямъ и преслѣдованіямъ подвергаются великія души, когда по ихъ мнѣнію дѣло идетъ о спасеніи рода человѣческаго. Вотъ высокость человѣка, къ которой неспособно никакое другое земное твореніе. Правда, и между людьми немногіе преуспѣваютъ въ сихъ добродѣтеляхъ; но сіи-то немногіе

составляютъ именно цвѣтъ рода человѣческаго. Ихъ имена сіяютъ между милліонами. Они велики даже въ заблужденіяхъ. Мыслію управляя тѣломъ, и духомъ преодолѣвая земное, показываютъ силу небесную, силу, коею человѣкъ вознесенъ превыше всѣхъ земнородныхъ.

V.

Человѣкъ созданъ къ нѣжнѣйшему здоровью, вмѣстѣ однако къ сильнѣйшей прочности, а за тѣмъ къ распространенію по всей землѣ.

Съ прямообразнымъ ходомъ, человѣкъ получилъ нѣжность, теплоту и крѣпость, коихъ никакое животное достигнуть не можетъ. Въ состояніи дикомъ былъ бы онъ большею частію покрытъ волосами, особенно на спинѣ; это было бы то покрывало, о лишеніи коего старшій Плиній такъ горестно сѣтуетъ на Природу. Благодѣтельная матерь дала человѣку красивѣйшее покрывало, его нѣжную, но прочную кожу, которая можетъ противостоять всѣмъ ненастьямъ погоды, всѣмъ климатамъ, если только немного приходитъ на помощь искусство,

которое у сего творенія есть второю Природою.

Къ сему искусству ведетъ его не только нагая нужда, но и чувство болѣе человѣческое, красивѣйшее — милая стыдливость. Пусть нѣкоторые Философы говорятъ, что хотятъ, но она человѣку сродна, и даже въ нѣкоторыхъ животныхъ уже примѣтно темное подобіе сего чувства; обезьяна самка прикрывается, а слонъ для сочетанія ищетъ темныхъ, уединенныхъ лѣсовъ. Еще мы не знаемъ на земли такого звѣрскаго народа, который бы не любилъ прикрытія; особенно у женщинъ съ тѣхъ лѣтъ, когда у нихъ пробуждаются склонности, тѣмъ болѣе, что чувствительныя нѣжныя части и прочія обстоятельства требуютъ крова. И такъ человѣкъ былъ побуждаемъ къ одеждѣ прежде чувствами, нежели въ ней или въ мази сталъ искать защиты противъ свирѣпости стихій и кусанія насѣкомыхъ. Между всѣми благороднѣйшими животными самка хочетъ, чтобы ее искали, и себя не предлагаетъ: этимъ она, сама не вѣдая, исполняетъ виды Природы, ее покрывающей: и у человѣка женщина, болѣе отъ Природы нѣжная, есть мудрая хранительница милой стыдливости, которая при

прямомъ видѣ нашемъ весьма скоро долженствовала развиться.

Такимъ образомъ человѣкъ получилъ одежду; коль скоро пріобрѣлъ облаченія и нѣкоторыя другія искусства, то сдѣлался способнымъ къ перенесенію всякаго климата земли и къ обладанію оною. Немногіе роды животныхъ, почти одинъ пёсъ, въ состояніи были за нимъ слѣдовать по всѣмъ странамъ; но съ какимъ измѣненіемъ своего вида, съ какимъ преобразованіемъ темперамента! Только человѣкъ менѣе испыталъ измѣненій, въ существенныхъ же частяхъ вовсе не перемѣнился. Нельзя довольно надивиться уцѣлѣвшей въ немъ Природѣ, когда видятъ столь разительныя перемѣны въ сопутствовавшихъ ему животныхъ. Его нѣжная натура такъ опредѣлительна, столь совершенно образована, что онъ стоитъ на самой высокой степени, и немногія измѣненія, коимъ подвергаться можетъ, такъ незначительны, что ихъ даже нельзя еще назвать отступленіями отъ кореннаго образца. Что всему тому причиною? Опять его прямое тѣлостроеніе. Оно есть основаніе многихъ его преимуществъ. Когда бы мы ходили на четверенькахъ, подобно медвѣдю и обезьянѣ, то и человѣческія породы держались бы своихъ единственныхъ мѣстъ,

не оставляя оныхъ никогда. Человѣко-медвѣдь столь исключительно любилъ бы свою холодную, сколько бы человѣко-обезьяна любила единственно свою теплую родину; и нынѣ извѣстно, что чѣмъ народъ звѣрообразнѣе, тѣмъ менѣе удаляется онъ отъ своей земли и климата.

Природа, возвышая человѣка, возвысила его на степень обладателя земли. Прямообразный видъ вмѣстѣ съ благороднымъ тѣлостроеніемъ даютъ ему искуственнѣйшее кровообращеніе, многообразнѣйшую смѣсь жизненныхъ соковъ, слѣдственно и ту ретивѣйшую, крѣпчайшую температуру жизненной теплоты, съ которою онъ исключительно можетъ быть жителемъ и Сибири и Африки. Единственно посредствомъ своего прямостоящаго, искуственнаго, органическаго строенія онъ въ состояніи, мало только перемѣняясь, переноситъ и зной и холодъ, чего ни одно земное твореніе не въ состояніи.

Правда, съ таковымъ нѣжнѣйшимъ тѣлостроеніемъ и всѣми послѣдствіями онаго, открыта также дверь большему ряду болѣзней, неизвѣстныхъ безсловесному животному и исчисленныхъ Москатіемъ. Кровь, совершающая свое обращеніе въ прямостоящей машинѣ, сердце стѣсняясь въ косвенномъ положеніи, кишки, дѣйствующія въ стоя-

щемъ соотношеніи, подвержены у насъ болѣе опасности разрушенія, нежели въ тѣлѣ животнаго. Въ особенности, кажется, женскій полъ дороже пріобрѣтаетъ бо́льшую свою нѣжность... однако и въ томъ Природа тысячекратно насъ вознаграждаетъ и облегчаетъ: ибо за то наше здоровье, наше благосостояніе, всѣ ощущенія и прелести нашего существа бываютъ живѣе и сладостнѣе. Ни одно животное ни на минуту не наслаждается человѣческимъ здоровьемъ и веселіемъ; не вкушаетъ ни капли того нектарнаго теченія, которое піетъ человѣкъ; даже и въ отношеніи тѣлесномъ болѣзни животнаго хотя менѣе числомъ, для того, что его тѣлостроеніе грубѣе, но за то продолжительнѣе и сильнѣе. Его клѣтчатый составъ, его нервныя кожи, кости, жилы, даже мозгъ грубѣе, нежели наши; для того всѣ земныя животныя вокругъ человѣка (исключая, можетъ быть, одного слона) живутъ краткозременнѣе, нежели человѣкъ, и естественною смертію прежде, нежели онъ, умираютъ. Такимъ образомъ Природа устроила его къ жизни столь долговременной, здоровой, радостной, елико только земный организмъ воспріять можетъ. Ничто легче и многообразнѣе себѣ не помогаетъ, какъ многородная натура человѣческая. Чтобы маши-

ну нашу ослабить и разстроить, потребно къ тому непомѣрное распутство, такое множество безумныхъ пороковъ, къ коимъ ни одно животное не способно. Благодѣтельно дала Природа каждому климату тѣ зелія, которыя полезны въ болѣзняхъ человѣческихъ, и только смѣшеніе всѣхъ климатовъ могло сдѣлать Европу скопищемъ золъ, коихъ не имѣетъ никакой народъ, живущій согласно съ Природою. Но за то вознаградила искусствомъ врачебнымъ, которое, исключая частныя погрѣшности, вообще противудѣйствуетъ многимъ, искусствомъ же пріобрѣтаемымъ недугамъ. Впрочемъ, поелику въ нынѣшнемъ организмѣ нашемъ представляются многіе предметы, кои кажутся намъ несовершенными по причинѣ нашей ограниченности; то и не можемъ судить о умноженіи родовъ болѣзней въ сравненіи съ великою метою Природы въ распространеніи рода человѣческаго по всему шару земному. Какія отъ того произошли уже и еще произойти могутъ важныя послѣдствія!

И въ опредѣленіи вѣка человѣческаго, какія видны попеченія и мудрость Божіяго промысла! Всѣ земныя одушевленныя творенія, кои должны скоро совершить свое бытіе, скоро также и растутъ; они рано и созрѣваютъ и скоропостижно приближают-

ся къ краю жизни. Человѣкъ, яко растущее выспрь небесное древо, медленно произрастаетъ. Онъ, подобно слону, долѣе остается во чревѣ матери; время юности его продолжительно, несравненно продолжительнѣе, нежели у всякаго другаго животнаго. И такъ счастливое время, въ которое человѣкъ учится, произрастаетъ, радуется жизни и наслаждается ею безпорочно, Природа продолжаетъ такъ долго, сколько лишь можно. Нѣкоторыя животныя достигаютъ полнаго своего образованія въ немногіе годы, дни, почти даже въ минуту рожденія; тѣмъ однако бываютъ они несовершеннѣе и преждевременнѣе умираютъ. Человѣкъ долженъ учиться долѣе, для того, что ему надобно многому научиться: у него все зависитъ отъ способностей, ума, искусства, пріобрѣтаемыхъ собственными силами. Буде послѣ того безчисленнымъ полчищемъ случаевъ и опасностей жизнь его и сокращается: то, между тѣмъ, однако вкушалъ онъ свою безпечную юность; ибо съ его тѣломъ и душею возрасталъ и окружающій его міръ; ибо съ продолжительнымъ, все вышевозносимымъ и далѣе распространяющимся кругозрѣніемъ его распространялся и кругъ его надеждъ, и юное, благородное сердце его въ быстромъ любопытствѣ, въ

нетерпѣливомъ мечтаніи научалось биться сильнѣе при всемъ великомъ, благомъ и изящномъ. Цвѣтъ плодородія у человѣка здороваго и нераздраженнаго развивается позже, нежели у всякаго другаго животнаго; ибо онъ долженъ жить долго и беречь соки душевныхъ и тѣлесныхъ своихъ силъ. Насѣкомое, которое начинаетъ рано служить любви, рано и умираетъ; всѣ цѣломудренныя четообразныя творенія живутъ долѣе, нежели безбрачныя. Похотливый пѣтухъ скоро умираетъ; вѣрная горлица можетъ прожить до пятидесяти лѣтъ. И для любимца Природы устроенъ въ здѣшнемъ мірѣ брачный союзъ; въ первыя свѣжія лѣта жизни своей, да живетъ самому себѣ свитою почкою невинности. За тѣмъ слѣдуютъ длинныя лѣта мужественныхъ и бодрѣйшихъ силъ, въ теченіе коихъ созрѣваетъ его умъ, который у человѣка вмѣстѣ даже съ плодородными силами процвѣтаетъ до глубокой старости, неизвѣстной для животныхъ, пока наконецъ приходитъ тихая смерть и какъ тлѣнный прахъ, такъ и заключенный въ немъ духъ искупаетъ отъ чуждаго имъ совокупленія. И такъ въ непрочномъ строеніи человѣческаго тѣла Природа истощила все искусство, какое только земный составъ удобенъ принять; и даже въ томъ, что со-

кращаетъ и ослабляетъ жизнь, она по крайней мѣрѣ вознаградила краткость наслажденія бо́льшею чувствительностію, разрушительное дѣйствіе ощутительнѣйшею силою.

VI.

Родъ нашъ созданъ къ достоинству человѣчества и къ Богопочитанію.

Желалъ бы я словомъ человѣчество обнять все сказанное мною доселѣ о благородномъ созиданіи человѣка къ уму и свободной волѣ, къ тончайшимъ чувствамъ и побужденіямъ, къ крѣпчайшему и нѣжнѣйшему здоровью, къ наполненію земли и обладанію ею; никакое слово не изображаетъ столько человѣка, сколько онъ самъ; ибо въ немъ живетъ отпечатокъ Творца. Дабы раскрыть благороднѣйшія его обязанности, надобно только начертать образъ его:

1) Всѣ побужденія живущаго творенія имѣютъ главнымъ основаніемъ *самосохраненіе и участіе въ другихъ*. Органическое строеніе человѣка, при высшемъ направленіи, даетъ симъ склонностямъ отличнѣйшій порядокъ. Такъ какъ простая черта есть крѣпчайшая, то и человѣкъ имѣетъ къ своей защитѣ, извнѣ малѣйшее пространство, внутри же

многообразную силу быстроты. Онъ стоитъ на самомъ небольшомъ основаніи, и за тѣмъ съ легчайшею удобностію можетъ прикрывать свои члены; точка его тяжести падаетъ между двухъ опоръ, въ гибкости коихъ и крѣпости никакое земное твореніе не можетъ сравняться съ человѣкомъ. Сжатая мѣдная грудь его и орудія мышицъ въ семъ мѣстѣ даютъ ему свыше пространнѣйшій кругъ защищенія, чтобъ охранять сердце и заслонять благороднѣйшія части отъ головы до колѣнъ. Не басни то, что люди боролись со львами и ихъ побѣждали; Африканецъ схватывается болѣе нежели съ однимъ, если съ осторожностію соединяетъ хитрость и силу. Между тѣмъ не подлежитъ сомнѣнію, что сложеніе человѣка болѣе устроено къ защищенію, нежели къ нападенію; въ послѣднемъ долженъ онъ прибѣгать къ искусству; въ разсужденіи же перваго онъ есть крѣпчайшее твореніе на земли. И такъ самый образъ его научаетъ миролюбію, а не хищнымъ опустошеніямъ: вотъ первый признакъ *человѣчества*! —

2) Между побужденіями, относящимися къ другимъ, плодотвореніе есть самое сильнѣйшее; у человѣка и сіе принаровлено къ достоинству человѣчества. Что у четвероногихъ, не исключая и слона, есть сочетаніе бываетъ у человѣка по его строенію обнятіемъ и цѣлованіемъ. Ни одно животное не имѣетъ человѣческой губы, коей верхній тонкій желобокъ какъ послѣдняя черта перста любви, образуется въ обликѣ у плода во чревѣ матери позже, дабы сія губа смыкалась красиво и выразительно. Затѣмъ никакого животнаго не касается стыдливое сказаніе древняго языка: *и позна жену свою*. Старинная басня говоритъ, что нѣкогда оба пола росли подобно цвѣтамъ вмѣстѣ, но потомъ раздѣлились; симъ и подобными остроумными баснями Древніе хотѣли въ сокровенномъ видѣ изъяснить преимущество человѣческой любви предъ прочими животными.

А что у человѣка то побужденіе не подлежитъ, подобно прочимъ животнымъ, временамъ года (хотя о переворотахъ по сей части въ человѣческомъ тѣлѣ еще не сдѣлано точныхъ изслѣдованій): сіе ясно доказываетъ, что оно долженствуетъ зависѣть не отъ принужденія, но отъ свободнаго чувствованія любви; что оно должно повиноваться правиламъ ума и быть руководимо тою же свободною умѣренностію, коей подлежитъ все внутри и внѣ человѣка, до него касающееся. И любовь у человѣка должна быть согласна съ его до-

стоинствомъ; она должна быть человѣческою. Природа согласно тому устроила у него позднее развитіе плодородныхъ частей, продолженіе и соотношеніе побужденій въ обоихъ полахъ; она даже привела сіе побужденіе подъ законы общественнаго, свободнаго союза, дружественной взаимности двухъ существъ, кои во всю жизнь чувствуютъ себя во-едино сопряженными. Таковъ долженъ быть человѣкъ совершенный; таковымъ быть можетъ; ибо по мѣрѣ отступленія отъ сихъ правилъ, онъ удаляется отъ идеала человѣчества и низпадаетъ на степень смежную съ цѣнью безсмысленныхъ животныхъ.

3. Поелику, кромѣ любви, всѣ прочія нѣжныя чувствованія ограничиваются мысленнымъ въ другихъ участіемъ, то Природа насадила въ человѣкѣ чувство соучастія въ высшей предъ прочими живущими степени; она, составила его такъ сказать, изъ всего, придавъ ему столько подобія со всякимъ царствомъ земныхъ твореній, сколько нужно къ сочувствію съ каждымъ. Жилочное его строеніе такъ упруго, тонко и нѣжно, нервное строеніе такъ переплетено съ жилочнымъ его существомъ, что онъ, яко подобіе всепроницающаго Божества, можетъ воображать себя во всякомъ твореніи, вмѣстѣ съ нимъ радоваться и стра-

дать. И въ деревѣ существо наше принимаетъ участіе, поколику оно вмѣщаетъ въ себѣ свойство растущаго, зеленѣющаго дерева. Есть люди, кои не могутъ равнодушно переносить паденія или изуродованія дерева въ его зеленѣющей молодости; изсохшій вѣнокъ его насъ опечаливаетъ; мы горюемъ надъ поблекшими милыми цвѣточками. Извиваніе подавленнаго червя не бываетъ равнодушнымъ для человѣка нѣжнаго; и чѣмъ твореніе совершеннѣе, чѣмъ организмъ его ближе къ нашему, тѣмъ болѣе страданіе его возбуждаетъ наше сочувствіе. Весьма жесткіе нервы потребны къ тому, чтобы разрѣзать живущее твореніе и обращать напряженное вниманіе на его судороги; ненасытная только алчность къ славѣ и познаніямъ могли постепенно заглушить сіе органическое сострадание. Нѣжныя женщины не въ состояніи смотрѣть на разсѣченіе членовъ мертваго даже тѣла; онѣ чувствуютъ боль въ каждомъ членѣ, который предъ ихъ глазами насильственно разрушается, и сіе тѣмъ болѣе, чѣмъ нѣжнѣе и благороднѣе тѣ члены. Растерзанная внутренность производитъ ужасъ и изступленіе; изрѣзанное сердце, проколотое легкое, сокрушенный мозгъ рѣжетъ и колитъ ножемъ собственные наши члены. Въ тѣлѣ любезнаго намъ покой-

ника мы принимаемъ участіе и во гробѣ; мы ощущаемъ хладную могилу, которой онъ болѣе не ощущаетъ, и ужасъ насъ объемлетъ, коль скоро лишь костей его прикасаемся. Такъ Природа симпатически устроила тѣло человѣка. Она, изъемля все изъ самой себя, вмѣстѣ сочувствуетъ всему въ глубочайшемъ соотвѣтствіи. Жилочками преисполненный и переплетенный составъ человѣка, его сочувствующее нервное строеніе, не нуждается въ воззваніи ума; они предупреждаютъ его, даже по большой части могущественно и безразсудно ему противодѣйствуютъ. Обращеніе съ бѣшеными, въ коихъ принимаемъ участіе, производитъ самое бѣшенство, и тѣмъ скорѣе, чѣмъ болѣе человѣкъ того страшится.

Удивительно, что на возбужденіе и подкрѣпленіе сего сочувствія, слухъ гораздо болѣе дѣйствуетъ, нежели зрѣніе. Вздохъ, крикъ терпящаго животнаго, привлекаютъ всѣхъ ему подобныхъ, кои печально стоятъ около стенящаго, будучи готовы преподать ему всякую помощь. И у человѣка изображеніе боли производитъ скорѣе ужасъ и страхъ, нежели нѣжное сострадание; но какъ только гласъ страждущаго насъ призываетъ, тогда мы, забывая самихъ себя, спѣшимъ къ нему; быстрое пораженіе пронзаетъ насквозь душу нашу.

Происходитъ ли сіе отъ того, что голосъ, проницая душевныя изображенія ока, отражая обратно собственныя и чужія чувствованія, соединяетъ ихъ въ одну точку? или находится еще глубшая органическая причина? Довольно опытъ подтверждаетъ истину событія, и показываетъ у человѣка основаніе большаго сочувствія посредствомъ *голоса* и *слова*. Что не умѣетъ воздыхать, въ томъ менѣе принимаемъ участія, для того, что твореніе безъ легкаго менѣе совершенно, менѣе подобно намъ своимъ образованіемъ. Нѣкоторые отъ Природы глухонѣмые показываютъ самые горестные примѣры несострадательности къ животнымъ и даже къ людямъ; опыты сей нечувствительности встрѣчаемъ еще между дикими племенами. При всемъ томъ и у нихъ видимъ законъ Природы. Родители, кои будучи тѣснимы нуждою и голодомъ, предаютъ своихъ дѣтей смерти, посвящаютъ ихъ сей жертвѣ во чревѣ матери, пока еще не видѣли ихъ ока, не слышали ихъ голоса; несчастныя матери, коснувшіяся жизни дѣтей своихъ, признавались, что ничто ихъ столько не отягощало и такъ долго не оставалось въ ихъ памяти, какъ первый вопль, первый молящій гласъ младенца.

4. Сколь величественна цѣпь, коею все-

чувствующая матерь держитъ сочувствія своихъ чадъ, и ее отъ звѣна къ звѣну все выше образуетъ! Гдѣ твореніе еще тупо и такъ сыро, что не въ состояніи пещись о самомъ себѣ, тамъ еще не ввѣряется ему забота о дѣтяхъ. Птицы высиживаютъ и воспитываютъ своихъ птенцевъ съ материнскою любовію; напротивъ, безсмысленный строусъ ввѣряетъ песку свои яица. „Онъ забываетъ," говоритъ древняя книга, что яица сіи могутъ быть раздавлены копытомъ, „или повреждены дикимъ зверемъ; ибо Богъ „лишилъ его мудрости и не далъ ему разу„ма." По одной и той же органической причинѣ, когда твореніе получаетъ болѣе мозгу, получаетъ оно и болѣе теплоты, раждаетъ или высиживаетъ живущихъ, кормитъ ихъ и получаетъ материнскую къ нимъ любовь. Новорожденное одушевленное твореніе есть клубокъ нервовъ материнскаго существа, и вскармливаемое дитя есть отпростокъ цвѣтка питающей его матери, частію ея самой. На семъ сильнѣйшемъ сочувствіи основаны въ домостроительствѣ животнаго всѣ тѣ нѣжныя побужденія, коими только природа его племени облагорожена быть могла.

У человѣка материнская любовь находится на несравненно высшей степени: вотъ уже опять отрасль человѣческаго

достоинства въ его прямовидномъ образѣ. Подъ окомъ матери лежитъ сосущій на ея колѣнахъ, и вкушаетъ нѣжнѣйшую и тончайшую пищу. И жесточайшее безчеловѣчіе укрощается родительскою и домашнею любовію; въ домѣ родительскомъ основалось первое общество, соединенное узами крови, довѣренности и любви. Для разрушенія дикости и пріученія къ домашнему житію, младенчество нашего племени должно быть продолжительнѣе; Природа нѣжными узами принуждаетъ и содержитъ семейства вкупѣ, дабы люди не разсѣялись и не забывали другъ друга, подобно животнымъ, созрѣвающимъ въ короткое время. Отецъ воспитываетъ, мать вскармливаетъ; дитя возрастаетъ; образуется единство, звено въ цѣпи человѣчества. Вотъ начало общежитія людей, безъ коего человѣкъ существовать не можетъ. Нужно ли еще доказывать, что онъ самою Природою устроенъ къ сему образу жизни? Сіе возвѣщаетъ ему сочувствіе родителей: сіе возвѣщаютъ ему лѣта долговременнаго младенчества.

5. Поелику человѣкъ есть существо органическое, изъ многоразличныхъ частей составленное, коего сочувствіе само по себѣ дѣйствуя слѣпо, могло бы дать его побужденіямъ смѣшанныя и кривыя направленія,

особенно по предметамъ отъ него отдаленнымъ и отвлеченнымъ; то мудрая матерь свела тонкіе и нѣжно переплетенные стволы сего одушевленнаго дерева подъ одно простое, непогрѣшимое основаніе, состоящее въ правилѣ справедливости и истины. Человѣкъ созданъ къ откровенности, и если отъ того отступаетъ, то употребляетъ только во зло дарованныя ему искусство и свободную волю; по мѣрѣ же отступленія, удаляется отъ достоинства человѣчества. Такъ какъ въ его тѣлѣ все должно служить головѣ, какъ у него два ока видятъ одну вещь, какъ два уха слышатъ одинъ звукъ; какъ Природа во всей наружности облаченія вездѣ соединяетъ симметрію съ единствомъ, и сіе единство ставитъ въ срединѣ, дабы обоюдное указывало только на оное: такъ и внутри къ руководству равновѣсія въ нравственныхъ отношеніяхъ человѣка, насажденъ въ немъ единственный главный законъ: *чего не хочешь, чтобы другіе тебѣ дѣлали, того не дѣлай другимъ; чего хочешь, чтобы другіе тебѣ дѣлали, дѣлай то и другимъ.* Сіе неоспоримое правило отзывается и въ сердцѣ самаго дикаго изверга: онъ чувствуетъ, что за причиняемое зло воздадутъ ему равною мѣрою. Однѣ страсти, дурные примѣры, привычки, одни заблу-

жденія заглушаютъ сей священный гласъ Природы. Въ семъ законѣ заключается оселокъ правосудія, всѣ связи общежитія, дружбы и благодарности. Чѣмъ человѣкъ ближе къ сему правилу, тѣмъ ближе онъ къ совершенству, или къ тому образу, каковымъ человѣкъ быть можетъ и долженъ; по мѣрѣ же отступленія, удаляется онъ отъ достоинства человѣчества и низпадаетъ ближе къ степени безсловесныхъ животныхъ.

6. Прямый видъ человѣка, красивый его образъ, сами предписываютъ ему благопристойность; она милый другъ истины и справедливости. Мы не любимъ въ другихъ неблагопристойности; не должны ее показывать въ себѣ другимъ, согласно вышесказанному общему коренному закону человѣчества. Благопристойностію тѣла разумѣемъ то, чтобы держать оное такъ, какъ Богъ его создалъ; истинная красота не что иное, какъ пріятная форма внутренняго совершенства и здоровья. Если подобіе Божіе, видъ человѣка, обезображивается нерадивостію и ложнымъ искусствомъ, выдираніемъ или склокочиваніемъ волосъ, просверливаніемъ и натягиваніемъ носа или ушей, искаженіемъ шеи или другихъ частей тѣла — безпосредственно ли, или посредствомъ одежды, то можно ли это почитать благопри-

стойностію? Какая мода, или слѣпоподражательная привычка можетъ оправдать такое искаженіе Природы? Испорченный вкусъ, хотя бы многими былъ принятъ, хотя бы продолжался долгое время, всегда останется порокомъ, оскорбляющимъ достоинство человѣчества. То же самое относится къ обычаямъ, нравамъ, Наукамъ, Искусствамъ, и употребленію языка. Чѣмъ въ отношеніи ихъ человѣкъ ближе къ природной красотѣ, тѣмъ онъ ближе къ своему идеалу, къ достоинству человѣчества; чѣмъ отдаленнѣе въ обычаяхъ или во вкусѣ (происходитъ ли то отъ варварства, или отъ ложныхъ искусствъ), въ той же мѣрѣ удаляется онъ отъ совершенства человѣческаго и унижается. Изысканіе сей точки достоинства есть истинное любомудріе человѣка, вызванное извѣстнымъ мудрецомъ съ неба, и обнаруживающееся какъ въ обхожденіи, такъ и въ Политикѣ, въ Наукахъ и Художествахъ.

Наконецъ приступаю къ главнѣйшему качеству человѣческаго достоинства, къ Богопочитанію. Не подлежитъ разбору нашему различіе способовъ, коими люди изъявляютъ оное; упомянемъ только, что нѣтъ ни одного человѣческаго племени, хотя и самаго дикаго, который не имѣлъ бы какого нибудь понятія о Богѣ. Сіе доказываетъ,

что Богопочитаніе исключительно принадлежитъ къ достоинству человѣка, что онъ къ тому устроенъ самою Природою. Воззрѣвъ на чудесное міроздание, воззрѣвъ на самаго себя, все возвѣщаетъ намъ Создателя. Подтверждаетъ сіе внутренній гласъ человѣка. Въ опасностяхъ, въ страданіяхъ, въ день печали, на одрѣ смерти, Богопочитаніе его укрѣпляетъ, утѣшаетъ. Горе ему, если какимъ либо случаемъ онъ потеряетъ сіе природное чувство; если потеряетъ вѣру въ томъ, что есть невидимая сила, управляющая нашими судьбами, общими и частными. Богопочитаніе есть душа общежитія; одни гражданскіе законы не въ состояніи воздержать сокрытыхъ преступленій; только страхъ Божій въ сердцѣ есть имъ преграда: можетъ ли человѣкъ имѣть довѣренность къ человѣку, который не нося въ самомъ себѣ невидимаго свидѣтеля и судіи своихъ помышленій, безбоязненно готовъ на коварство и вѣроломство? И можетъ ли быть счастливая и прочная связь въ общежитіи безъ взаимной довѣренности? И гласъ совѣсти, радующій человѣка послѣ добраго дѣла, опечаливающій его послѣ худаго, и часто даже воздерживающій отъ послѣдняго, сей гласъ не есть ли гласомъ правосуднаго Бога, хранителя рода человѣческаго? Правда, сопряженныя съ

Богопочитаніемъ понятія бываютъ у людей разнообразны по разнообразію ихъ положенія, имѣющаго однако свое основаніе въ перстѣ непостижимаго для насъ Вседержителя. Степень просвѣщенія, мѣстныя происшествія, преданія, воспитаніе, привычки, производятъ различныя понятія, различные образы Богослуженія, борьбу во мнѣніяхъ, всегдашнюю спутницу дѣйствій видимаго организма: но самое Богопочитаніе, главное его основаніе, остается всегда и всюду неизмѣняемо, непоколебимо. Не страшно ли для человѣка отвергнуть спасительное упованіе на Провидѣніе, и среди безчисленныхъ превратностей міровъ, среди безпрестанныхъ опасностей, предать свою судьбу единственно слѣпому случаю, или слабому, толь часто погрѣшающему уму? Но и умъ сей, совокупляя съ Вѣрою нѣкоторыя земныя примѣси, при настоящемъ плотяномъ составѣ человѣка неизбѣжныя, иногда колеблетъ и самое Богопочитаніе (ибо главное правило въ механизмѣ ума состоитъ въ томъ, чтобы подвергать все сомнѣнію до совершеннаго разрѣшенія предлежащей задачи). Не смотря на то, сей самый умъ, руководимый истиннымъ любомудріемъ, всегда оканчивалъ свои заключенія Богопочитаніемъ. Это весьма естественно; ибо умъ по природѣ своей

ищетъ всегда связи между причинами и дѣйствіями, ищетъ единства. За тѣмъ ищетъ, и вѣчно искать будетъ, причины всѣхъ причинъ, единства всей Природы, единства въ самомъ себѣ. Но, не постигая и собственной своей внутренней силы, онъ сихъ единствъ никогда не откроетъ съ полною ясностію, доколѣ останется заключеннымъ въ нынѣшней организаціи, сквозь которую онъ ничего сверхъ-человѣческаго вообразить себѣ не можетъ; самое Божество, открываясь человѣку, говорило и дѣйствовало по человѣчески, примѣняясь даже къ духу и понятіямъ времени. Совсѣмъ тѣмъ человѣкъ долженъ всегда искать; Природа призываетъ насъ къ размышленію о величіи Божіемъ; благоговѣніе къ Нему составляетъ высшее блаженство наше. Мы устремляемся, паримъ на крыльяхъ воображенія; и сколько разъ бываемъ отражаемы непостижимостію, сколько разъ, видя свою немощь, отрекаемся отъ дальнѣйшихъ подвиговъ, по видимому тщетныхъ: столько же разъ невѣдомая сила паки принуждаетъ насъ къ возобновленію нашихъ напряженій и опять насъ возноситъ. А поелику въ Природѣ нѣтъ силъ безъ причины, то ясно, что Богопочитаніе лежитъ уже въ нашемъ организмѣ. Только искаженные умы, отпадшіе отъ общаго согласія, стремясь

заглушить укоризны внутренняго гласа, могутъ находить успокоеніе въ ослабленіи толь возвышеннаго чувства. Будучи сами въ безпорядкѣ, хотятъ произвести безпорядокъ и во всей природѣ. Но сколько ни силятся отвергнуть языкомъ сіе чувство, однако въ сердцѣ изгладить его не могутъ. При первой болѣзни, при первой опасности, оно паки отзывается у нихъ во глубинѣ души. Тщетныя усилія! Безвѣріе остается только въ устахъ немногихъ; весь же родъ человѣческій всегда пребываетъ приверженъ къ Богопочитанію несокрушаемыми узами; ибо, что введено предвѣчными законами, того временная тварь уничтожить не можетъ.

Такимъ образомъ Богопочитаніе есть самая высшая степень достоинства человѣчества. Даже при заблужденіяхъ видно въ томъ его превосходство. Какое величественное явленіе въ Природѣ! Одушевленная пылинка возносится къ Создателю вселенной; мысленно объемлетъ весь родъ человѣческій, все міроздание, и касается даже самаго Творца. Въ какомъ бы видѣ та пылинка себѣ Его ни воображаетъ, все равно; главная цѣль одна и та же. Разность только въ томъ, что чѣмъ человѣкъ чище и правильнѣе совершаетъ свое Богопочитаніе, тѣмъ ближе онъ

къ идеалу совершенства; по мѣрѣ же удаленія отъ онаго отступаетъ ниже въ рядъ безсмысленныхъ твореній. О таинственная для насъ постепенность!

VII.

Человѣкъ устроенъ къ упованію на безсмертіе.

Не ожидайте здѣсь метафизическихъ доказательствъ о безсмертіи души. Земный умъ не въ состояніи съ совершенствомъ доказать то, что не есть земное. За тѣмъ умствованія метафизическія болѣе произвели бы тутъ сомнѣній. Не будемъ также искать пребыванія и свойства души въ мозгѣ, коего всѣ части суть плотяныя, тлѣнныя. Мы разсматриваемъ Природу; ея гласу внимаемъ.

Человѣкъ сохраняетъ въ своей памяти умершихъ друзей, предковъ; раздѣляетъ съ ними судьбу ихъ; печется о благѣ своихъ дѣтей, своего потомства, о своей славѣ, добивается благословенія и страшится порицанія вѣковъ самыхъ позднѣйшихъ, какъ будто самъ ихъ слышать будетъ, словомъ, помышляетъ о томъ, что происходитъ внѣ тѣлеснаго его организма, и что происходить будетъ послѣ разрушенія она-

го. Посредствомъ преданій и памятниковъ, древнѣйшіе роды сообщаются и бесѣдуютъ съ позднѣйшими. Повсюду видны дѣла человѣка, простирающіяся далеко, далеко за предѣлы земной жизни. Ни въ какомъ родѣ животныхъ не примѣтно и тѣни подобныхъ дѣйствій. Все сіе суть явные слѣды существующаго въ немъ сѣмени безсмертія, которое человѣкъ и въ нынѣшнемъ организмѣ начинаетъ уже, хотя еще не ясно, предчувствовать. Онъ часто теряется въ мечтаніяхъ, но и сіи мечтанія величественны, безсмертны. Еще колеблется онъ сомнѣніями, какъ святая Вѣра приходитъ ему на помощь, и возвышаетъ сіе темное предчувствіе на степень отрадной достовѣрности.

Здѣсь человѣкъ видитъ начало безчисленныхъ вещей, коихъ конца постигнуть не можетъ. Сколько задачь неразрѣшимыхъ! Сколько тщетныхъ усилій! Коликократно достигнувъ цѣли, къ которой долго стремился, познаетъ онъ только ея тщету, и впадаетъ въ грусть и уныніе, чувствуя въ душѣ какую-то пустоту. Коликократно, гоняясь во всю жизнь за однимъ предметомъ, никогда онаго не достигаетъ, и оставляетъ сей міръ, не кончивши и въ половину того, что предпринялъ! Сколько совершается предъ нимъ дѣйствій, то по его понятіямъ достославныхъ, то гнусныхъ и огорчительныхъ; то восхищенъ онъ зрѣлищами лѣпоты и согласія; то поражается ужасами безпорядка и разстройства; то вознесенный величіемъ Природы, паритъ духомъ къ небесамъ, управляя самыми стихіями, подобно какому либо Божеству; то, удрученный грубыми нуждами животнаго, низвергается долу; то въ теченіи дѣлъ примѣчаетъ нить премудраго Промысла; то теряетъ ее изъ вида. Таковъ міръ, представляющійся человѣку въ настоящемъ его организмѣ. Вездѣ призраки, превращенія, противорѣчія, непроницаемая тьма. Среди сего бурнаго хаоса, гдѣ многое начато и ничто не кончено, человѣкъ усматриваетъ вдали тусклое мерцаніе безсмертія, единое его утѣшеніе и упованіе. Чѣмъ внимательнѣе онъ размышляетъ, тѣмъ болѣе удостовѣряется, что теперешнее состояніе не есть существенное и постоянное, что оно только предуготовительное, младенческій вѣкъ безсмертнаго; — тамъ, въ совершеннѣйшемъ состояніи, — человѣкъ узритъ все въ иномъ видѣ; многія задачи разрѣшатся, многіе начатки исполнятся; вмѣсто хаоса предстанетъ порядокъ, согласіе; вмѣсто тьмы, возсіяетъ свѣтъ. Иначе человѣкъ не можетъ согласить правосудія Божія со своимъ назначеніемъ; врожденнаго ему стре-

мленія къ познаніямъ, съ кратковременною земною жизнію; не можетъ согласить насажденной въ немъ любви къ изящному соотвѣтствію и справедливости съ безпрерывными безпорядками сего міра, со всегдашнею борьбою ума и чувствъ. За тѣмъ упованіе на безсмертіе внушено человѣку самою Природою, установлено предвѣчными ея законами. Сіе подтверждаютъ Вѣра и разсудокъ. Есть Богъ, Онъ премудръ и правосуденъ, Онъ вложилъ въ душу человѣка жажду къ безсмертію — и человѣкъ безсмертенъ.

Человѣкъ! Творецъ ведетъ судьбы твои, для тебя нынѣ таинственныя: да исполнится святая Его воля. Ты не одинъ; ты соединенъ съ безчисленными силами; уповай на Него; Онъ лучше вѣдаетъ, какимъ образомъ и куда должно тебя вести; укрѣпися вѣрою въ Его благость и мудрость, и ты блаженъ, стократъ блаженъ!

Но человѣкъ стремится далѣе, онъ и въ настоящемъ организмѣ хочетъ имѣть яснѣйшее понятіе о своемъ безсмертіи, о своемъ преобразованіи послѣ земной жизни; хочетъ для колеблющагося ума своего имѣть убѣдительнѣйшія на то удостовѣренія. Однако тутъ врата затворены. Надлежало бы того искать во внутренней силѣ вещей; но мы во внутренность ихъ проницать не можемъ; Природа скрыла ее отъ насъ. Одинъ внѣшній видъ и дѣйствія внутреннихъ силъ представляются нашему созерцанію. Ихъ только можемъ сравнивать, и изъ хода Природы въ кругу видимаго міра, изъ ея совокупнаго господствующаго подобія въ дѣйствіяхъ можемъ собрать нѣкоторыя понятія и составить основаніе нашего упованія. Да не устрашитъ насъ мысль, что кромѣ вѣсу, мѣры и числа, мы не имѣемъ здѣсь совершенно вѣрнаго средства къ изысканію истины, и что прочіе способы нашихъ соображеній и догадокъ подвержены погрѣшностямъ. Такъ, есть много примѣровъ, что человѣческія изслѣдованія оказались тщетными; но за то, есть много и такихъ примѣровъ, что люди посредствомъ сравненій отгадывали истину и даже величайшія тайны Природы. И въ обыкновенныхъ житейскихъ дѣлахъ развѣ мы все отгадываемъ единственно посредствомъ мѣры и вѣса? а мы безпрестанно должны отгадывать, и часто посредствомъ разсудка весьма вѣрно отгадываемъ. Природа призываетъ насъ къ размышленію. Не пощадимъ же труда; обратимся къ тѣмъ средствамъ, кои самимъ Богомъ предоставлены нашему вниманію и изслѣдованію: посмотримъ.

---

*

КНИГА ПЯТАЯ.

I.

Въ творенiяхъ земли нашей господствуетъ рядъ возносящихся другъ надъ другомъ формъ и силъ.

1. Мы видѣли, что отъ камня къ кристаллу, отъ кристалла къ металламъ, отъ нихъ къ растенiямъ, отъ растенiй къ животнымъ, отъ сихъ къ человѣку постепенно возвышаются формы организацiи; что вмѣстѣ съ тѣмъ постепенно возрастаетъ въ творенiяхъ многосложность силъ и побужденiй, и что сiи силы и побужденiя соединяются наконецъ въ образѣ человѣка, поколику онъ таковыя въ себѣ вмѣщать можетъ. На человѣкѣ рядъ останавливается; мы не знаемъ на земли творенiя выше его, творенiя, которое составлено бы было многообразнѣе, искуственнѣе; онъ кажется послѣднею степенью, до которой земный организмъ достигнуть можетъ.

2. Проходя весь сей рядъ существъ, мы примѣчаемъ (поколику частное предназначенiе

творенiя то позволяетъ) господствующее между ними *подобiе главной формы*, которая, измѣняясь безчисленными видами, все постепенно болѣе и болѣе приближается къ образу человѣческому. Въ нестройной глубинѣ, въ царствѣ прозябенiй и растенiе-животныхъ та форма еще не столь примѣтна; съ организмомъ же совершеннѣйшихъ существъ становится она яснѣе; по степени же возвышенiя оной число родовъ все болѣе и болѣе уменьшается; наконецъ въ человѣкѣ свивается во единое.

3. Земнородныя, какъ наружными видами, такъ и внутренними силами приближаются къ человѣку. Сила, называемая *побужденiемъ*, производитъ въ царствѣ растенiй только питанiе и плодотворенiе, въ насѣкомыхъ возвышается къ дѣйствiямъ искуственнымъ, въ птицахъ и земныхъ животныхъ являетъ уже семейственныя и материнскiя попеченiя; въ совершеннѣйшихъ же творенiяхъ возносится даже къ человѣкоподобнымъ мыслямъ и самопрiобрѣтаемымъ способностямъ. Напослѣдокъ, все то совокупляется въ умѣ, въ свободной волѣ и въ достоинствѣ человѣка.

4. Время жизни каждаго творенiя принаровлено къ его предназначенiю. Былiе скоро отцвѣтаетъ, дерево произрастаетъ

долго. Насѣкомое, которое приноситъ съ собою на свѣтъ готовыя свои искусства, и рано и обильно распложается, скоро и отходитъ отсюда; продолжительнѣе же возрастающія животныя, которыя въ одинъ разъ менѣе раждаютъ, или которыя должны вести даже умоподобное домостроительство, получаютъ и продолжительнѣйшую въ сравненіи съ человѣкомъ жизнь. При томъ однако Природа взираетъ не только на частное лице творенія, но и на сохраненіе всего рода и всѣхъ состоящихъ выше его племенъ. Низшія царства не только сильно обставлены, но гдѣ цѣль творенія допускаетъ, бываетъ и жизнь его продолжительнѣе. Море, неистощимый источникъ жизни, сохраняетъ долѣе своихъ обитателей, имѣющихъ тугую жизнь; и амфибіи, водные полу-жители къ нимъ близки продолжительностію жизни. Обитатели воздуха, менѣе обремененные земнымъ пропитаніемъ, отъ коего земныя животныя мало по-малу твердѣютъ, живутъ вообще долѣе, нежели сіи послѣдніе: за тѣмъ воздухъ и вода кажутся великимъ запаснымъ хранилищемъ живущихъ, коихъ послѣ земля въ скорѣйшихъ переходахъ сокрушая, истребляетъ.

5. Чѣмъ твореніе сложнѣе, тѣмъ болѣе строеніе его составлено изъ низшихъ

царствъ природы. Подъ землею начинается сія многообразность и возрастаетъ постепенно въ прозябеніяхъ, въ животныхъ, до самаго многосложнѣйшаго изъ твореній — человѣка. Кровь и многочисленныя части его суть извлеченія изъ всего міра; известь и земля, соли и кислоты, масло и вода, силы прозябенія, силы раздраженій и чувствительности, органически въ немъ соединены, и переплетены между собою.

Ужели все сіе только игра природы? Но она никогда не играетъ безсмысленно. Повсюду видимъ въ ней точнѣйшую связь, мудрость превыспреннюю. И когда въ частныхъ ея дѣйствіяхъ не примѣтно ни малѣйшаго движенія безъ причины, какъ же можно допустить слѣпоту, или неправильность въ общемъ? Имѣя въ виду сіи соображенія, и по дѣйствіямъ примѣчая въ природѣ многія невидимыя нами силы, мы должны принять, что кромѣ видимаго, существуетъ и другое мірозданіе невидимыхъ, или для нашихъ органовъ непроницаемыхъ силъ, состоящихъ въ такой же связи и тѣсныхъ переходахъ, какія примѣчаемъ въ наружныхъ или тѣлесныхъ видахъ. Въ тѣхъ-то невидимыхъ силахъ надлежитъ полагать развязку непонятныхъ для насъ явленій. Чѣмъ болѣе познаемъ природу, тѣмъ болѣе примѣчаемъ сіи пребываю-

щія внутри существъ силы, не исключая и самыхъ низкихъ твореній, моха, грибовъ и т. п. Онѣ ощутительны и въ животномъ, почти неистощимомъ въ возобновленіи себя плодородіемъ, и въ мускулахъ разнообразно и чувствительно движущихся отъ раздраженій; и такъ все исполнено органически дѣйствующаго всемогущества. Мы не знаемъ, гдѣ оное начинается и гдѣ оканчивается; удостовѣрены однако въ томъ, что гдѣ въ твореніи дѣйствіе, тамъ и сила, гдѣ жизнь наружная, тамъ и внутренняя. И такъ конечно господствуетъ и въ невидимомъ для насъ царствѣ творенія постепенный рядъ возносящихся силъ, такъ какъ предъ нами совершаются ихъ дѣйствія въ видимомъ царствѣ, въ формахъ органическихъ.

Но сія невидимая связь должна быть безконечно сильнѣе, тверже и скоротечнѣе, нежели рядъ наружныхъ формъ является тупымъ чувствамъ нашимъ. Что есть организація? Это есть смѣсь многочисленныхъ стѣсненныхъ силъ, коихъ большая часть именно ради той же связи бываетъ отъ другихъ ограничена, подавляема, или по крайней мѣрѣ укрываема отъ нашего созерцанія, такъ, что мы единицы водяныхъ капель видимъ только въ темномъ видѣ облака, то есть мы видимъ неотдѣльно единственныя существа,

но тотъ смѣшанный образъ, которому для общей необходимости надлежало составиться такъ, а не иначе. Предъ взорами же Всевидящаго сколь иначе представляется подлинная постепенность твореній! Сколь то царство разнствуетъ отъ воображаемаго человѣкомъ! Мы составляемъ порядокъ формамъ, которыхъ не проницаемъ, и подобно дѣтямъ, распредѣляемъ ихъ по частнымъ членоразмѣрамъ, или по другимъ наружнымъ признакамъ. Одинъ Всевышній видитъ и держитъ цѣпь всѣхъ другъ надъ другомъ восходящихъ силъ.

При сихъ размышленіяхъ, сколь ясно становится убѣжденіе наше въ безсмертіи души, даже въ продолженіи всѣхъ дѣйствующихъ и живыхъ силъ въ мірозданіи! Мы видимъ преобразованія вещей; но чтобъ и малѣйшая пылинка могла перестать имѣть свое бытіе, тому нѣтъ въ природѣ примѣра, о томъ нѣтъ въ нашей душѣ понятія. Коль же скоро бренное существо не уничтожается, то тѣмъ менѣе можетъ допущено быть уничтоженіе какой-нибудь внутренней силы. Поелику въ природѣ вездѣ примѣтно премудрая связь, во всякомъ цѣломъ единство; поелику нашъ организмъ проникнутъ невидимою силою, и та сила должна имѣть единство: то убѣждаемся, что по

разрушеніи или раздробленіи сложнаго организма нашего, сила, его оживлявшая и въ немъ дѣйствовавшая, яко единая и несложная, не уничтожается и уничтожиться не можетъ. Такъ далеко въ теперешнемъ организмѣ достигнуть можемъ; можемъ также имѣть убѣжденіе, что временное сочетаніе невидимой силы съ организмомъ должно имѣть цѣль, и что сила та имѣетъ связь съ постепенною лѣствицею мірозданія невидимыхъ силъ. Но какую цѣль? какую связь? сего земный организмъ безъ откровенія постигнуть не можетъ. Однако и простый разсудокъ уже удостовѣряетъ насъ въ томъ, что та цѣль и та связь должна быть мудрая, благая, и что чѣмъ кто возвышеннѣе въ достоинствѣ человѣка, тѣмъ болѣе приближается къ той цѣли. Но для чего нынѣшній организмъ такъ устроенъ, что самъ собою съ ясностію не можетъ постигнуть будущаго: въ томъ должны быть также и причина и цѣль, которыя уповательно откроются намъ въ другомъ состояніи. Предъ нашими очами цвѣтокъ или дерево въ извѣстное время разрушается, но сила, производившая въ нихъ прозябаніе, остается неуничтоженною. Какъ же можемъ допустить, чтобы по разрушеніи превосходнаго дерева, каковъ есть человѣкъ,

перестала существовать дѣйствовавшая въ немъ сила? чтобы цѣпь твореній, до человѣка постепенно возвышающаяся, пресѣклась вдругъ при нынѣшней органической силѣ человѣка? чтобы та цѣпь далѣе уже не продолжалась? чтобы нить возвышенныхъ его понятій прервалась вмѣстѣ съ внѣшнимъ его видомъ? и чтобы всѣ данныя ему способности и дарованныя ему искусства къ достиженію толь многихъ и важныхъ понятій, произведены были безъ всякой цѣли? Можно ли согласовать сіе съ видимымъ въ природѣ порядкомъ, такъ чудесно устроенномъ во всякомъ твореніи? Ужели въ одномъ человѣкѣ, который именно стоитъ выше всѣхъ земнородныхъ, природа отступила отъ мудраго своего порядка? Что на земли утонченнѣе, быстрѣе, дѣятельнѣе человѣческой мысли? Что сильнѣе, чище и пламеннѣе человѣческой воли? И сія сила, познающая Творца, та, которая принуждена познать Его даже среди заблужденій, сія обладательница Земли, сей духъ, вымѣривающій необъятныя пространства неба, опредѣляющій съ такою точностію теченіе неисчислимыхъ по воздуху парящихъ міровъ, и сія сила, и сей духъ ужели въ одинъ мигъ должны уничтожиться и пресѣкаетъ такъ величественныя дѣйствія, и для чего? Единственно для того, что

внѣшній составъ измѣняется и части его, кои сами по себѣ никогда не имѣли такъ возвышенныхъ свойствъ, возвращаются къ своимъ стихіямъ? Нѣтъ; смерть касается только видимой, бренной части человѣка; духъ его не умираетъ, не перестаетъ дѣйствовать въ ряду силъ, сокрытыхъ предъ нами; не упадаетъ, но возносится выше. Съ другой стороны, умъ, касаясь міра невидимыхъ силъ, и яко земный, не будучи въ состояніи вообразить себѣ его съ ясностію, можетъ иногда впадать въ опасныя мечты и заблужденія: въ семъ безпредѣльномъ морѣ воображеній, человѣкъ да имѣетъ въ виду Бога, Его *премудрость*, *правосудіе* и *благость*. Чѣмъ составляемыя о невидимомъ мірѣ понятія согласнѣе съ сими Божіими свойствами, тѣмъ ближе они къ истинѣ и къ блаженству человѣка; по мѣрѣ же удаленія отъ сего тройственнаго свѣтильника, болѣе удаляются отъ истины и уменьшаютъ блаженство человѣка.

II.

Мы въ Природѣ не видимъ силы безъ óргана: но органъ не есть сила, которая посредствомъ его дѣйствуетъ.

Пристлей и другіе, опровергая науку о духѣ, утверждали, что во всей Природѣ незамѣтно чистаго духа, и что зная еще такъ мало существо матеріи, мы не можемъ съ достовѣрностію отрицать въ ней способности мыслить. Они ведутъ ко мнѣнію, что человѣкъ можетъ посредствомъ своего состава имѣть всѣ примѣчаемыя въ немъ умственныя способности, не имѣя вовсе души, что потому съ разрушеніемъ его организма разрушаются навсегда и его дѣйствія. Правда, существованіе какой либо силы безъ óргана, есть для насъ вещь невидимая: но мало ли есть въ Природѣ силъ, въ существованіи коихъ мы удостовѣрены по ихъ дѣйствію; однакожъ ихъ не видали и при нынѣшнемъ организмѣ нашемъ видѣть неможемъ? Что есть электричество, магнетизмъ и многія другія силы, коихъ дѣйствія намъ извѣстны, но вида и сущности ихъ мы не знаемъ? Исчисляя всѣ механическія части нашего тѣлостроенія, мы однако не можемъ открыть первоначальнаго движенія, которое возжигаетъ жизнь въ сей машинѣ; а

безъ сего движенія всѣ матеріяльныя части ея оставались бы мертвыми, безчувственными. Безъ сей силы тѣ многочисленныя частицы, изъ разныхъ стихій собранныя, не могли бы даже держаться вкупѣ. Если бы человѣкъ могъ познать сію силу, если бы та сила была подобна вещественнымъ, нами постигаемымъ, то онъ возмогъ бы сотворить животное, такъ какъ сооружаетъ всякаго рода машины. Вмѣсто сего, сооружаетъ онъ подобіе животныхъ только въ истуканахъ безчувственныхъ. Какою вещественною машиною можно произвести пламенное попеченіе родителей о своихъ дѣтяхъ? Нѣтъ: сіе дуновеніе жизни, сію любовь родительскую производитъ перстъ Божій непостижимою намъ силою. Она не лежитъ въ веществахъ организма, хотя только въ совокупности съ онымъ намъ открывается; мы чувствуемъ ея присутствіе при всякомъ внутреннемъ движеніи нашемъ, при всякой мысли, хотя силою настоящаго нашего организма не можемъ еще постигать ея сущности. И сію-то невидимую силу, которая содержитъ нашъ организмъ и въ немъ дѣйствуетъ, приготовляясь чрезъ то къ чему-нибудь высшему, называемъ мы душею. Хотя же нашъ организмъ имѣетъ по составу своему немалое на душу вліяніе, однако она

составляетъ въ насъ главную сущность, а бренныя частицы тѣла суть только орудія, коими она дѣйствуетъ. Такъ воображаемъ мы сіе себѣ по внутреннему чувству нашему, и по сравненію съ общими законами Природы. Но матеріялисты возразятъ: „развѣ Всемогущему нельзя и матеріяльному дать жизни, чувствованія, мысленія, и безъ помощи особенной невидимой силы? Онъ установилъ законы Природы; Онъ властенъ и моценъ дѣлать исключеніе изъ общихъ ея правилъ; Онъ изъ праха соорудилъ машину, называемую человѣкомъ; въ ея матеріялахъ лежитъ свойство чувствовать и мыслить; машина разрушилась, разрушилось и ея свойство. Была, и нѣтъ.“ Конечно мнѣнія таковыя имѣютъ уже опроверженіе въ святой Вѣрѣ; но оставляя на минуту ея спасительное ученіе, пустимся въ мрачное море неизвѣстности, гдѣ воображеніе, не имѣя кормила, предается произвольнымъ мечтамъ; пусть на минуту оно приметъ основаніе матеріялизма; посмотримъ, какія изъ того послѣдуютъ заключенія. Необходимо должно тогда допустить, будто внушаемое природою человѣку упованіе на безсмертіе есть только обольщеніе, будто стремленіе человѣка къ совершенству, къ вѣчности, служитъ только къ бо́льшему его огорче-

нію, и что родится онъ только для того, дабы послѣ нѣкотораго времени исчезнуть; что всѣ его превосходныя качества, существованіе на земли, не имѣютъ ни причины, ни цѣли. — Хорошо. Но если человѣкъ созданъ единственно для того, чтобы питаться и умирать: то на что же организмъ его такъ устроенъ, чтобы міроздание обращало на себя его вниманіе? чтобы вопрошалъ самаго себя: кто, гдѣ, откуда и для чего я? чтобы, не довольствуясь, подобно прочимъ животнымъ, заботами о сохраненіи своего тѣлеснаго бытія, занимался онъ еще размышленіями о твореніи и Творцѣ? Опять скажутъ: „во всемъ томъ нѣтъ ни причины, ни цѣли.“ Однако мы тому не имѣемъ примѣра въ Природѣ, исполненной повсюду согласія и точнѣйшей соразмѣрности. „Нужды нѣтъ; въ семъ случаѣ Всемогущій сдѣлалъ исключеніе.“ Для чего же? „Такъ, безъ причины, безъ цѣли.“ Нужно ли еще доказывать, сколь таковыя мнѣнія противны здравому разсудку, противны тройственнымъ свойствамъ Всемогущаго, Его *премудрости, благости, правосудію?* Если мы имѣемъ волю выбирать любое, то выбираемъ лучшее. Допуская существованіе души, ея безсмертіе, мы соглашуемся съ разсудкомъ, съ Природою, съ Божіими свойствами, съ общимъ порядкомъ, съ

самими собою; можно ли безъ величайшаго заблужденія, или упорнаго пристрастія къ какому либо предубѣжденію, оставить сей спасительный, простой образъ мыслей, и вмѣсто того выбрать мнѣніе столь натянутое, насильственное, такъ несогласное съ общимъ ходомъ Природы, съ собственнымъ нашимъ убѣжденіемъ? Съ первымъ мнѣніемъ все становится ясно, въ послѣднемъ все темно. Кто же, при здравомъ умѣ, оставляетъ свѣтъ и выбираетъ тьму? И для чего мудрецъ матеріалистъ усиливается доказывать толико противное всей натурѣ нашей мнѣніе? для того, что онъ, по его увѣренію, будто ищетъ истины. Но какая польза ему въ познаніи истины, когда онъ только бездушная машина, готовая всеминутно обратиться въ ничто? Къ чему та машина разсуждаетъ, когда она существуетъ безъ причины, безъ цѣли? Пусть не заботится о вещахъ, неслужащихъ къ ея прокормленію. И такъ машина - матеріалистъ противорѣчитъ самой себѣ; слѣдовательно мы ей, смертной машинѣ, не вѣримъ, а слѣдуемъ за гласомъ живой Природы, столь убѣдительнымъ во внутренности нашей. Мы увѣрены, и должны вѣрить, что поелику гдѣ органъ, тамъ и сила, и поелику всякой составъ требуетъ точки соединенія, посредствомъ коей

всѣ части совокупляются въ одно цѣлое: то необходимо слѣдуетъ, что въ нашемъ тѣлесномъ организмѣ обитаетъ единица, невидимая сила, болѣе недѣлимая, которая, оживляя всѣ части, содержитъ ихъ въ единствѣ и посредствомъ ихъ дѣйствуетъ; что въ семъ органическомъ мірѣ никакая сила безъ óргана не дѣйствуетъ, или по крайней мѣрѣ ея дѣйствія для насъ невидимы, непримѣтны; что потому-то наши óрганы и имѣютъ большое вліяніе на внутреннюю силу своими плотяными нуждами и страстями, ибо она состоитъ съ óрганами въ совершенномъ согласіи и посредствомъ ихъ принимаетъ всякія впечатлѣнія, кои бываютъ пріятны, или непріятны, скоры или медленны, по составу силъ, заключающихся въ óрганахъ; что человѣкъ въ теперешнемъ организмѣ, будучи многосложнымъ, не можетъ представлять себѣ въ своемъ воображеніи внутренней своей силы, яко существа недѣлимаго, хотя и чувствуетъ ежеминутныя ея дѣйствія, и для того есть онъ тайна и задача для самого себя; что духовная часть составляетъ главное его существо, а чувственныя орудія только къ ней пріобразованы; что временный его организмъ имѣетъ цѣль ограниченную, временную и состоитъ въ ряду видимыхъ земныхъ твореній, а ду-

ховная часть имѣетъ свою цѣль въ мірѣ невидимомъ; что по разрушеніи тѣлесной части, духовная, недѣлимая, неразрушимая часть, освободясь отъ земнаго заключенія и начиная познавать себя и все яснѣе, принимаетъ опредѣленное ей дальнѣйшее направленіе, и что, наконецъ, цѣль сихъ переходовъ и преобразованій должна быть столь же величественна и дивна, какъ и вся Природа. Такъ, а не иначе! должны мы вѣрить, руководствуясь свѣтильникомъ, сіяющимъ въ *премудрости благости* и *правосудіи* Божіемъ; такъ, а не иначе, можемъ быть въ согласіи съ общимъ порядкомъ Природы. Кто думаетъ, что цѣль его созданія состоитъ единственно въ удовлетвореніи своего желудка, въ пропущеніи сквозь себя пищи, тотъ кажется весьма близокъ къ степени, смежной съ рядомъ животныхъ. Но общій ходъ вещей ни мало чрезъ то не перемѣняется.

III.

Всякая связь силъ и формъ есть движеніе, которое не стоитъ на одномъ мѣстѣ, не обращается назадъ, но подвигается впередъ.

Сія истина кажется уже сама въ себѣ ясною. Не вдаваясь въ метафизику, воззримъ на Природу. Все въ ней въ движеніи, все движется впередъ. Въ самомъ естественномъ составѣ земли видимъ, какъ одно царство вещей слѣдовало за другимъ. Известь образовалась послѣ всѣхъ частей; известь была началомъ образованія костей въ животныхъ; не видимъ болѣе въ Природѣ новыхъ твореній; мы видимъ безпрерывное преобразованіе оныхъ изъ низшаго къ высшему состоянію.

Твореніе, которое прежде всѣхъ возникло изъ подземнаго царства и предстало предъ лучи солнца, есть растеніе. Какія части составляютъ сущность онаго? Соль, масло, желѣзо, сѣра и всѣ тѣ благороднѣйшія силы, кои подземное можетъ представлять къ возвышеннѣйшему очищенію. Какимъ образомъ растеніе достигаетъ сихъ частей? Посредствомъ внутреннихъ органическихъ силъ, при помощи стихій. Что съ ними дѣлаетъ? Къ себѣ притягиваетъ,

обработываетъ въ своемъ существѣ и очищаетъ къ дальнѣйшему переходу въ другія состоянія. Ядовитыя и здоровыя растенія превращаютъ грубыя въ благороднѣйшія части; все дѣло царства растенія имѣетъ предметомъ дольное преобразовать въ высшее.

Надъ растеніемъ стоитъ животное и извлекаетъ соки перваго. Одинъ слонъ есть гробомъ милліоновъ злаковъ, но онъ гробомъ живущимъ, перерабатывающимъ, присоединяющимъ многія благороднѣйшія части къ собственному своему составу: низшія силы переходятъ къ высшимъ одушевленнымъ формамъ. Таково и съ плотоядными животными. Природа дала симъ переходамъ быстроту; смерть твореній, или минута ихъ преобразованія, не должна быть продолжительна. По наружности, истребленіе однихъ твореній другими потрясаетъ наши чувства, но отнимите внѣшній кровъ, и въ Природѣ нѣтъ смерти; всякое разрушеніе есть переходъ къ высшей жизни. Благость Божія есть въ томъ ручательствомъ несомнѣннымъ. Поелику же одушевленному организму ввѣрено самому его самохраненіе, то необходимо долженъ въ своемъ инстинктѣ имѣть отвращеніе къ своему разрушенію, страхъ смерти, дабы твореніе не игра-

ло своимъ существованіемъ произвольно; и Природа щадитъ сіе чувство, поколику оное нужно для сохраненія родовъ. Въ сей соразмѣрности опредѣлила каждому роду время жизни и радости оной, и сія временная жизнь, также важная, имѣетъ свою цѣль. Все прочее въ отношеніи къ силамъ благороднѣйшимъ, обращается въ безпрерывныхъ преобразованіяхъ, идущихъ всегда снизу вверхъ, въ формахъ безчисленныхъ. Вотъ главное величественное теченіе Природы, за коимъ слѣдуя, забываемъ частное наше существованіе. Повсюду низшія силы переливаются въ высшія. Оставляя грубое, все, что есть въ вещахъ благороднаго, паритъ выше и выше. И когда видимъ сію постепенность въ обработываніяхъ грубѣйшей Природы, то не можемъ допустить остановки, или оцѣпенѣнія въ благороднѣйшей Природѣ человѣка. Постепенное возвышеніе силъ тутъ не прекращается. Животныя употребляютъ въ пищу только частицы растеніеобразныя, присоединяя ихъ силы къ составу одушевленному; сокъ мускуловъ и нервовъ болѣе не служитъ пищею ни для какого земнаго существа. За тѣмъ область мыслей и раздраженій остается здѣсь безъ видимаго для насъ перехода. Напрасно нѣкоторые думали найти въ нервномъ соку

удобоосязаемое орудіе къ чувствованію. Правда, сей сокъ сохраняетъ нервы въ состояніи здравомъ; безъ него они были бы только простыми вервями и безчувственными орудіями; но польза его есть тѣлесная, дѣйствія же души по ея чувствованіямъ и силамъ, какіе бы она ни употребляла органы, всегда бываютъ духовными.

И куда же уходятъ сіи духовныя силы, укрытыя предъ всѣми органами человѣка? По премудрости Божіей, Природа опустила здѣсь завѣсу и не попускаетъ насъ, при теперешнемъ составѣ, проницать въ духовное царство ея переходовъ и преобразованій; конечно зрѣлище сіе несовмѣстно съ нашимъ земнымъ существованіемъ и съ плотяными чувствами, коимъ мы еще порабощены. Она являетъ намъ только въ нижнихъ царствахъ переходы, а въ высшихъ восходящія формы; прочіе многочисленные невидимые пути своихъ преобразованій предоставила самой себѣ. Око земное! не думай, чтобы исчезающія предъ тобою силы исчезали совершенно; чтобы Природа была немощна далѣе ихъ сдержать. Смотри, какъ неизмѣняемо продолжаются формы всякаго рода животныхъ, кои ни въ одномъ членѣ не отступаютъ отъ нихъ, при столь неисчисленныхъ, безпрестанныхъ возрожде-

ніяхъ. Такъ могущественны законы Природы; вѣрь, что она съ такимъ же могуществомъ продолжаетъ возрожденія и въ невидимомъ для тебя мірѣ. Позади человѣка все твореніе двигается впередъ; одно колесо двигаетъ другое, все приближается къ образу человѣка; ужели при немъ колесо останавливается? Нѣтъ; и его органическое строеніе еще несовершено; оно также идетъ далѣе; всемогущество Природы не истощавается вмѣстѣ съ нашимъ организмомъ; она продолжаетъ свои дѣйствія въ мірѣ для насъ невидимомъ, хотя мы въ настоящемъ состояніи еще и немощны въ своемъ воображеніи за оными слѣдовать. Посмотримъ, какъ на то указываетъ вся аналогія человѣческой Природы.

IV.

Царство человѣческаго организма есть составъ духовныхъ силъ.

Сомнѣнію о безсмертіи органическихъ силъ главною причиною суть внѣшнія орудія, посредствомъ коихъ оныя дѣйствуютъ и кои въ очахъ нашихъ разрушаются. Вникнемъ внимательнѣе. Никакой цвѣтокъ не цвѣтетъ посредствомъ внѣшняго праха, посредствомъ грубыхъ частей его строенія.

Еще менѣе посредствомъ ихъ возрождаетъ себя животное, всегда возобновляющееся, а еще менѣе можетъ мыслить мозгъ посредствомъ составляющихъ его плотяныхъ частицъ, и производить столь многія силы, съ мыслію соединенныя. Сама физіологія въ томъ удостовѣряетъ. Внѣшній видъ, изображающійся въ нашемъ окѣ, не входитъ въ нашъ мозгъ; звукъ, переломляющійся въ нашемъ ухѣ, механически не входитъ таковымъ въ нашу душу. Не видно того протянутаго нерва, который могъ бы доводить ощущеніе до точки соединенія. У нѣкоторыхъ животныхъ нѣтъ связи даже между нервами обоихъ очей; ни въ одномъ животномъ нервы чувственныхъ орудій не сходятся такъ, чтобы могла обнаружиться какая либо точка соединенія. Еще менѣе имѣетъ то мѣсто между нервами всего тѣла; однако жъ каждый и малѣйшій членъ его чувствуетъ и дѣйствуетъ въ связи съ цѣлымъ. За тѣмъ совершенно неосновательно и всѣмъ правиламъ физіологіи противно воображать мозгъ самомыслителемъ, а нервный сокъ за самочувствителя. Это невидимая сила, душа, которая, проницая все тѣло, соединяетъ собою всѣ части, всѣ впечатлѣнія и понятія. Что сила сія дѣйствуетъ въ согласіи съ ея органомъ, что если орудіе неспособ-

но или повреждено, то и художница неможетъ, что она, будучи слита съ организмомъ, въ случаѣ его разстройства, и сама терпитъ оное: — все сіе не подлежитъ никакому сомнѣнію, но и не перемѣняетъ понятія о вещи. Разсмотримъ, какимъ образомъ душа дѣйствуетъ и какого рода ея понятія.

1. Неоспоримо, что мысль, даже первоначальное впечатлѣніе, коимъ душа представляетъ себѣ какой либо внѣшній предметъ, не есть тою же самою вещію, какую вводитъ чувство. Изображающійся въ очахъ видъ не достигаетъ до мозга, есть только впечатлѣніе мѣстное, неимѣющее сообщенія съ цѣлымъ; но душа, пріемля отраженіе органа, мгновенно созидаетъ таковой видъ въ самой себѣ, который, будучи духовнымъ, проникаетъ весь организмъ и остается уже безсмертнымъ; ибо душа можетъ послѣ возобновлять его, хотя уже и нѣтъ внѣшняго предмета. Она можетъ его представлять въ связи совсѣмъ съ другими вещами, съ другими законами, нежели какъ органы представляли оный. Примѣры тому въ сновидѣніяхъ и въ поэзіи. Поелику, какъ выше сказано, организмъ имѣетъ вліяніе на душу, поелику въ продолженіе существованія организма внутренняя сила совершенно съ нимъ

слита, съ нимъ дѣйствуетъ въ точнѣйшемъ согласіи, и въ случаѣ разстройства органовъ, страдаетъ и внутренняя сила; то во время болѣзни неоднократно видимъ, что предметы представляются человѣку въ другой связи, нежели какъ по механизму органовъ изображаются: въ горячкѣ и сумасшествіи онъ сцѣпляетъ совсѣмъ иначе видимыя или слышимыя вещи. Симъ обнаруживается не иное что, какъ замѣшательство въ созданныхъ, или созидаемыхъ душею видахъ; ибо во снѣ и въ поэзіи это случается и тогда, когда органы сами по себѣ вовсе не разстроены, и механизмъ ихъ ни мало не тронутъ; слѣдовательно смѣшиваются не механическія ихъ изображенія, но созданныя душею, которая въ цѣломъ организмѣ сохраняетъ единство.

2. То самое подтверждается искуственнымъ образованіемъ нашихъ мыслей съ дѣтства и тѣмъ медленнымъ путемъ, на коемъ душа наша не только весьма поздно начинаетъ чувствовать самопознаніе, но съ трудомъ научается употреблять свои органы. Не одинъ Психологъ замѣтилъ искуственныя снаровки, коими дитя получаетъ понятіе о цвѣтахъ, о видѣ, величинѣ, отдаленности, и коими научается видѣть. Тѣлесный органъ ничему не учится; въ очахъ представляется

видъ такимъ же образомъ въ первый день, какъ и въ послѣдній день жизни; учится только душа, она учится измѣрять, сравнивать, умствовать: учится посредствомъ органовъ, однако же духовнымъ образомъ. И слово, сіе главное средство къ образованію мыслей, есть болѣе дѣйствіе духовное, нежели тѣлесное. Между звукомъ и словомъ такая же разница, какъ между душею и тѣломъ, какъ между органомъ и силою. Слово возбуждаетъ мысль, и изъ одного духа переводитъ ее къ другому. Впрочемъ замѣтьте, что мы находимся во всегдашней борьбѣ между умомъ и чувствами. Чувства воображаютъ всѣ вещи сложными, умъ раздробляетъ ихъ, усиливаясь всегда представлять существа простыя. Что есть красота? Не что иное, какъ извѣстный составъ частицъ пріятный нашимъ чувствамъ; отвратительность есть составъ вещей непріятный. Раздѣлите частицы состава, и не будетъ ни красиваго, ни отвратительнаго. Представнутъ однѣ кривыя и простыя линіи. Устремите чистый умъ безъ примѣси чувствъ на какую либо вещь, и въ мигъ исчезнетъ въ ней красивое и некрасивое, пріятное и непріятное, исчезнетъ радость и печаль, страхъ и веселіе. Обратите свѣтъ ума на весь міръ органическій, и весь сей органическій міръ

оцѣпенѣетъ въ очахъ его. Нѣтъ ни пространства, ни времени, ни свѣта, ни цвѣтовъ; все земное ничто. Таково свойство чистаго ума. Но умъ у насъ не одинъ; чувства, проникнутыя сложнымъ воображеніемъ, заглушая дѣйствія ума, держатъ его въ томъ равновѣсіи, какое нужно для теперешняго нашего существованія. Въ насъ безпрерывно дѣйствуетъ плотяной организмъ и умъ: силы другъ другу совершенно противоположныя. Имѣя безпрестанные тому примѣры, станемъ ли еще сомнѣваться въ томъ, что мы составлены изъ двухъ существъ, хотя тѣсно сліянныхъ, но по свойствамъ различныхъ? Душа во плоти чувствуетъ, въ умѣ разсуждаетъ; сіи два свойства ни на одно мгновеніе не могутъ быть въ разлукѣ, доколѣ существуетъ здѣшній организмъ; доколѣ онъ существуетъ, доколѣ существуютъ и страсти и разсудокъ въ тѣснѣйшей связи. Спросите, какая часть человѣка сильнѣе? Плотяная или духовная? Иногда та, иногда другая беретъ верхъ. Мы видимъ часто людей съ сильнѣйшимъ умомъ предающихся самымъ нелѣпымъ, безумнымъ страстямъ; видимъ также многіе примѣры торжества ума надъ страстями, или порывами чувствъ; видимъ часто и то, что самый умъ, обольщенный страстями,

впадаетъ въ заблужденіе и дѣйствуетъ противъ самого себя, что во время недуга тѣлеснаго, духовная часть человѣка впадаетъ въ разстроенное состояніе; видимъ нерѣдко, что обвороженный умомъ тѣлесный организмъ дѣйствуетъ противъ своего инстинкта, какъ напримѣръ, ратники на войнѣ, обвороженные словомъ своего предводителя, идутъ на смерть. При всемъ томъ въ здѣшнемъ мірѣ по большой части чувственное беретъ верхъ надъ духовнымъ, ибо здѣсь господствуетъ чувственность, и что по сему самому перевѣсу намъ столь трудно самими собою, безъ помощи Откровенія, познать духовную часть. Едва ли достаточно къ тому напряженіе всѣхъ умственныхъ силъ. А сіе потому, что хотя дѣйствія ея ощущаемъ, но не въ состояніи воображать ея вида. Организмъ нашъ тяжелъ на то, чтобы впечатлѣть вещь, имъ невидимую, хотя умомъ удостовѣренъ въ ея существованіи. Теперешній составъ нашъ не можетъ воображать ни чувственной плоти безъ силы, ее оживляющей, ни души безъ тѣла. Тѣло безъ чувствъ оный часто видитъ. И что оно есть? Земной прахъ, ни къ чему неспособный. Человѣкъ есть человѣкомъ только тогда, когда тѣлесный его организмъ дѣйствуетъ сово-

купно съ душею. Но въ сію минуту, когда мы о томъ разсуждаемъ, разсуждаетъ ли одинъ нашъ плотяной организмъ, или совокупно съ душею? И душа уже ли также не знаетъ какого она рода? Существуетъ ли она и какое ея предназначеніе? Или зная, таитъ предъ ними?... Она здѣсь совершенно слита съ тѣлеснымъ организмомъ и, будучи точкою соединенія всѣхъ нашихъ чувствованій и мыслей, она созидаетъ и сохраняетъ въ себѣ всѣ виды, впечатлѣнные органами; безъ нея органъ ни чувства, ни движенія имѣть не можетъ. Она та сила, которая въ насъ чувствуетъ, мыслитъ и разсуждаетъ. Почему же, если говорятъ *я*, разумѣемъ тѣлесный организмъ? Это лишь обманъ внѣшнихъ орудій; беремъ тѣнь за вещь; мы предаемся сему обману потому, что въ органическомъ мірѣ тѣлесные органы берутъ верхъ, и мы воображаемъ все въ томъ только видѣ, какъ они представляютъ. Они видятъ одно тѣло; сію форму считаютъ за все, хотя сами бываютъ свидѣтелями, что составляющія ее части сами по себѣ ничего не могутъ. Если говоримъ душа, то разумѣемъ не отдѣльную, но ту нашу часть, которая оживляетъ нашу тѣлесную. Истинный *я* есть внутренній человѣкъ, внутренняя сила, хотя невидимая

для нашихъ внѣшнихъ органовъ, но та, безъ которой они ничтожны. Если говорю: моя голова, то не разумѣю ее отдѣльно отъ моего существа; почему же, говоря: *моя душа*, долженъ я разумѣть нѣчто отдѣльное? Напротивъ, когда произношу слово *я*, то разумѣю душу со всѣми органами. Я самъ себя не знаю, или лучше сказать, душа въ нынѣшнемъ организмѣ сама себя не видитъ, не понимаетъ ясно, иногда даже сомнѣвается въ своемъ существованіи, считая свои орудія за самое себя, чувствуетъ однако стремленіе познать себя, познать Творца, предчувствуетъ свое безсмертіе; и хотя иногда колеблется, видя тѣлесные свои органы подверженными истлѣнію, и полагая, что съ ними и сама уничтожается; но разсуждая внимательно, удостовѣряюсь, что *я*, душа, существую, и составляю главное основаніе человѣчества; что мое существо есть свойства благороднѣйшаго, нежели здѣшніе мои земные, тяжелые органы, ибо я стремлюсь къ совершенству, а они своею земнородною немощію затмѣваютъ мое мыслительное зрѣніе, часто совращаютъ меня съ пути, предписываемаго разумомъ и на всякомъ почти шагу препятствуютъ мнѣ быть тѣмъ, чѣмъ быть могу; что таковая моя борьба, таковыя мои усилія, испытанія, страданія непремѣнно обра-

ботываютъ меня къ высшей цѣли, которой сими органами ясно постигнуть не могу. Но придетъ часъ моего избавленія, и благость Вышняго свергнетъ оковы сихъ земныхъ моихъ орудій; тогда я получу свою небесную свободу и доселѣ мнѣ невѣдомую отраду, а онѣ, лишась моей силы, разсыплются въ прахъ. И хотя таковое разрушеніе моего облаченія произведетъ здѣсь въ моихъ ближнихъ временную печаль разлуки, но я переселюсь туда, куда и они въ свое время послѣдуютъ, туда, гдѣ, освободясь отъ земныхъ страстей, узрю себя и все мірозданіе въ другомъ, совершеннѣйшемъ видѣ. Здѣсь же по тупости и недостатку органовъ, для меня все темно, таинственно, и единое мое упованіе на *премудрость благость* и *правосудіе* Божіе подкрѣпляетъ стопы мои.

Такъ размышляю *я*, то есть, *я* — чувствительная и мыслительная сила, дѣйствующая въ той составной формѣ, въ какой теперь меня видите. Конечно и вамъ и мнѣ трудно еще воображать меня внѣ той формы; вѣдайте, однако жъ, что она безъ меня держаться не можетъ, а я, будучи силою, уничтожаться не могу. Когда придетъ година моего преобразованія, и теперешняя моя внѣшняя форма превратится въ простой, неподвижный истуканъ, раздробится

въ прахъ; тогда вашъ организмъ содрогнется (ибо по превѣчнымъ законамъ долженъ притомъ содрогаться), почитая и меня самого уничтоженнымъ; уже въ очахъ моей формы болѣе не увидите тѣхъ лучей, коими я проницалъ въ души ваши; уже на ланитахъ ея не будетъ того румянца и улыбки, коими изъявлялъ я вамъ внутреннія свои радости; уста ея болѣе не будутъ выражать той готовности къ поцѣлую, коимъ я выражалъ свою любовь и дружбу; болѣе не услышите въ ней того голоса, не увидите тѣхъ движеній, коими изливалъ я внутреннія свои чувствованія; та форма вся оцѣпенѣетъ, сдѣлается для многихъ страшилищемъ; ибо я болѣе въ ней не буду; она болѣе не будетъ моею. Тщетно въ ней будете искать меня; оставивъ ее, я перехожу въ другое состояніе. Въ какое же? Какія унесу съ собою впечатлѣнія? На какой конецъ? Сего-то ни вы, ни я въ нынѣшнемъ тѣлесномъ составѣ вообразить и постигнуть не можемъ. Тутъ предѣлъ плотянымъ и мыслямъ и выраженіямъ. При сихъ размышленіяхъ, идучи по самой узкой стезѣ между тѣлеснымъ и духовнымъ, между видимымъ и невидимымъ, я конечно нахожусь въ самомъ трудномъ положеніи, но я не самъ иду; Природа невольнымъ образомъ ведетъ меня къ сему тѣ-

сному предѣлу, гдѣ все мое существо трепещетъ, и только вѣра въ благость Божію подкрѣпляетъ меня.

3. Яснѣйшее самопознаніе, коимъ человѣкъ преимуществуетъ предъ прочими земнородными, конечно не есть дѣйствіе матеріяльнаго механизма. Какая же машина познаетъ свое бытіе, вопрошаетъ себя: кто, что, я? кто строитель мой? И такъ самопознаніе есть дѣйствіе духовной силы, которая у человѣка развивается мало по малу и принадлежитъ къ исключительнымъ его достоинствамъ. Дитя имѣетъ еще мало самопознанія, но душа его уже начинаетъ къ тому себя обработывать напряженіемъ всѣхъ своихъ органовъ. Его стремленіе къ понятіямъ имѣетъ предметомъ возчувствовать себя въ мірѣ Божіемъ, и оному радоваться со всею свойственною человѣческой Природѣ крѣпостію. Безсловесное животное блуждаетъ еще въ темнотѣ. У него самопознаніе раздроблено между столь многими раздражительностями тѣла, столь ими заглушено, что ясное пробужденіе къ дѣятельному воображенію есть дѣломъ невозможнымъ. Поелику и человѣкъ познаетъ въ душѣ органическое свое существованіе только посредствомъ органовъ, то коль скоро сіи страдаютъ, можетъ иногда одна господ-

ствующая мысль испровергнуть его извѣстность о самомъ себѣ, такъ, что представляетъ себя въ иномъ видѣ, нежели подлинно онъ есть. Потому-то равновѣсіе органовъ необходимо и весьма важно. Нерѣдко человѣкъ, привязываясь къ какой либо мысли и слѣдуя за нею, забываетъ всѣ прочія, забываетъ самого себя, теряетъ мѣру времени и собственныхъ чувственныхъ силъ. Для одной господствующей въ немъ мысли можетъ онъ съ радостію перенести жесточайшія страданія тѣла; одна воспламененная мысль можетъ воспламенить мысли цѣлыхъ народовъ, произвести кровопролитнѣйшія брани, истребляя грады и царства. Такъ могущественна мыслительная, духовная сила, которая безъ равновѣсія органовъ, презирая весь дольній міръ, можетъ иногда произвести величайшіе перевороты, величайшія во всемъ родѣ человѣческомъ потрясенія. Единственно десница Всемогущаго держитъ сіе равновѣсіе. Если же допускаются потрясенія, то допускаются теченіемъ предвѣчныхъ законовъ. Тщетно блуждающіе умы мечтаютъ иногда сами произвести перемѣны въ мірѣ нравственномъ; не одинъ механизмъ матеріяльный, безчисленныя, нами здѣсь непостижимыя силы вращаютъ колесо человѣка и всего міра. Вотъ

причина, отъ чего такъ часто люди, пріемля за образецъ бытописаніе дѣлъ прошедшихъ, и устроивая по нимъ дѣла грядущія, испытываютъ неудачи. Они въ бытописаніи объемлютъ только причины и дѣйствія матеріяльныя; въ самой же вещи есть еще много сокрытыхъ причинъ, а сихъ-то въ нашемъ организмѣ постигнуть не могутъ. Послѣ сихъ наблюденій замѣтимъ, что между всѣми земнородными человѣкъ первое и единственное существо, которое начинаетъ вкушать нѣкоторое ясное самопознаніе, начинаетъ, говорю, ибо во многомъ еще себя познать не можетъ, вопреки всѣмъ усиліямъ, кои удостовѣряютъ его только въ томъ, что многое, очень многое изъ его бытія нарочито еще предъ нимъ сокрыто. А какъ въ Природѣ нѣтъ начала безъ продолженія, то опять указаніе, что она, постепенно возвышаясь, возвыситъ и самопознаніе человѣка къ совершеннѣйшей ясности, затмѣваемой нынѣ тусклостію земныхъ органовъ, слѣдственно въ другомъ состояніи.

4. Мы видимъ различіе способностей: у одного сильнѣе память вещей, у другаго память единственныхъ законовъ; тотъ остроумнѣе, другой глубокомысленнѣе, и такъ далѣе. Видимъ также, что способности отъ времени и болѣзней притупляются.

Всѣ сіи разности и измѣненія явно лежатъ въ состояніи и качествѣ óргановъ; ибо духовная сила сама по себѣ не подлежитъ измѣненіямъ, а подвержены таковымъ только ея дѣйствія, поколику зависятъ отъ óргановъ. По сему-то перевѣсу тѣлесныхъ силъ, человѣкъ въ здѣшнемъ организмѣ чувствуетъ себя какъ бы въ неволѣ, въ какомъ-то туманѣ. Сколько нужно времени, доколѣ мыслительная сила научается дѣйствовать! ибо она здѣсь можетъ только дѣйствовать посредствомъ óргановъ, а сіи óрганы слишкомъ въ отношеніи къ ней тяжелы; на нихъ безпрестанно дѣйствуютъ внѣшніе органическіе предметы, препятствующіе дѣйствіямъ внутренней силы. Коликократно самыя важныя размышленія прерываются тѣлесными нуждами, болѣзнями, страстями! Коликократно человѣкъ, понимая уже цѣль и стремясь къ ней, испытываетъ безчисленныя, скучныя препятствія, единственно для того, что дѣйствія óргановъ такъ тяжелы, такъ медлительны, тупы! Мысль готова летѣть, но густой туманъ óргановъ подавляетъ ея крылія; она съ трудомъ пробивается, а иногда и совсѣмъ умираетъ. Сколько на воплощеніе мысли потребно словъ, движеній! Коликократно и за всѣми сими напряженіями, мысль однако не изливается

совершенно въ томъ видѣ, съ тою крѣпостію, какъ внутренняя сила ее произвела! Сколько отъ того въ нравственномъ мірѣ изуродованныхъ понятій, недоразумѣній, ложныхъ толкованій, погрѣшностей, заблужденій! Кто здѣсь не увидитъ безпрерывной борьбы души съ своими óрганами! Можно ли допустить, чтобы таковое страдальческое состояніе было главною цѣлію ея существованія?

Сонъ, сей братъ смерти, ежедневно представляетъ намъ удивленія достойныя явленія. Природа призываетъ наши чувства къ кратковременному отдохновенію. Отдыхаютъ нервы и мускулы, чувственныя ощущенія прерываются; одна мыслительная сила бодрствуетъ и продолжаетъ свои дѣйствія. Не будучи совсѣмъ отдѣльна отъ óргановъ, она представляетъ тѣ же образы, какіе посредствомъ оныхъ запечатлѣла, но будучи также нѣсколько отъ óргановъ свободнѣе, часто представляетъ впечатлѣнія въ другой связи. И когда органическій составъ здоровъ и спокоенъ, то мыслительная сила воображаетъ предметы гораздо свѣтлѣе, свободнѣе, вкушаетъ ихъ несравненно сладостнѣе, нежели на яву. Законы міра сего для нея ничто; не стѣсняютъ ее ни пространство, ни время; человѣкъ

носится по воздуху, пролетаетъ неизмѣримые предѣлы, бесѣдуетъ съ давно умершими, бесѣдуетъ съ протекшими вѣками; нѣтъ ничего для него невозможнаго. Вотъ намѣка, что мыслительная сила, будучи духовною, можетъ дѣйствовать сама собою, и дѣйствовать далеко пространнѣе, нежели въ предѣлахъ теперешняго организма. Поелику всѣ причины, наводящія на насъ сонъ, и всѣ тѣлесные признаки онаго суть физіологически и въ самой вещи подобіями смерти, то для чего не воображать намъ и въ состояніи души во время сна подобія съ тѣмъ состояніемъ, въ какомъ она будетъ послѣ смерти, или послѣ уничтоженія теперешняго наружнаго вида нашего? Сей образъ мыслей не противенъ Божіимъ свойствамъ, вѣчной премудрости, благости и правосудію. Вообразимъ, что, подобно сну, смерть только охлаждая горячку теперешней жизни, измѣняя единообразное и скучно-продолжающееся движеніе, излечиваетъ нѣкоторыя, въ сей жизни неизлечимыя, раны и приготовляетъ насъ къ радостному пробужденію, ко вкушенію новаго, юнаго утра. Какъ во снѣ мысли мои возвращаются въ юношеское состояніе, какъ во снѣ, освободясь только отъ нѣкоторыхъ тѣлесныхъ о́ргановъ моихъ и будучи болѣе соединенъ въ самомъ себѣ,

чувствую себя свободнѣе и дѣятельнѣе; такъ и ты, усладительный смертный сонъ, освободя совершенно отъ тѣлесныхъ о́ргановъ, возвратишь меня къ юности, къ прекраснѣйшимъ и крѣпчайшимъ мгновеніямъ моего бытія — доколѣ пробужусь, можетъ быть, въ прекраснѣйшемъ еще ихъ полѣ небеснаго юношества. Такъ по слабости моей воображаю, пріемля подобіе отъ сна. Но Ты, Всемогущій, прости меня, если въ нынѣшнемъ моемъ состояніи, такъ слабо воображаю приготовляемое Твоею благостію будущее бытіе мое. Выше постигнуть нынѣ я не въ силахъ.

V.

Человѣческое достоинство наше есть только предуготовительное, почка къ будущему цвѣтку.

Мы видѣли, что вся цѣль здѣшняго нашего бытія состоитъ въ достиженіи достоинства человѣчества; всѣ нужды здѣшней жизни насъ къ тому ведутъ. Наши мыслительныя способности должны образовать умъ, тонкія чувства наши устроены для искуства, наши побужденія должны вести къ человѣколюбію, къ истинному изящному.

Цѣль лежитъ въ самыхъ вещахъ, и такъ ясна, какъ бытіе Божіе и наше.

Но какъ рѣдко цѣль сія достигается въ здѣшнемъ мірѣ! у многихъ народовъ умъ подавленъ звѣрствомъ; часто ищутъ истины путями заблужденій; изящное и чистосердечіе, къ коимъ Богъ насъ создалъ, искажаются нерадѣніемъ и нечестіемъ. Только у немногихъ познаніе человѣческаго достоинства бываетъ наукою всей жизни, у большой части поздно начинаютъ о томъ думать, или низкія побужденія низвергаютъ возвышеннаго человѣка въ состояніе низкаго животнаго. Кто изъ смертныхъ можетъ похвалиться совершеннымъ достиженіемъ, сокрытаго въ немъ образа человѣчества?

Гдѣ же въ природѣ поставленная цѣль, которая не достигается? Всякое животное достигаетъ того, что ему предопредѣлено достигнуть въ семъ мірѣ. Сама Природа ведетъ его надежнѣйшимъ образомъ посредствомъ инстинкта; человѣку, вмѣсто инстинкта, данъ умъ, но сей умъ съ примѣсью организма не довольно силенъ вести человѣка къ его назначенію. Достоинство его такъ обширно и возвышенно, а онъ къ тому приготовляется такъ низко, начинаетъ такъ поздно, при борьбѣ съ столь многими препятствіями снаружи и свнутри. Онъ

долженъ всему, что касается ума и человѣческаго достоинства, учиться, но учится такъ несовершенно; съ сѣменемъ ума и добродѣтели нерѣдко пріобрѣтаетъ наслѣдственные предразсудки и пороки. Сколько цѣлыхъ народовъ, страждущихъ въ невѣжествѣ, въ суевѣріи и въ заблужденіяхъ самыхъ безчеловѣчныхъ! И тамъ, гдѣ уже человѣкъ познаетъ, какимъ онъ быть долженъ, мало тѣхъ, кои суть таковыми. Онъ самъ понимаетъ свои обязанности, а нерѣдко заставляетъ себя принуждать къ исполненію оныхъ. Часто неволя кажется ему свободою, свобода неволею, порокъ добродѣтелью, добродѣтель порокомъ, ложь истиною, истина ложью. Почему же данный ему вмѣсто инстинкта умъ, не имѣетъ столько твердости и надежности, какъ инстинктъ у животнаго? Доживши до глубокой старости, все еще остается младенцемъ, не довольно осторожнымъ, не довольно опытнымъ, не довольно твердымъ; еще готовымъ на всякія погрѣшности и заблужденія. Когда же и гдѣ человѣкъ будетъ человѣкомъ, будетъ тѣмъ, чѣмъ онъ быть долженъ, чѣмъ такъ усильно быть желаетъ? Или таковое его желаніе есть тщетное? Но Природа ничего напрасно не созидаетъ; она нигдѣ не отступаетъ отъ правилъ совершенства. Нѣтъ,

человѣкъ стремится къ достоинству своему, къ совершенству, и достигнетъ онаго непремѣнно; онъ уже и въ нынѣшнемъ состояніи покрывается стыдомъ, если изобличаютъ его въ недостоинствѣ, невольно чувствуя скрывающійся въ немъ образъ превосходства. Онъ не созданъ для дѣлъ низкихъ. Уже и нынѣ плѣняетъ его всякое дѣло великодушное, благое, возвышенное. За тѣмъ нынѣшнее состояніе человѣка, принужденное, затруднительное, есть не конецъ, а начало къ дальнѣйшему восхожденію. Собственными усиліями, подъ руководствомъ Отца небеснаго, и подобный человѣку, нѣкогда будетъ совершеннымъ человѣкомъ; отъ хлада или зноя поблекшая почка нѣкогда, освѣжаясь, расцвѣтетъ въ истинномъ видѣ и полной красотѣ.

И такъ легко намъ угадать, какая часть нашего достоинства можетъ переходить въ другой міръ. Это божественное человѣчество, свернутая почка истиннаго образа человѣка.

Всѣ наши земныя нужды, всѣ наши временныя страданія, служатъ къ воспитанію сего небеснаго цвѣтка. Во всякомъ земномъ побужденіи содержится сѣмя возвышеннѣйшей духовной силы. Земныя нужды пріучаютъ къ дѣятельности и размышленію; побужденіе половъ, семейственныя связи, пріучаютъ къ дружбѣ, къ любви, которая въ чистомъ смыслѣ имѣетъ въ себѣ нѣчто чудесное, есть душа всемірной стройности. И кто знаетъ, какія еще намѣренія скрываются въ разныхъ побужденіяхъ и усиліяхъ, совершаемыхъ нами въ нынѣшнемъ состояніи? Когда приходитъ время разрушенія земнаго организма, тогда мы оставляемъ камнямъ известь костей, возвращаемъ стихіямъ отъ нихъ взятое; спадаютъ всѣ сіи внѣшнія облаченія, внутренній цвѣтокъ раскрывается, и человѣкъ возсіяетъ въ истинномъ своемъ, благолѣпномъ видѣ. Тогда онъ познаетъ цѣль, къ которой всякимъ своимъ усиліемъ стремился, прежде самъ того не вѣдая; лавиринѳъ распутывается, исчезаютъ искусительные, волшебные призраки, и не только всякъ, вдали или вблизи, созерцаетъ средоточіе, къ коему слѣдуетъ его путь, но и Ты, Отеческое Провидѣніе, въ видѣ генія или друга, толико ему нужнаго, само ведешь его туда десницею снисхожденія и милосердія.

Создатель, по благости Своей, сокрылъ предъ нами образъ другаго міра. Когда выше атмосферы, въ чистомъ, нами еще видимомъ эѳирѣ, уже нашъ организмъ существовать не можетъ; то возмогъ ли бы онъ перенести созерцаніе міра, такъ возвышеннаго?

даже умственное о немъ воображеніе заглушило бы земной составъ слабаго мозга нашего; самый слабый лучъ того свѣта погасилъ бы все тусклое мерцаніе сего міра, а сіе мерцаніе въ своей чредѣ составляетъ также степень необходимую. И сей міръ необходимъ, существовать долженъ. Природа возвышаетъ свои творенія постепенно. Но что я говорю о будущемъ мірѣ? Мы даже не въ состояніи дѣлать себѣ яснаго понятія, какимъ образомъ существующія съ нами животныя чувствуютъ и видятъ здѣшній міръ. Такъ трудно намъ проникать за предѣлы нашего организма. Но съ другой стороны, Творецъ и не совсѣмъ же сокрылъ предъ нами существованіе будущаго; въ душѣ нашей есть тайное чаяніе, хотя не ясное, но сильное, подкрѣпляемое Богомъ данною намъ Вѣрою и напряженіемъ ума, сими двумя средствами, насажденными въ насъ по превѣчнымъ законамъ Природы. По ходу Ея, въ ряду стоящихъ ниже насъ животныхъ, уже ясно видимъ, какъ Она шагъ за шагомъ отбрасываетъ грубѣйшее и облегчаетъ нужды, какъ напротивъ чѣмъ выше, тѣмъ болѣе насаждаетъ тончайшаго, благородное все болѣе благородитъ, красивое все болѣе украшаетъ; а за тѣмъ съ совершенною довѣренностію къ сей не-

видимой, всевышней художественной десницѣ, можемъ уповать, что и цвѣтокъ человѣческаго достоинства, въ будущемъ его развитіи, воспріиметъ видъ несравненно благороднѣйшій, коего слава и красота превосходятъ все подсолнечное. Прочь всякая мысль о образѣ того вида! ибо хотя я увѣренъ, что всѣ состоянія въ твореніи весьма тѣсно между собою связаны, что органическія силы души нашей въ чистыхъ и духовныхъ своихъ дѣйствіяхъ, сами пролагаютъ основаніе къ будущему ея явленію, или, что по крайней мѣрѣ она, сама еще не вѣдая, образуетъ уже ткань, имѣющую служить до нѣкотораго времени ея одеждою, доколѣ лучъ изящнѣйшаго солнца возбудитъ ея глубочайшія, отъ ней самой здѣсь еще сокрытыя силы: со всѣмъ тѣмъ было бы величайшею дерзостію предначертать Творцу законы образованія въ такомъ мірѣ, коего отношенія столь мало намъ могутъ быть извѣстны. Довольно, всѣ преобразованія, примѣчаемыя нами въ низшихъ созданіяхъ, суть дѣйствія постепенно увеличивающагося усовершенія, въ продолженіе коего природа нѣсколько разъ разстроивая, снова строитъ; вотъ указанія на то, чего мы, ради высшихъ причинъ, созерцать еще не въ состояніи. Въ простомъ цвѣткѣ сколько проходитъ степеней преоб-

разованія, пока оный достигаетъ совершеннаго развитія! Мотылекъ служитъ самымъ живымъ образцемъ. Смотри, ползетъ самый отвратительный червякъ, у коего все побужденіе состоитъ единственно въ исканіи пропитанія: приходитъ часъ, и томленіе смерти объемлетъ его; онъ опираясь обматываетъся; ткань смертной одежды и частію органы будущаго бытія уже въ немъ находятся. Тутъ работаютъ его кольцы, дѣйствуютъ внутреннія органическія силы. Долго продолжается преобразованіе и кажется разрушеніемъ; десять ногъ остаются при полосатой кожѣ, а новое твореніе пребываетъ еще неустроеннымъ въ своихъ членахъ. Исподоволь сіи, образуясь, приходятъ въ порядокъ; твореніе же пробуждается не прежде, какъ получая цѣлость: тутъ устремляется къ свѣту, и быстро совершается послѣднее образованіе. Проходитъ нѣсколько минутъ, и нѣжныя крылья выростаютъ въ пять разъ болѣе, нежели были тутъ же подъ кровомъ смертнымъ; они украшены упругостію и всѣмъ лучезарнымъ блескомъ, какой только находится подъ солнцемъ, столь многочисленны и велики, сколько нужно для ношенія творенія по нѣжнымъ струямъ зефира. Все строеніе онаго перемѣнилось; вмѣсто грубыхъ листьевъ, кои прежде со-

ставляли его кормъ, вкушаетъ онъ теперь нектарную росу изъ златой чаши цвѣтовъ. Его назначеніе перемѣнилось; прежде служилъ грубому побужденію корма, теперь предается нѣжнѣйшему чувству любви. Кто въ образѣ червяка предузнавалъ бы будущаго мотылька? Кто бы въ обоихъ позналъ одно и то же твореніе, если бы того не показалъ намъ опытъ? И оба сіи бытія составляютъ время жизни одного и того же существа, на одной и той же землѣ, гдѣ органическій кругъ единообразно паки начинается; сколь же великолѣпны должны быть развитія образованій на лонѣ Природы, въ ея областяхъ превосходства и величія! И такъ, человѣкъ, не углубляйся въ тщетныя исканія изображенія будущаго плотяными формами, но уповай, что ты не созданъ единственно для здѣшняго міра, тебя ожидаетъ совершеннѣйшій; свергни съ себя все нечеловѣческое, возлюби истину, правоту, благость, коими человѣкъ приближается къ Божественной лѣпотѣ, и будь увѣренъ, что не минешь своей цѣли.

Сими подобообразіями въ измѣненіяхъ и преобразованіяхъ Природа показываетъ, что переходомъ изъ одного состоянія въ другое, она избрала смертную дремоту. Она облекаетъ твореніе въ благодѣтельное оглушеніе,

когда органическія силы приготовляются къ высшему преобразованію. Само твореніе съ меньшею, или большею самоизвѣстностію, не имѣетъ довольно силъ обнять свою борьбу, или управлять ею. Затѣмъ оно впадаетъ въ дремоту, и пробуждается тогда, когда совершенно уже устроено. Такъ, смертный сонъ есть Отеческая милосердая пощада, цѣлительный опіумъ, при дѣйствіи коего Природа собираетъ свои силы, и дремлющій возстаетъ въ другомъ видѣ.

VI.

Человѣкъ въ нынѣшнемъ состояніи, вѣроятно, есть соединительнымъ членомъ двухъ міровъ.

Въ Природѣ все связано; одно состояніе стремится къ другому, и его уже приготовляетъ. Нигдѣ нѣтъ скачка въ переходахъ. Когда человѣкъ оканчиваетъ собою цѣпь земной организаціи, яко высочайшее и послѣднее ея звѣно; то именно тѣмъ уже начинаетъ собою цѣпь высшаго рода существъ, яко низшее ея звѣно; за тѣмъ, вѣроятно, составляетъ посредственное звѣно между двумя смежными системами тво-

ренія. На землѣ не можетъ уже онъ переходить ни въ какой организмъ, для того, что все, какъ выше сказано, подвигается впередъ, а не назадъ; остановиться также не можетъ, для того, что ни одна живущая сила не можетъ оставаться въ бездѣйствіи. Слѣдовательно предстоитъ ему степень и такъ къ нему близкая, и такъ надъ нимъ возвышенная, какая существуетъ между имъ, украшеннымъ благороднѣйшими превосходствами, и безсловеснымъ животнымъ. Сіе соображеніе, основанное на всѣхъ законахъ Природы, предлагаетъ ключь къ удивительному явленію человѣка, и показываетъ надежнѣйшій путь къ истинному любомудрію объ исторіи его рода.

1. Симъ объясняется странное въ человѣкѣ противорѣчіе. Яко животное, служитъ онъ землѣ и привязанъ къ ней яко къ своему мѣстопребыванію; но яко человѣкъ, носитъ въ себѣ сѣмя безсмертія,* которое требуетъ уже вертограда инаго рода. Яко животное, можетъ онъ еще достигнуть своихъ желаній, но коль скоро возносится къ побужденіямъ человѣка, то уже повсюду встрѣчаетъ трудности и нестройность. Что животное терпитъ разъ въ одинъ мигъ, онъ то терпитъ тысячекратно въ своемъ воображеніи, и терпитъ продол-

жительно. Животное умираетъ разъ въ жизни, человѣкъ многократно и часто; онъ умираетъ со всякимъ. На землѣ никогда истинно благородное не произведено въ дѣйствіе; чистѣйшее никогда не пріобрѣло постоянства и твердости; для душевныхъ и сердечныхъ силъ, гряда сія кажется лишь разсадникомъ первоначальныхъ упражненій и уроковъ. Слишкомъ то показываетъ исторія нашего племени съ его испытаніями, судьбами, предпріятіями и превращеніями. Тамъ и сямъ являлся мудрый, добрый, разсыпая мысли, благіе совѣты и дѣла, въ потопѣ временъ; нѣсколько волнъ стремится къ нимъ, но быстрина, поглощая ихъ, уноситъ и даже не оставляетъ слѣдовъ. Богатые дары благонамѣренности погружаются въ пучину; безуміе торжествуетъ надъ мудростію, нерѣдко въ одну минуту расточаетъ всѣ душевныя сокровища, стяжанные многолѣтними усиліями предковъ. Сколь мало здѣшняя жизнь принаровлена къ вѣчности, столь мало круглость безпрерывно вертящейся земли есть мѣстомъ прочныхъ произведеній, вертоградомъ вѣчныхъ растеній, храмомъ вѣчной обители. Мы приходимъ и уходимъ; всякое мгновеніе приноситъ тысячи, и тысячи уноситъ; земля представляетъ гостиницу отдохновенія

для странствующихъ. Всѣ животныя на ней достигаютъ своей цѣли; они дѣлаются тѣмъ, чѣмъ быть должны; одинъ человѣкъ того не достигаетъ. Онъ во всегдашнемъ противорѣчіи съ самимъ собою, съ землею; ибо самое совершеннѣйшее изъ ея организмовъ твореніе, есть вмѣстѣ самое несовершеннѣйшее въ отношеніи къ исключительнымъ его склонностямъ, чуждымъ для всякаго другаго земнороднаго. Причина та, что его состояніе, самое высшее на землѣ, есть вмѣстѣ первоначальное, самое низшее для будущаго существованія, въ разсужденіи коего онъ является здѣсь какъ младенецъ, въ начальныхъ упражненіяхъ. И такъ онъ въ себѣ соединяетъ два міра: и царство земное и царство небесное; его существо знаменуется двуличіемъ.

2. Весьма ясно, что здѣсь человѣкъ большею частію есть еще плотяное животное; къ человѣчеству имѣетъ онъ только способности, кои долженъ еще развивать съ большимъ трудомъ и усиліями. И сколь мало успѣвающихъ! И у самаго лучшаго сколь нѣженъ сей насажденный божественный цвѣтокъ! Во все пребываніе человѣка на землѣ, животное силится въ немъ господствовать надъ человѣкомъ, и по большей части господствуетъ. Животное всегда влечетъ долу, тогда, ко-

гда духъ и сердце стремятся выспрь; и такъ какъ для плотянаго творенія настоящее всегда живѣе, нежели отдаленное, видимое дѣйствуетъ сильнѣе, нежели невидимое, то и немудрено, что животное имѣетъ перевѣсъ. Сколь мало чистыхъ радостей, чистыхъ познаній, добродѣтелей! Благороднѣйшія связи ниспровергаются низкими побужденіями; вся жизнь земная есть плаваніе, волнуемое безпрестанно противными вѣтрами, и цвѣтокъ безсмертія растетъ между терніями, въ области бурныхъ вихрей и грозъ. Многоиспытанный человѣкъ многому научился; лѣнивый и праздный не знаетъ того, что въ немъ заключается, лишенъ радостнаго понятія, къ чему достигнуть можетъ. И такъ здѣшняя жизнь есть постоянная борьба, а цвѣтокъ чистаго, безсмертнаго человѣчества есть тяжко пріобрѣтаемый вѣнецъ. Это неизбѣжная участь творенія, стоящаго на межѣ между двухъ міровъ неодинакой натуры.

3. Если высшія существа на насъ взираютъ, то вѣрно мы имъ представляемся такъ, какъ намъ представляются средніе роды твореній, чрезъ кои Природа переходитъ отъ одной стихіи въ другую. Строусъ слабо воздымаетъ свои крылья, устремляясь только къ бѣгу, а не къ летанію;

тяжелое его тѣло влечетъ къ низу. Между тѣмъ и о немъ, равно какъ и о всякомъ среднемъ твореніи, заботилась созидательная матерь; и они сами въ себѣ совершенная и красивы, только нашимъ очамъ кажутся неустроенными. Такъ-то и съ человѣческою здѣшнею Природою; земному духу кажется она странною; возвышенное же существо, которое проницаетъ внутренность и видитъ въ общей цѣпи болѣе звеньевъ, сдѣланныхъ другъ для друга, можетъ къ намъ имѣть жалость, но не презрѣніе. Совершеннѣйшее существо можетъ видѣть, для чего люди оставляютъ здѣшній міръ въ толь различныхъ положеніяхъ: въ молодости и въ старости, въ безуміи и мудрости, и въ сѣдинахъ по возвращеніи паки въ состояніе дѣтское, или еще въ видѣ нерожденнаго. И бѣшенство, и уродливость, и всякую запутанность человѣчества объемлетъ всемогущая благость, и въ сокровищахъ своихъ имѣетъ довольно бальзаму къ излеченію и тѣхъ ранъ, кои одна смерть облегчить можетъ. Такъ какъ, вѣроятно, будущее состояніе столько же прикосновенно къ теперешнему, сколь теперешнее прикосновенно къ состояніямъ низшихъ организацій; то нѣтъ сомнѣнія, что и занятія тогдашняго состоянія будутъ близко свя-

заны съ нынѣшнимъ бытіемъ нашимъ. Вопросятъ, для чего жъ мы низшіе отъ насъ организмы видимъ, а высшія состоянія сокрыты предъ нами? Уже выше объяснена причина, для чего вредно бы было для насъ видѣть ясно будущее; мы бы тогда не могли перенести настоящаго: перенесетъ ли мрачное преддверіе тотъ, кто видитъ вблизи палаты свѣтлыя, великолѣпныя? перенесетъ ли младенецъ пелена, имѣя зрѣлыя понятія совершеннолѣтняго? Но развѣ мы и совсѣмъ не предчувствуемъ будущаго? Не говоря уже о Вѣрѣ и откровеніи, стремленіе наше къ безсмертію, частыя невольныя о томъ размышленія развѣ суть случайныя? дѣйствія безъ причины? Сколь многіе, страшась будущаго, усиливаются скотообразною жизнію заглушить мысль о безсмертіи; однако мысль сія у нихъ не умираетъ, и во снѣ и на яву паки проницаетъ въ ихъ душу; ибо она насаждена Природою. И ближайшія къ намъ животныя, можетъ быть, имѣютъ нѣкое темное чувство и о нашемъ высшемъ надъ ними состояніи. Они того ясно постигнуть не могутъ, но сіе не перемѣняетъ нашего состоянія. Они то чувствуютъ по своему. Что они темно чувствуютъ, то мы яснѣе понимаемъ, яснѣе постигаемъ силою размышленія. За тѣмъ

видимъ будущее потолику, поколику теперешнее наше состояніе позволяетъ. Такъ, небесный вертоградъ цвѣтетъ быліями, кои здѣсь получили корни и въ дикомъ облаченіи пускали ростки. Если главною метою человѣчества есть благоволеніе и дружба, стремленіе радоваться радостію всего насъ окружающаго, радостію и благоденствіемъ вселенной: то сей красивѣйшій цвѣтокъ человѣческой жизни долженъ тамъ достигнуть того усладительнаго образа, той высоты, куда, во всѣхъ отношеніяхъ земныхъ, наше сердце столь сильно, но тщетно стремится. Затѣмъ братья наши высшей степени вѣрно любятъ насъ болѣе и чище, нежели мы ихъ ищемъ и любить можемъ; ибо они яснѣе обозрѣваютъ наше состояніе. Для нихъ уже минуло мгновеніе времени, всѣ нестройности разрѣшены, и, можетъ быть, невидимо воспитываютъ въ насъ участниковъ ихъ благоденствія, собратовъ ихъ дѣлъ безсмертныхъ. Однимъ шагомъ далѣе, и сердце израненное исцѣляется, душа вкушаетъ свободу небесную; они видятъ приближеніе сего шага, и простираютъ поползню свою руку.

4. Поелику человѣкъ есть участникомъ двухъ міровъ, то и нельзя допустить, чтобы будущее состояніе было совершенно

чуждо нынѣшняго; напротивъ находимъ многія событія, кои безъ допущенія вышняго вліянія кажутся непонятными. Напримѣръ, чтобы человѣкъ въ состояніи былъ самъ собою вступить на путь умственнаго образованія, и безъ всякаго руководства свыше изобрѣсть слово и первоначальныя науки: сіе кажется мнѣ неудобоизъяснимо, и тѣмъ неизъяснимѣе, чѣмъ продолжительнѣе предполагаютъ въ немъ дикое состояніе животнаго. Конечно Божій Промыслъ бодрствуетъ надъ родомъ человѣческимъ отъ самаго его возстанія, и ведетъ его путями, отъ вѣчности предначертанными. Чѣмъ менѣе силы человѣчества были развиты, тѣмъ непосредственнѣе, ощутительнѣе оказывались дѣйствія свыше. И въ позднѣйшія времена, величайшія событія на земли происходили отъ неизъяснимыхъ причинъ, или таковыми были сопровождаемы. Нерѣдко самые недуги были орудіями важнѣйшихъ дѣйствій. Если органъ выходитъ изъ соотвѣтствія съ другими и дѣлается неудобнымъ для употребленія къ земной жизни, то вѣчнодѣятельная внутренняя сила можетъ взять направленіе къ другой части творенія, получить такія впечатлѣнія, къ коимъ нетронутый земной организмъ неспособенъ и въ нихъ не имѣетъ надобности. Но какъ бы то ни

было, завѣса, протянутая между симъ и другимъ міромъ, весьма благодѣтельна; и не безъ причины такъ тихо и безмолвно у могилъ усопшихъ. Есть такого рода впечатлѣнія, изъ коихъ достаточно и одного, чтобы разстроить весь кругъ мыслей человѣка и сдѣлать его неспособнымъ для здѣшняго свѣта. Обыкновенный человѣкъ удаленъ во всю жизнь отъ сихъ впечатлѣній. Обезьяна, сколько бы ни подражала человѣку, всегда останется обезьяною, и никогда не сдѣлается свободномыслящимъ человѣкомъ; и тамъ, гдѣ водима, должна она оставаться въ счастливомъ мечтаніи, будто сама дѣйствуетъ. Для успокоенія человѣка, для пощады свойственной его Природѣ благородной гордости, надлежало его лишить воззрѣнія на высшія существа, ибо вѣроятно, познавъ ихъ, мы бы стали себя презирать. Человѣкъ долженъ переноситься въ будущее состояніе не зрѣніемъ, но вѣрою. Къ ясному созерцанію совершеннѣйшаго міра онъ здѣсь не имѣетъ орудій.

5. Нѣтъ сомнѣнія, что во всякой его силѣ сокрыта безконечность, которая здѣсь не можетъ развиваться, будучи стѣснена другими силами, чувственностію и плотяными побужденіями; она здѣсь въ оковахъ. Неоднократные примѣры памяти,

воображенія, даже предвидѣнія и предчувствія, кои открывали удивительнѣйшіе предметы, указываютъ на сокровища, почивающія въ человѣческой душѣ; даже и чувственныя орудія изъ того не исключены. Что иногда болѣзни и недостатокъ какого либо чувственнаго орудія были причиною открытія чего либо изъ сихъ сокровищъ, сіе не перемѣняетъ вещи, ибо именно та несоразмѣрность и нужна, чтобы, ослабляя одинъ органъ, показать могущество другаго. Изреченіе Лейбница, что душа есть зеркаломъ Вселенной, можетъ быть, содержитъ въ себѣ мысль гораздо пространнѣйшую, нежели думаютъ; ибо и силы всей Вселенной, кажется, въ ней сокрыты, и ей нуженъ только извѣстный рядъ организмовъ, чтобы тѣ силы раскрыть и привести въ дѣйствіе. Всеблагій не откажетъ ей въ сихъ пособіяхъ и лелѣетъ ее какъ младенца, приготовляя постепенно къ полнотѣ того блаженства, которое она будетъ нѣкогда вкушать въ собственно пріобрѣтенныхъ силахъ и понятіяхъ. Уже и въ нынѣшнихъ ея оковахъ презираетъ она мѣсто и время, измѣряющія и означающія только соотношенія тѣла, но не внутреннее ея достояніе, которое возносится выше времени и мѣста, коль скоро дѣйствуетъ въ крѣпости полнаго своего веселія.

Не заботься о мѣстѣ и часѣ будущаго своего бытія; солнце, освѣщающее день твой, лишаетъ тебя вида твоего земнаго жилища, затмѣвая такъ долго всѣ небесныя звѣзды. По захожденіи его является міръ въ величайшемъ видѣ; священная ночь, въ ризахъ коей облеченный ты нѣкогда почивалъ и нѣкогда паки почивать будешь, покрываетъ твою землю тѣнію, но за то раскрываетъ тебѣ въ небѣ блистательнѣйшія книги безсмертія.

Тамъ обители, міры, пространства — они блистаютъ въ полной юности, послѣ истеченія тысящелѣтій; перемѣна временъ не лишаетъ ланитъ ихъ лучезарнаго свѣта.

Здѣсь же, подъ нашими взорами, все истлѣваетъ, переходитъ, исчезаетъ; время угрожаетъ разрушеніемъ земному великолѣпію и земному счастію!

Уже не будетъ земли, а ты еще будешь, наслаждаясь, въ другихъ обителяхъ и организмахъ, Богомъ и Его твореніемъ. Ты вкушалъ и на земли много добраго, достигши того организма, въ которомъ, какъ чадо неба, обучался взирать окрестъ себя и надъ собою. Учися безропотно оставлять ее; благослови ее, какъ лужокъ, на которомъ игралъ ты, будучи младенцемъ безсмертія; какъ ристалище, гдѣ радостями и скорбями

воспитывался къ возмужанію. Болѣе ни ты ей, ни она тебѣ не принадлежитъ; увѣнчанный вѣнцемъ свободы, и опоясанный поясомъ небеснымъ, бодро продолжай свое странствіе.

Растеніе оканчиваетъ рядъ подземнаго царства и начинаетъ рядъ надземнаго и солнцемъ озаряемаго. Оно частію еще погребено въ землѣ, частію уже восходитъ, наслаждаться лицезрѣніемъ солнца; будучи звѣномъ, соединяющимъ два смежные міра, стоитъ прямо, вознося главу свою къ небу. И человѣкъ, превознесенный надъ всѣми земнородными одушевленными, но согбенными твореніями, соединяя міръ плотяной съ духовнымъ, стоитъ прямо; простирающимся около и выше себя взоромъ и подъятыми вверхъ руками, онъ внимаетъ воззванію Отца Небеснаго.